

Управление культуры мэрии города Ярославля
Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система города Ярославля»
Центральная библиотека имени М. Ю. Лермонтова

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

Выпуск 1

Литературно-художественный сборник
произведений лауреатов, дипломантов, финалистов
межрегионального фестиваля-конкурса
имени Евгения Гусева

ПОЭЗИЯ
ПРОЗА

ЯРОСЛАВЛЬ
ООО «АВЕРС ПЛЮС»
2022

84 (2=411.2) 6
Я 15

*Издание осуществлено в рамках муниципальной
программы «Развитие культуры
в городе Ярославле» на 2017-2022 годы*

Редакционная коллегия

С. Ю. Ахметдинова (отв. редактор),
Л. Л. Гусева, Ю. А. Зайцева

Яблочный Спас : литературно-художественный сборник произведений лауреатов, дипломантов, финалистов межрегионального фестиваля-конкурса имени Евгения Гусева / отв. редактор С. Ю. Ахметдинова / МУК ЦБС г. Ярославля, Центр. б-ка им. М. Ю. Лермонтова. – Ярославль : ООО «АВЕРС ПЛЮС», 2022 – Вып. 1: Поэзия. Проза. – 2022. – 200 с.

В первый выпуск сборника вошли произведения 33 авторов из разных городов России, от Москвы до Владивостока, – лауреатов, дипломантов и финалистов Третьего межрегионального конкурса имени Евгения Гусева «Яблочный Спас» 2022 года, который ежегодно проходит в Ярославской области.

В книге представлена поэзия и проза по двум возрастным категориям – от 14 до 20 лет и старше 21 года. Авторы пишут на самые важные и животрепещущие темы – о православной вере и нравственных ценностях, об исторической памяти и о многом другом.

Сборник адресован широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-9527-0448-0

© МУК ЦБС города Ярославля, 2022

© Авторы материалов, 2022

«Спасов день в нашем саду»

Перед Вами первый выпуск сборника «Яблочный Спас», изданный по итогам одноимённого конкурса.

Межрегиональный литературный фестиваль-конкурс «Яблочный Спас» имени Евгения Гусева проводится в Ярославской области уже в третий раз, начиная с 2020 года, по инициативе вдовы поэта – Людмилы Львовны Гусевой. Это двухдневное событие традиционно начинается с круглого стола в Ярославле с участием представителей писательских союзов и заканчивается празднованием Преображения, Яблочным Спасом, в деревне Перекладово, на родине Евгения Гусева.

Евгений Павлович Гусев (1948-2019) – заслуженный работник культуры, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, офицер, ветеран военной службы. Рождённый в глубинке, Евгений Павлович с молоком матери впитал любовь к малой родине, помнил свои крестьянские корни, посвятив немало пронзительных стихотворений своим родителям, односельчанам и родным ярославским местам. Его творчество отзывалось в сердцах и простых тружеников, и убелённых сединой ветеранов. Оттого поэт на свои творческие вечера собирал большие залы, переполненные почитателями его таланта.

Фестиваль «Яблочный Спас» памяти Евгения Павловича Гусева проводится при участии членов Союза писателей России для выявления новых талантов, как в России, так и в странах ближнего и дальнего зарубежья. В этом году поступило 524 заявки от Калининграда до Владивостока, а также из Донбасса, республики Дагестан, Башкортостана, Карелии, зарубежные страны представлены авторами из Армении, Беларуси, Казахстана, Латвии, Израиля. Фестиваль-конкурс смог объединить творческих людей, пишущих на русском языке на самые важные и животрепещущие темы, независимо от вероисповедания и политических взглядов.

С каждым годом ширится поддержка Фестиваля различными организациями и учреждениями. В этом году он совпал с празднованием Дня города Ярославля и финансово поддержан управлением культуры мэрии города Ярославля, организатор - Централизованная библиотечная система города Ярославля.

Нынешний конкурс проводился с 1 февраля по 21 августа 2022 года в двух номинациях «Поэзия» и «Проза» по двум возрастным категориям: от 14 до 20 лет и старше 21 года. В сборник вошли произведения 33 авторов – лауреатов, дипломантов и финалистов конкурса. Все вошедшие произведения под одну обложку первого выпуска «Яблочного Спаса» не оставят читателя равнодушным. Авторы пишут только о том, что волнует каждого мыслящего человека – о православной вере и нравственных ценностях, об исторической памяти, о нашей общей Победе в страшной войне XX века с фашизмом, поднимающим голову на дорогой нам всем Украине.

Разве не согласимся мы со сказанным Татьяной Селезнёвой в стихотворении «Защитникам Аджимушкай»:

Война прошла.
Но память – не пройдёт
У тех, кто остаётся человеком.

Очень важно отношение к памяти о войне 1941-1945 годов нынешнего подрастающего поколения, и эта тема нашла отражение в рассказах «Музыка у старого дома» Виктории Татур, «Третий выпускной» Горницкой Любавы, «Только живи» Виктории Болдыревой.

И сейчас звучат, как молитва, строки письма на фронт главной героини рассказа «Варежки» Натальи Колмогоровой. Получившая похоронку на единственного сына, мать изо дня в день вязала бойцам варежки на фронт, в каждую пару она вкладывала своё письмо-молитву, как оберег, за всех сыновей:

«Сынок! Молюсь о твоём возвращении. Час победы близко.
Возвращайся живым. Твоя мама».

Сергей Божко из Донецка, из самого донбасского пекла,
задаёт нам всем вопрос:

В прямом эфире горит «Маяк»,
Донецку важный, как Нотр-Дам
закрытый воем: как выжить, как
цивилизации или нам?

Сгорают книги и шелестят,
законсервируются водой,
на телефоне тяжёлый клад
с глухими рыбами и стрельбой.

Я ожидаю вернуть кешбэк,
восполнить книгу, отдать свои
из аккуратных библиотек,
сгребая пахотные слои.

И может рухнуть от ударов сердца
Весь мир, в котором ты привычно жил.
Чуть хлопнет где-то хлипенькая дверца –
Душа сорвётся с лески тонких жил.

Духовные искания наших авторов как нельзя близки
традициям русской классической литературы. Полина Кон-
дратенко в стихотворении «Тополь, я» пишет:

Всемиловитый и внезапный Боже!
Полузабыто-детскими путями,
недетским ощущением времён
Ты показал мне, из каких деревьев
сколочено и сбито моё сердце.

И тема Преображения Господня, Яблочного Спаса, так гармонично вошла на страницы книги. Татьяна Грибанова в рассказе «Спелым летом» пишет о яблочном урожае, а мы сравним его с нашим литературным конкурсом «Яблочный Спас», открывающим так много зрелых талантов: «Падают, сыплются красивущие, первосортные, налитые светом и соком, чудится, будто тысяча крохотных солнц слетела со своих орбит и зароилась по Всевышнему промыслу под Спасов день в нашем саду».

Богатых новых урожаев тебе, «Яблочный Спас»!

*Светлана Ахметдинова,
директор муниципального учреждения
культуры «Централизованная библиотечная
система города Ярославля»*

**НОМИНАЦИЯ «ВОЗРАСТНАЯ КАТЕГОРИЯ
ОТ 14 ДО 20 ЛЕТ»**

ПОЭЗИЯ

ЕРМАКОВА АЛЕКСАНДРА

Лауреат 1 степени

г. Переславль-Залесский

ДОЖДЬ

Над полями накалялся воздух.
Задыхаясь, умирала рожь.
Даже месяц ночью в чаще звёздной
Был на злого хищника похож.

Только там, за горизонтом дальним,
В небо грозовой взвивался змей.
Гром-кузнец, стуча по наковальне,
Облачных подковывал коней.

День за днём, измученные зноем,
Колоски брели на эшафот...
О дожде молило всё живое,
Вся земля ждала его приход.

И, конечно, выждала! Под вечер
Чёрной тучей смыло синий свод,
Над полями вскачь промчался ветер
С радостным известьем: дождь идёт!

Словно морж, отряхиваясь, ливень
Ощетинил мокрые усы.
Острых молний голубые бивни
Врезались в поникшие кусты.

Вал воды, обрушиваясь косо,
Выпятил раздувшийся живот.
И пошёл с подскоком, с перехлёстом,
С шумом вытанцовывать фокстрот.

Дождь прошёл.
Смеялось солнце в лужах.
Не спеша потягивалась рожь...
Этой ночью, Млечный путь утюжа,
Месяц на котёнка был похож.

ВЫГОВСКИЙ ИЛЬЯ

Лауреат 2 степени

г. Владивосток

Я КРИЧУ!

Журчит ручей, скворчит котлета,
Шипит змея, гогочет гусь,
Гремит оркестр, ревет ракета.
Я звуков этих не боюсь.
Свистит свисток, орёт сирена,
Грохочет град, скребётсямышь,
Шуршит листва, скрипит телега,
Рокочет гром, шумит камыш.
Бурлит река, вопит ребёнок,
Жужжит пчела, пыхтит завод,
Стучит кузнец, мычит телёнок.
Гудит призывно пароход.
Хочу все звуки в этом мире
Вобрать в себя, ну а затем
Разинуть рот и что есть силы
Их выкрикнуть на радость всем!

ТАНЕЦ

Ирине Соловьёвой

Свело дыханье,
и пот солёный
бежит с волос.
Латинский танец
страны далёкой
меня понёс.

Неразделимы,
мы превратились
в одну струну.
Сожми мне руку,
скажи глазами,
я всё пойму.
Под ритмы танца,
под шелест платья,
под сердца стук
Скажу шагами,
изгибом тела,
движеньем рук.
Бедра касанье,
огней мерцанье
и тел полёт.
Латинский танец,
волшебный танец
меня зовёт.

ЕВСТИГНЕЕВА ЕЛИЗАВЕТА

Лауреат 3 степени

г. Москва

Дороги, слякотью заросшие,
Вкусили хлопья снега насыто.
Занятнее, чем пятна Роршаха,
Ступать по каменистой насыпи,

В тени от города и ко вида
Входить в чертог усадьбы Пушкина
И зреть пейзажи Подмосковии:
Дома, барак и сад запущенный,

Где почки розовые режутся,
В апрельскую вступаю матрицу,
Пока грядущее не чешется,
А настоящее всё пятится.

отец
время выпотрошило
даже плюшевого медведя
посмотри каким жалким он стал
ты дарил мне фломастеры но теперь
я подпираю ими герань на балконе
время всего на одну букву
короче слова любовь
тайные смыслы такие тайные
я бы купила тебе сладкую вату

взяла тебя за крепкую руку
и прокатила на качелях
твои карие глаза
с трудом читают
даже детские книжки
проплешина на темечке
и седая полоска надо ртом
будто ты выпил старость
но забыл вытереть губы

КОСТРИКИН САВЕЛИЙ

г. Воронеж

ТРОПИКИ В СТЕПЯХ

Ветер свищет, гуляя в бесформенных джунглях солнца,
Прыгая обезьяной по тонкой, небесной кроне.
По лиане-лучу спустится, прикоснётся
К узловатым бананам деревьев, кроме которых, кроме

Пятен их кожуры, поедаемой пастью света,
В сельве нет ничего, не застывшего липкой пеной,
Превращенную жаром в текучую, Божью сетку
Чёрно-жёлтых квадратов, сомкнувших над миром стены.

Расплетается небо подобием тонких веток,
Образующих полог белесой листвы лоскутной.
А по ним вместе с солнцем несётся макака-ветер,
Силы летнего зноя, невидимый, близкий спутник.

ЛУННЫЙ ИЮНЬ

Липкий воздух, застывший в кристалле,
Отражает блестящий июнь.
Дни тягучими, длинными стали.
Месяц ночью – беспечен и юн.

Каплей воска желтеет на небе
Серп, колосья срезающий звёзд.
Никогда ещё ярче он не был –
Сам себя в поднебесье вознёс.

Расплавляется ночь по минутам,
Растекаясь незримой тропой.
Света столб, полукругом согнутый,
Ты нам песню о лете пропой!

ЛУКОШКО МАРГАРИТА
г. Райчихинск, Амурская область

МОЯ РОДИНА – ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Моя Родина – Дальний Восток,
Это звонко звучит и счастливо!
Прочитай ты хоть тысячу строк,
Не поймёшь, как у нас здесь красиво!

Как зимой ослепительный снег
Под лучащимся солнцем искрится,
Как весной багульника цвет
Среди сопок – как перья жар-птицы.

И как летом, в жару, только тот,
Кто забраться в тайгу не боится,
Вдруг услышит, шагая в поход,
Тихий шёпот: «Смотрите, тигрица!»

И осенние листья держа,
Понимаешь вдруг остро, глубоко:
Своё сердце отдам навсегда
Благовещенску, Владивостоку.

Приезжайте на Дальний Восток,
Где всё звонко звучит и счастливо!
Ощутите его волшебство
И почувствуйте всю его силу!

МОЙ ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ

Я проснулась, встала, к маме подошла,
А за мной подушка следом поползла.
Что это такое? Что за натюрморт?
Головой мотаю, а она ползёт!
Угадайте, что я делала вчера?
С жвачкой я уснула, вот и все дела!
Приросла к подушке вся моя коса,
Еле отлепили, вот так чудеса!

А в обед я в школе ела бутерброд,
Аккуратно повернув его наоборот,
Как учил Матроскин – колбасою вниз,
Но случился сразу маленький сюрприз.
Прозвенел звонок, и начался урок,
Кто сложил колбаску в сумку под замок?!
Вечером тетради все перепишу,
Бутерброды в школу больше не ношу!

Вечером на улицу вышла подышать,
Мама наказала дорожки подметать.
Листики с тропинки все я собрала,
Грабли положила, всё! Гулять пошла!
Разбежалась, прыгнула, что-то по лбу – щёлк!
Грабли прилетели в мой несчастный лоб!
Я могла бы дальше много рассказать,
Но пойдю-ка жвачку снова покупать!

ПРОЗА

ХАРИТОНОВА ЕКАТЕРИНА

Лауреат 1 степени

г. Москва

УЖИН У КНЯЗЯ МОНАКО

Бежевые занавески еле заметно колыхались в такт перестуку колёс. Солнечные лучи, сумевшие-таки пробраться в купе, шарили по столу и кокетливо преломлялись в гранёных стаканах с чаем, рисуя на скатерти причудливые волны из света и тени. Какой-то непонятно откуда взявшийся под застеленной полкой винтик шумно подскакивал – колесо наезжало на стыки рельс. Воздух излучал тёплый свет – он был переполнен успокаивающей симфонией железной дороги и незатейливыми запахами съестного. Мирно парившие в воздухе пылинки то и дело попадали на свет, превращались из невидимок в уютные белые звездочки. От слегка помятого белья пахло лавандой, хлоркой и свободой – свободой от работы, суеты и душного, приевшегося города.

Он допивал уже третий стакан Эрл Грея, Ему было тепло и спокойно. Он – Мужчина с живописными чертами лица и статной, подтянутой фигурой, к которому ещё можно обратиться «молодой человек», но уже очень уважительным тоном. Мужчина знал, что Его внешность не отталкивает, а, наоборот, располагает, излучая приятную силу. Он про себя тихо радовался и этой уверенности, и душистому дымящемуся напитку, и тёплому дню, и приличным отпускным, и стоящему в уголке синему рюкзаку с аквалангом.

Он должен был приехать в Ниццу на следующее утро. Должен был исходить вдоль и поперёк все средневековые улочки Антиб и Канн, сто раз потеряться в лабиринте каменных домов с садами на крышах и сто раз найтись. Он должен

был попробовать все благородные французские вина, почувствовать все их виноградные, карамельные, молочные и медовые послевкусия (или хотя бы большую их часть). Стать на два или, ещё лучше, три оттенка темнее, засахарившись под июльским солнцем. Должен был неистово нырять весь отпуск, обшаривая потайные закоулки подводного мира, и уж непременно должен был встретить на одном из скалистых пляжей Её – такую же горбоносую, загоревшую и зеленоглазую, похожую сразу и на непокорную дикарку, и на нежного ребёнка.

Поэтому Он улыбнулся то ли стакану, который зачем-то грел в руках, то ли беспорядочно вспыхивавшим в голове мыслям и устало закрыл глаза. А за окном играли в догонялки провода, и мелькали сосны.

Спустя дня три или четыре (отдыхая, с трудом замечая, как один перетекает в другой) интерьер идиллии чуть изменился. Мужчина был уже не в купе, а на тихой площади, куда ветер доносил шум волн. Где-то над Его головой раскачивалась вывеска «Cafe Rotonde», а между соседними столиками прохаживались голуби и редкие мечтательные прохожие. На террасе было прохладно, хотя камни мостовой гудели жаром совсем близко, в нескольких метрах. Зелёная стенка из лаванды, тимьяна и каких-то душистых колосков, названия которых не знал и сам хозяин заведения, надёжно защищала оазис от духоты. Откуда-то из листьев за спиной Мужчины дружелюбно щебетнула цикада, и гарсон, будто поняв её условный знак, направился туда с полным подносом, где дымились сытный марсельский буйябес и салат из тянущегося солёного сыра; свешивал клешни лобстер по-каталонски, украшенный приготовленными на огне овощами. Мужчина был голоден и заказал такое количество блюд, какого, казалось, хватило бы и на троих. С первого раза официанту даже не удалось донести до столика порцию бургундских эскарго: пришлось специально возвращаться на кухню. С края подноса вдруг упал золотистый кусочек багета, на который тут же накинута рябой голу-

бок. Гарсон для приличия шикнул на него, но тот продолжал хрустеть свежей корочкой, торопливо похлопывая крыльями по земле. Наверное, свежеиспечённый хлеб был не менее вкусным, чем изысканные морепродукты или островатые средиземноморские соусы. Мужчина сбрызгивал уже разделанного розоватого лобстера лимоном, обмакивал розмариновые сухарики в сыр и дружелюбно наблюдал за городской жизнью, то и дело подмигивая голубю и ненароком смахивая локтем со скатерти белые мякиши.

Так час за часом протекал Его отпуск, одновременно и размеренно, и до обидного быстро. У каждого дня был особенный запах: то вина «Шато Монтроз», то облепихового мороженого, то французских газет и бегоний в горшках. Эти пёстрые впечатления по кусочкам складывались в гармоничную и умиротворённую картину, в центре которой – конечно, голубизна пахнущего ракушками моря. Его прохладная солоноватость пропитала и акваланг, и тёмные волнистые волосы Мужчины, и всю Его душу. Когда Он направлялся к причалу, где сновали туда-сюда катера с табличками «Sainte-Marguerite aller-retour», то не мог думать ни о чём, кроме волн, водорослей, раковин, полипов. Пара десятков минут – и Он уже на острове. Суетясь над водолазным снаряжением бок о бок с другими дайверами, Мужчина морщил нос от слепящего солнца и улыбки. Волны радостно шумели, ударяясь о пляж, и одного за другим проглатывали любопытных смельчаков, решившихся коснуться святыни подводного царства и посмотреть через стёкла защитных очков на то, что должны видеть лишь причудливые морские чудовища.

Под водой – гул непроницаемой тишины, первое время непривычной для человеческих ушей. Мужчина оглянулся на аквалангистов, ставших похожими на косяк неповоротливых рыбёшек в своих гротескных костюмах, и поплыл прочь. К чему наблюдать за новичками? Огромные серебристые пузы-

ри воздуха улетали куда-то к поверхности воды, но её уже не было видно. Только зеленоватые лучи, прорезающие густой подводный туман. Даже не понятно, с какой стороны находится источник света – так пусто и одинаково кругом. Но Он упорно плыл туда, где, по Его мнению, должно было располагаться дно. Минуту, другую, десять. Вдруг ослепительный бесформенный вихрь охватил, закружил Его, окончательно спутав все направления. Живое облако, то сгущающееся, то распадающееся на тысячи частей, нахлынуло и сомкнулось вокруг. Мужчина рванулся в сторону, прочь от тёмного наваядения, и вихрь рассеялся, унёсся дальше, мелькая плавниками и хвостами. Это огромная стая сардинелл поспешно уплывала от кого-то, кружась в затейливом защитном танце. Наверняка мутноватый свет виноват: мерещатся странности. Но вот показались чёрные ветвистые очертания скал, и Мужчина устремился туда, радуясь, что отыскал какой-то риф. Привычными движениями Он принялся обшаривать скользкую поверхность в поисках необычных раковин или обточенных волнами камней, продвигаясь всё дальше и дальше в лабиринт известковых ущелий. Странно, но казалось, что толща воды становилась светлее, хотя Мужчина погружался глубже. Вот скалы закончились, и Он оказался на краю гигантского котлована, гладкого и пустого, будто вышел из тёмного узкого коридора на белую площадь. В центре котлована – нагромождение из причудливых кораллов, напоминавшее своей формой что-то хорошо знакомое. Мужчина проплыл немного вперёд, чтобы оглядеться, и вдруг понял: это не рифы, не кораллы и не скалы. Перед ним – хоровод великанов, воздевших руки к небу и цепляющихся за солнечные лучи. Их пустые глаза жадно смотрели вверх, искали поверхность, но не могли увидеть: из глазниц торчали полипы. По изуродованным то ли морскими течениями, то ли гримасами боли лицам ползали крабы, забивались в ноздри и в уши. Хоровод плавно двигался по дну, умоляя кого-то о спасении или совершая тёмный ритуал. Мужчина в ужасе отшатнулся, но вместо крика из Его рта

вырвался лишь серебряный дрожащий пузырь, больше похожий не на воздух, а на ртуть. Он кинулся прочь от котлована с гигантскими живыми утопленниками, но тут же наткнулся на стоящее на дне фортепиано. За ним сидел тучный старик и беззвучно, бесстрастно наигрывал одному ему слышимую мелодию. Пианист повернулся к Мужчине и улыбнулся – всё лицо покрылось коростой и поросло ядовитыми актиниями, словно ужасными мягкими опухолями. Старик не дышал: вода у его ноздрей оставалась неподвижна. Мужчине показалось, что мир перед Его глазами плывёт и стирается; неизменно чёткими оставались лишь чудовищные подводные люди, приближавшиеся со всех сторон и смотревшие уже не в небо, а на Него, на Него одного. Вот какая-то четырёхлетняя девочка (или это ссохшаяся старуха?) в сдувшихся нарукавниках потянулась своими сморщенными ладошками к аквалангу: волосы, стянутые на её голове в два жиденьких хвостика, похожи на колючие рога, а гигантские глаза – на колодцы злобы. Вон толстяк (человек или гротескный кусок расплывшейся, растленной плоти?) развалился на дне перед телевизором, тупо смотрит в одну точку, жуёт бургер. Рядом – превратившаяся наполовину в скелет то ли утопленница, то ли ведьма, уже занёсшая когтистую наманикюренную руку для удара. Но вскоре и отдельные фигуры слились в сплошную буро-зелёную массу. Дышать стало трудно. Бешеная пляска глубоководных чудовищ, людей, идолов не выпускала из своего водоворота. Как Мужчина ни метался, как ни кричал внутри своего непроницаемого костюма, как ни бил руками и ногами, устремляясь к поверхности, Он оставался на одном месте, будто примагниченный к центру котлована. Среди скалящихся лиц утопленников показалось существо человеческого роста. Великаны расступились. Пловец, пловец в таком же гидрокостюме! Неужели и этот смертный среди них? Ни лица, ни тела не было видно чётко – только уверенные, властные движения и иссиня-чёрная неопреновая ткань. Что-то леденящее душу было в том, как этот маленький аквалангист повелевал гигантами,

которые замирали, чуя его приближение.

Костюм мешал шевелиться и дышать. Комбинезон стягивал, душил, даже как будто становился теснее. Мужчине вдруг подумалось: Он рыба, акваланг не так уж и нужен. Все эти шланги и железки только мешают. Он начал конвульсивно стягивать с себя снаряжение. Чёрная фигура подплыла совсем близко, вцепилась в плечо Мужчины тонкими колючими пальцами. Его рвануло в сторону раз, другой. Наверное, человекоподобное существо разодрало Его на части. Потом изо всей силы дёрнуло и потащило куда-то: то ли наверх, то ли вглубь, в преисподнюю. Голову болезненно сжало, Мужчина больше не видел и не слышал ничего, что происходит кругом, будто в глубоком обмороке. Затем стало светло.

– Как Вас угораздило?

Чёрный аквалангист склонился над ослабшим телом, распростёртым на золотистой от солнца палубе миллионерской яхты.

– Разве можно нырять так глубоко? Вы же пьяны, как после десяти бокалов мартини!

Пловец убедился, что Мужчина потихоньку приходит в себя, и с трудом освободил лицо от маски. Она так плотно прилегалась, что на нежной коже отпечатались синеватые полосы. По плечам рассыпались каштановые кудри. Горбоносая. Загорелая. Зеленоглазая. Спасённый удивился чуть ли не больше, чем когда попал в хоровод великанов. Это была Она... Та самая. Девушка ласково улыбалась, сияя свежими морскими каплями, в каждой из которых отражалось солнце. Мужчина опомнился: Он, должно быть, по-дурацки выглядит и совсем растрёпан. Смущённо принялся тереть покрасневшие от соли глаза и кое-как пальцами укладывать взмокшую шевелюру.

– А утопленники – это тоже «эффект мартини»?

Кокетливо поглядывая на его растерянное лицо, Она по-детски расхохоталась.

– Нет-нет, утопленники самые что ни на есть настоящие. Так вы ничего не знаете? Как только в прошлом году появи-

лось это чудо, я стала частенько выбираться сюда на яхте. Понырять... Поглазеть на подводных ж...

Телефонный звонок не даёт дописать: «...ителей». По ту сторону трубки – знакомое сопрано:

– Ну, привет, как ты? Хотя я, вообще-то, по делу. Есть две новости: плохая и ещё хуже. С которой начать?

– Давай с плохой.

– Ты со своей писаниной, как всегда, в блаженном неведении? Локдаун продлили ещё на месяц. Так что выживай один, граница закрыта!

– Значит, опять не приедешь? А что ещё хуже?

– Заказчик договор подписал.

– Наконец-то!

– А вот гонорар срезал в два раза... Из-за ковида.

– В таком случае пусть сам рекламирует свои подводные морги.

– Ну-ну, не дури. Сейчас все сидят, сам знаешь, в чём... Мой совет – не слишком увлекайся ужасниками. Это ж не сценарий Хичкока!

Обросший щетиной человек отключает телефон. Смотрит поверх очков на осеннюю грязь, проникшую с улицы на подоконник, плетётся к холодильнику.

– Шаром покати... А доставка – только завтра. Как это у меня: «Лобстер по-каталонски, Шато Монтроз»?

Открывает кильки в томате, берёт начатую бутылку пива и возвращается к работе.

Их взгляды встретились и уже не могли оторваться друг от друга. Она пригласила Его на дружеский ужин к князю Монако...

БОЛДЫРЕВА ВИКТОРИЯ

Лауреат 2 степени

г. Сергиев Посад, Московская область

ТОЛЬКО ЖИВИ

Уроки истории были созданы для бесполезных (по крайней мере, по мнению большинства школьников) рассказов и передач. Молоденькая учительница, ещё не до конца познавшая жестокие и эгоистичные нравы своих подопечных, уже с полчаса отчаянно пыталась заинтересовать восьмиклассников фильмом о нечеловеческих условиях жизни в блокадном Ленинграде, снова и снова с надеждой взирая на их лица. Не то чтобы она не видела, что ангельским детям глубоко плевать на какие-то там сороковые, но, будучи неопытной и несколько наивной, она не прекращала попытки воззвать сочувствие к их каменным сердцам.

– Подумайте только, это же живое свидетельство о чуде! Люди в блокадном городе не просто жили назло смерти, они трудились, воевали, они каждый день выходили за пределы, веря в свое Отечество!

– Да, да, да... – грубо прервал Антон Никитов. – Меня уже тошнит это слушать! Ну сколько можно?! Каждый год одно и то же!

– Ещё и не по разу! 22 июня, 9 мая, что там ещё?! Да мы скоро наизусть всё запомним! Зачем нам это рассказывать?! – подхватил Артём Васильев.

Конечно, Вера Николаевна ожидала такую реакцию. Но каждый раз ей всё больнее и больнее было это слышать. Неужели этим подросткам действительно всё равно, на скольких жизнях стоит их мир? Неужели им нет дела до тех, кто отдавал тела и души за будущее? Наконец, она смогла подавить подступавшие слёзы и вновь попыталась вразумить чёрствую современную молодёжь:

– Нечеловеческие испытания истязали силу воли, проверяли способность к самопожертвованию и испытывали в смертельных мучениях человечность и нравственность каждого жителя нашей огромной страны. Мы никогда не сможем понять и до конца никогда не сможем осмыслить эти чувства и эмоции, которые захлёстывали людей, волей судьбы оказавшихся в блокадном Ленинграде. Им приходилось не раз принимать невероятно сложные решения в этой чудовищной ситуации, расставаться с родными, но они смогли остаться людьми в этом сложном мире блокадного города и каждый день верили в победу. И с каждым годом людей, которые своими глазами видели и пережили все события блокады, становится всё меньше и меньше. Каждая из этих потерь трагична, уходят из жизни последние живые отпечатки былого. Ведь вместе с ветеранами уходят их истории. Истории, которые нельзя забывать и нельзя повторить. Это наша с вами ответственность – жить в мире, где любовь, взаимоуважение, доброта и честность – это те качества, на которых строится всё; это те качества, которые помогли нашим прадедам и прабабушкам выжить. Ленинградцы предпочли мучительную смерть от голода, но не предали доброту, альтруизм и честность. Это история, которая не должна повториться. Мы должны отдать дань прошлому, о котором забывать нельзя.

– А почему мы должны это знать и помнить? Зачем?! Наша история здесь и сейчас. Она вокруг нас. Зачем нам другая? – оторвалась от смартфона Лена Гаврилова.

– Леночка, как же ты можешь так говорить?! – Вера Николаевна была ошеломлена. – Твоя же бабушка была ребёнком в осаждённом Ленинграде. Я помню, как она к нам приходила в школу, ещё когда я училась в третьем классе, и рассказывала об ужасах блокады. Мария Владимировна Кузнецова со слезами на глазах рассказывала о голоде и холоде, непрекращающихся бомбёжках и артобстрелах, которые порой длились больше десяти часов.

– Во-первых, не бабушка, а прабабушка! Во-вторых, по-

чему я должна в это верить? А может нас обманывают?! А может и не было никакой войны?! Зачем мне верить в то, что я не видела своими глазами?!

Вера Николаевна больше не могла сдерживать комков, подступивший к горлу. Играть на струнах сердца и надрывать свою душу в очередной раз далеко не каждому захочется, и она, прикрывая лицо руками, выбежала в коридор.

В классе прогремел хохот. Ангельские детки питались чужой болью.

Вот и пролетел ещё один день, полный скучных и нудных уроков. Лена Гаврилова и Маша Селезнёва весело выбежали из школы, на ходу застёгивая куртки и надевая шапки. Девочки со смехом вспоминали Веру Николаевну, которая сегодня их так развеселила. Затем стали обсуждать новую серию крутого японского аниме, предстоящую школьную дискотеку в пятницу и соседского мальчишку, в которого была влюблена Маша. За разговорами не заметили, как подошли к дому. Девочки жили в одном жилом комплексе, но в разных подъездах. Распрошавшись до завтра, они разошлись по своим квартирам.

– Как дела в школе, Леночка? – радостно спросила мама.

– Ой, мам, отстань! И так нас сегодня Вера Николаевна грузила про свою блокаду!

Лена проскользнула в свою комнату и громко хлопнула дверью. Мама тяжело вздохнула и покачала головой.

Первый утренний лучик пробился сквозь замёрзшее окно и скользнул по подушке. Леночка натянула одеяло на голову – вставать в школу так рано не хотелось. Но почему же так холодно?! Неужели мама забыла закрыть окно на ночь?! Лежать дальше в таком холодильнике было невозможно, поэтому Лена нехотя сползла с кровати, укутавшись с ног до головы в пуховое одеяло. Но почему пол такой ледяной?! Девочка приоткрыла сонные глаза. Ужас пронзил её с ног до головы! Серые стены, серые битые крохотные окна; одеяло, в которое

она укуталась, – совсем не её белоснежное пуховое одеяло! Это какой-то старый заплесневелый плед! Лена с отвращением откинула его в сторону, но тут же осознала, что совершила ошибку. Холод был нестерпимый.

– Где я? Что происходит? Это страшный сон? – она больно ущипнула себя за руку. – Ай! Нет, это не сон.

Но почему реальность не может быть сном?

Леночке захотелось есть. Обычно в это время на кухне её ждёт вкуснейший завтрак, заботливо оставленный мамой на столе. Но не в этот раз. В комнате были промерзшие насквозь стены, замерзшая вода в кружке и ни крупинки хлеба.

Нет, здесь оставаться определённо нельзя. Сон это или явь, но выбраться отсюда необходимо срочно. Леночка осторожно вышла из комнаты, периодически пощипывая себя за руку. Но попытки проснуться были тщетны. Осознание того, что её настоящим стал сорок второй, вызывало невыносимую ноющую боль в груди. Это место стало её личным адом, адом, выход из которого найти не суждено.

Леночка бродила по открытым квартирам, поднимаясь всё выше и выше по этажам. Счёт времени был потерян, хоть его и не было и изначально. Вдруг она услышала тихий плач:

– Мама, мамочка! Вставай, вставай, я есть хочу! Мама!

Она тихонько зашла в приоткрытую дверь и увидела девочку лет трёх, которая теребила женщину. Тело лежало на старенькой кровати и походило на безвольную куклу. Оно было мертво.

Лена решила, что ей и самой в этом кошмарном не ее мире есть нечего, ещё один голодный рот ей не нужен. Тем более, в лице маленького капризного ребёнка. Леночка развернулась и поспешно вышла из квартиры.

Ничего съедобного в квартирах выше обнаружить не удалось. Леночка уже забыла о встрече, как, спускаясь вниз, вновь услышала тихие всхлипывания. Девочка больше не звала маму. Она всё поняла. Поняла, что она осталась одна в этой пустой холодной квартире, в большом каменном доме. В

полном одиночестве. Игры и куклы в одно мгновение ушли в прошлое, и только мерещились в чудовищной реальности без солнечного света.

Вдруг что-то кольнуло Лену в груди. Она не смогла пройти мимо. Просто не смогла. Зайдя в квартиру, она медленно подошла к маленькому обмякшему ребёнку и с большим трудом смогла разжать маленькие ладошки, сжимавшие руки матери. Ей совсем не хотелось что-то говорить. Не хотелось успокаивать эту девочку. Но и оставить её здесь умирать она тоже не могла. Что-то вдруг перевернулось внутри. Весь мир перевернулся. За этот день Леночке пришлось очень быстро повзрослеть. К ней, к этому странному существу, которым она была, пришла война...

Девочка быстрым взглядом осмотрела комнату. На столе аккуратно лежал лист: «Карточка на ХЛЕБ на январь 1942 года. Норма 125 гр. в день. Детская».

Бабушка рассказывала, что во время блокады в Ленинграде хлеб выдавали по карточкам. Потерять эту карточку гарантировало голодную смерть. Кого-то ожидало освобождение от этих мук, уже снизошедшее до матери этого ребенка.

Девочка быстро сунула карточки в карман обветшалого пальтишки, взяла малышку за руку и вышла из квартиры. Куда идти, она не знала. Зачем ей лишний малолетний балласт, она тоже не знала. Остаться же в этой квартире было нельзя. Нужно было найти новое жилище, в котором можно затопить печь и согреться. Топить печь Лена не умела, но она видела, как это делает папа на даче.

Дети брели куда глаза глядят. Измождённые голодом люди безжизненно падали прямо на улице. Безумно хотелось пить. Из-за отсутствия пищи синонимом жизни стала вода. В одной из квартир Леночка нашла манерку – металлическую чашку, носимую солдатами на ранце и служащую для варки пищи, как котелок. Лена видела, как те, кто ещё могли хоть как-то передвигаться, шли к Неве за водой, рискуя попасть под артобстрел или погибнуть от бомбежки. Других вариан-

тов у девочек не было. Они пошли к реке.

Обжигающий, морозный невский ветер бросал им в лицо позёмку. Было страшно скользко. Спускаться вниз к проруби было очень трудно. Потому что люди очень слабые были: наберут воду в ведро, а подняться не могут. Друг другу помогали, тащили вверх, а вода опять проливалась.

Люди с вёдрами толпились у проруби. Наконец подошла и очередь девочек. Лена встала на колени и черпнула воду манеркой. Девочка аккуратно поднялась, стараясь не обронить ни капли. Рядом с прорубью стояла табличка: «Набрал воду, помоги другому подняться». Леночка осмотрелась. Вокруг стояли измощённые голодом ленинградцы. Вдруг из толпы вышла женщина и со слезами вцепилась в маленькую спутницу Лены:

– Внученька, жива!

Вот так, не успели они и познакомиться, а им уже пришлось расстаться. И вновь Леночка осталась одна в этом страшном месте, в это страшное время. Не её время. Она не должна здесь находиться.

«Карточки!», – промелькнуло у неё в голове. Но нет, она не могла их отдать. Девочку прокормят, а вот она здесь совсем одна. И позаботиться о ней некому.

Неожиданно раздался жуткий вой сирены, затем шум самолётов. Все вокруг побежали, закричали. Что происходит?! Лена подняла глаза к грозному небу войны. Вдруг видит: от самолёта отделяются чёрные точки, и уши раздрает нарастающий по интенсивности свист, вой прямо над ней. Наступила тишина. Оцепенение. А затем прорвались крики. Дым, гарь. Что было в следующее мгновение – в памяти провал.

В голове шум. Сложно дышать. Лена аккуратно себя ощупала: кажется, жива. Осторожно встала и осмотрелась вокруг. А вокруг... разрушенные дома и трупы, трупы, трупы... Дети, женщины... Даже в самом страшном фильме ужасов такого не увидишь. А фильмы ужасов Лена очень любила смотреть. Но это не кино. Это происходит с ней здесь и сейчас. И это не сон.

Впервые Леночка поняла, что такое война...

Девочка с трудом поднялась и побрела в поисках пункта выдачи хлеба. На её пути люди падали от голода, садились на камень и засыпали вечным сном, пытались удержаться за железные прутья забора, да так и оставались примёрзшими к ним навеки. На улице начинало темнеть. Поднялась луна. А вокруг: штабеля трупов, которые при лунном свете светились.

Из-за угла виднелась длинная очередь. Люди стояли за хлебом. Леночка скромно встала в конец. Наконец, подошла её очередь получать. Девушка вручила замёрзшей девочке крохотный кусок, похожий на хлеб, завернутый в кусок бумаги. Леночка с жадностью его откусила. Но... что это?! Это не хлеб!!! Больше всего это месиво напоминало клей и опилки! Но живот жалобно урчал, и ей пришлось выполнить его просьбу.

С трудом прожевав подобие хлеба, Лена поняла, что на улице уже совсем стемнело, и ей некуда пойти. Нужно срочно найти ночлег. Неподалёку за девочкой наблюдала пожилая женщина.

– У тебя есть дом, девочка? Как тебя зовут? – Не дождав-шись ответа, она продолжила, – я могу забрать тебя, обеим хоть не так одиноко будет.

И Леночка побрела с ней.

Женщина привела девочку в полуразрушенный дом. Но эта квартира была лучшим, что Леночка увидела за сегодняшний день. Здесь была печка! Здесь было тепло!

Леночка присела на табурет рядом с печкой и ясно осознала всю тяжесть произошедшего с ней события. Она горько заплакала.

– Не плачь, Леночка. Я же не плачу, и ты не плачь. Нам бы только до весны дожить, а там лучше будет. (Дожить?)

Вот так Лена и заснула на табурете у крохоткой печки-буржуйки, в надежде, что утром она вновь проснётся в своей тёплой кровати, а с кухни будет вкусно пахнуть маминым завтраком.

Но утром Леночка вновь проснулась от холода. Печка давно остыла, а милая добрая женщина, приютившая её на

ночь, куда-то ушла. На столе записка: «Ушла на завод. Сходи за водой и дровами для печи». Лена вышла во двор, за соседним домом нашла срубленное дерево. Рядом табличка: «Щепки – детям». Леночка набрала веток и оставила щепки детям, сама она уже взрослая. Принеся домой ветки, Леночка обнаружила там свою взволнованную спасительницу.

– Леночка, сегодня эвакуируют детей через Ладогу, тебе нужно спастись. Если попадёте под обстрел, закрывай глаза, чтобы не так было страшно тонуть. Пойдём, я отведу тебя.

Дорога была на удивление быстрой. Возможно, лишь в её голове. Посадив девочку в грузовик, женщина быстрым шагом пошла обратно на завод. Тронулись. Ехать было страшно. Со всех сторон колонну обстреливали. Леночка вспомнила слова доброй женщины и закрыла глаза, чтобы не так было страшно тонуть. Воды на льду было много, машинам ехать трудно. А потом раздался страшный крик. На берегу была огромная беда: кругом кричали, плакали – на дно Ладоги ушло с десятков машин с людьми. Грузовик Леночки не смог проехать дальше, дороги больше не было. Не одолели даже половину пути. Он вернулся в Ленинград.

С трудом вспомнив дорогу, Леночка вернулась к доброй женщине. Тщетно ждала Лена её возвращения. Больше они никогда не виделись...

На следующий день Леночка собралась за хлебом, но обнаружила, что потеряла карточки. Теперь и она обречена на голодную смерть.

С каждым днём есть хотелось все сильнее. В организме накапливался голод. Изредка ей попадались добрые люди, угощавшие щепоткой хлебных крошек. Теперь эти крошки казались ей самыми вкусными на свете.

Только лишь одна мысль крутилась в голове Леночки: «Ужасно хочется есть. В желудке ощущается отвратительная пустота. Как хочется хлеба, как хочется! Я, кажется, всё бы сейчас отдала, чтобы наполнить свой желудок».

Сколько времени прошло – неделя, или две, а может, ме-

сяц – Леночка уже не понимала. Некоторые говорят, что на войне не страшно. Голод сильнее страха! Страх – это голод. Когда уходят самые близкие – это горе. Леночке теперь почти не страшно. Страх по бомбёжкам, по обстрелам у девочки пропал. Намного страшнее бомбёжек стали голод и холод. Леночка больше не плакала. Израненная горем душа уже не способна на эмоции. Война – это ужас. Это непередаваемо.

Лена не осознавала, куда и зачем бредёт. Во всём этом не было смысла. Она умрёт. Скоро умрёт. Леночка присмотрелась к висевшей на доме табличке. Греческая, дом 8. Добрая женщина что-то рассказывала про это место. Что же... Госпиталь. Точно. Единственный шанс на спасение в этом ужасном мире. Девочка зашла туда, чтобы попросить кров, работу и еду. Не успела Лена вымолвить хоть слово, в ноги ей бросился какой-то комок. Это оказался тот самый ребёнок, встретившийся здесь одним из первых. Она вцепилась в Леночку с криком:

– Мама! Мама! Мамочка!

Медсестра еле оторвала малышку:

– Нет, ты же помнишь, что мама твоя умерла.

Но кроха не унималась и продолжала рыдать: «Мама, мамочка!».

Лена обняла малышку и поняла, что больше они не должны расставаться. Кроха уже лишилась детства, она не должна потерять мать во второй раз.

– Как тебя зовут? – ласково спросила Леночка.

– Маруся. Машенька Кузнецова.

Весь этот странный мир поехал у Лены под ногами. *Теперь всё казалось ещё более реальным.* Машенька Кузнецова. Её родная прабабушка. Здесь и сейчас. Не там, в прошлом. В её настоящем.

Когда малышку выписали из госпиталя, Леночка привела её в свой новый дом, оставшийся после Доброй Женщины. Так они и жили вдвоём на её рабочую продовольственную карточку и малышкину детскую. Недолго жили. Всего пару дней. А казалось, целую вечность. Все истории когда-нибудь

заканчиваются.

И вот снова раздалась та самая тревога, воздушная тревога. Сирена выла со всех сторон. Через несколько минут слышался гул самолётов. До убежища Леночка с Марусей добежать не успели. Вокруг выросло огромное облако из бетона и земли. И вновь, крики, стоны. Там был ад. Город горел. Поднимались клубы дыма.

Как девочки выжили, одному Богу известно. Это какое-то сверхъестественное противостояние. Даже дом их смог выстоять в этом месиве. Но работать Леночка больше не смогла. А значит, не было больше рабочей продовольственной карточки. Да и малышка была слишком слаба, чтобы позвать на помощь. Леночка понимала, что рано или поздно их должны найти. В госпитале должны обеспокоиться её отсутствием. Но доживёт ли она до этого дня? В руке Леночка сжимала последнюю корочку хлеба. На двоих этого слишком мало. А малышке хватит, чтобы выжить и дождаться помощи. Она должна выжить. Не может быть иначе. Ведь она живёт в том далёком будущем. Не здесь. Она будет жить ещё долго. Должна. История не должна преломиться.

В глазах потемнело. Леночка чувствовала, что умирает. Ошеломляющая страшная тишина. Спасти прошлое. Невозможно. Лишь сон. Это не реальность. Этого Ада не могло и не может быть на земле. Леночка вспомнила всё: бомбёжки, артобстрелы, горы трупов, сияющие лунным светом, глухую тишину, звенящий холод и сосущий голод. С трудом подозвав малышку, она сунула Маше в крохотную ручку драгоценную корочку и провалилась в бездну.

– Только живи, бабушка. Только живи!

И она жила.

ЛОЕВА АННА
Лауреат 3 степени
г. Пенза

«ЛАЙКА» ДВОРЯНСКОЙ ПОРОДЫ

Наступило лето, занятия в школе закончились, начались каникулы, и десятилетняя Яна со своей тётёй Людой приехала на дачу. Они поставили вещи на крыльцо, и тётя стала открывать дверь дачного домика.

Вдруг из-под крыльца дачи вылезла небольшая собачка белой масти. Она была очень грязная и казалась серой. Собачка звонко залаяла и закружилась вокруг Яны.

– Откуда здесь собака? – спросила девочка.

– Да вот, поселилась у нас на даче. Я её подкармливаю, – ответила тётя Люда.

– Там, под крыльцом, щенки.

– А откуда она взялась? – продолжала расспросы Яна.

– Не знаю. Я приехала весной, а она уже тут обосновалась. Недели две живёт здесь.

– А какой породы эта собаченция? – не унималась племянница.

– Дворянской, – улыбнулась тётушка.

– Правда? Я и не знала, что такая порода есть.

– Конечно, есть, ещё её называют «дворьтерьер». А попросту – «дворняжка».

– А-а-а, – разочарованно протянула Яна. – А я-то думала, что она породистая.

Яна попыталась погладить собачку. Но та подозрительно посмотрела на девочку и отбежала в сторону.

– Боится. Наверное, её обижали, – задумчиво сказала Яна. – Надо покормить бедное животное.

Тётя Люда дала племяннице косточку, специально привезённую из города для собачки. Яна стала манить собаку,

протягивая угощение и ласково приговаривая: «Иди-иди, не бойся!». Та немного подумала и завиляла хвостом. Потом подошла к девочке и взяла косточку, но есть не стала, а полезла с ней под крыльцо. Это была их первая встреча.

Яна гостила летом на даче у тёти Люды не первый раз. Живности никакой у тёти не было, а теперь появилась собака, и Яна очень обрадовалась. Она любила животных, особенно собак. Но в городской квартире мама не хотела никого заводить.

Разобрав вещи, Яна и тётя Люда решили поехать на речку купаться. Тётя села на велосипед, Яна – на багажник, и они поехали. Собака побежала следом. Когда ехали по улице, она лаяла на всю округу, не переставая. Их компания выглядела довольно смешно. Особенно собака: грязная, со свалывшейся шерстью, неумолкающая ни на секунду. Мимо шли женщины-дачники. Одна из них засмеялась и сказала: «Вот так лайка-балалайка!». Яна услышала это и решила назвать собачонку Лайкой. Должно же быть у неё имя.

Лайка оказалась весёлой и очень умной, быстро привыкла к своему имени. Когда Яна вымыла её, оказалось, что она просто белоснежная, без единого тёмного пятнышка. И очень симпатичная. Щенки подросли и вылезли из-под крыльца. Их было четверо, все разные и очень милые. Яна играла с ними, кормила. Всех щеночков удалось раздать. Рядом с дачами была деревня, и местные жители разобрали их. А вот Лайку никто не взял. Так и жила она на даче под крыльцом. Когда Яна гуляла или они с тётей ездили на реку, Лайка всегда была рядом. Оказалось, что она очень любит купаться. Собачка всегда первой бросалась в воду, и они с Яной весело плескались в реке. Купалась их компания всегда в стороне от пляжа и никому не мешала. Девочка и Лайка очень полюбили друг друга. Яна с тётей иногда уезжали в город, а Лайка оставалась сторожить дачу.

И вот однажды, когда Яна с тётей вернулись после поездки в город, оказалось, что Лайка пропала. Её нигде не было.

Яна звала собачку, искала повсюду, но так и не нашла. Тогда они с тётёй пошли к сторожу Иванычу, который постоянно жил на даче – может он что-то знает. Сторож сказал, что пришлось отдать Лайку леснику, потому что некоторые дачники жаловались на бездомную собаку, которая часто лает.

Прошло несколько дней, Яна скучала по Лайке и решила поехать на велосипеде к леснику, навестить её. По словам сторожа, лесник жил на так называемой «Божьей горе». Вместе с тётёй они поехали туда. Долго искали дом, но оказалось, что там лесника никакого нет. Сторож сказал неправду. Усталые и грустные они вернулись на дачу и снова пошли к сторожу. Когда он узнал, что его обман раскрыт, то сильно смутился. Иваныч не думал, что Лайку будут искать. Пришлось рассказать, что он просто отвёз собаку подальше от дач и оставил на дороге.

– Дачники очень ругались, что собака всё время бегаёт по дачам и лает, деток пугает. Мне и пришлось её увезти, – оправдывался Иваныч.

– Что ж вы нам не сказали? – возмутилась тётя Люда.

– Да вас как раз не было дома, – ответил сторож. – Да и что вы могли сделать? Вы же её не собираетесь брать к себе в город! Живёт собака на вашей даче, а потом вы уедете, а она останется.

– Ничего подобного, – возразила Яна, – я Лайку себе беру! Только где её теперь искать?

– Вот оно как! – удивился Иваныч. – Поезжайте тогда за деревню, на конечную остановку автобуса из города. Может она там ещё. Если найдёте, то воспитывайте свою «животину» так, чтоб никому не мешала.

Яна с тётёй бегом бросились на автобус и поехали до конечной остановки. Когда они вышли из автобуса, то сразу увидели Лайку, грустно сидящую на обочине. Она была снова грязная и несчастная. Время от времени собачка лаяла на проезжающие машины.

– Лайка, Лаечка! – в один голос закричали Яна и тётя Люда.

Собака вострепнулась и с радостным лаем бросилась к ним. Она прыгала вокруг Яны и всё старалась лизнуть её в лицо. Яна обняла Лайку и подумала, что теперь она ни за что с ней не расстанется.

Вернувшись на дачу, Яна накормила голодную собачку и стала думать о том, как же её отучить лаять просто так. Тут на помощь пришла тётя. Она сказала, что на соседней улице живёт её знакомый кинолог и он, может быть, даст Яне совет по воспитанию Лайки. Так и сделали – пошли к кинологу дяде Мише. Он согласился им помочь и позаниматься в свободное время с Лайкой и Яной.

Собачонка оказалась очень сообразительная и быстро научилась простым командам: «Ко мне!», «Лежать», «Сидеть», «Гуляй!», «Ползи!», «Фу!», «Тихо!», «Дай!», «Место!», «Рядом!».

А ещё дядя Миша с Яной научили Лайку нескольким трюкам. Она приносила тапочки и мячик, умела «служить» – стоять на задних лапках и ждать угощения, не брать без разрешения кусочек колбасы, который лежал прямо у неё перед носом. Могла по команде «умри» притвориться мёртвой – лежать на спине с закрытыми глазами, подняв все лапки вверх. Ещё Лайка притворялась смущённой – тёрла мордочку лапами, а по команде «Прячься!» закрывала лапками глаза. А главное – она перестала лаять просто так, без повода! Соседи, когда видели, чему научилась Лайка, удивлялись:

– Вот так Лайка! Прямо артистка!

А дядя Миша сказал, что дворняжки самые умные собаки.

Лето заканчивалось, пора было уезжать домой, готовиться к школе. Яна упросила маму взять Лайку к себе и счастливая приехала со своей любимицей в город.

У многих подруг Яны тоже были собаки, только породистые: шпицы, чихуахуа, йоркширские терьеры. Когда подруж-

ки увидели Янину Лайку, они стали смеяться над ней, потому что непородистая и невзрачная. Но Яна не обиделась. Она стала давать команды Лайке, и та устроила такое представление, что девчонки рты открыли от удивления! Их собачки ничего такого не умели. После этого никто над Лайкой не смеялся. Совсем даже наоборот. Многие соседи приходили и просили показать, что она умеет. А после того, как Лайка нашла Настинного шпица Ричи, который провалился в открытый люк, она стала просто всеобщей любимицей. Ричи потерялся, его долго искали, он лаял из люка, но никто не слышал. Только умная и чуткая Лайка смогла найти пёсика.

Собака и девочка зажили душа в душу, не огорчали друг друга, не доставляли хлопот Яниным родителям, а только радовали их. Родители даже гордились такой талантливой собачкой. А Яна ни разу не пожалела о том, что Лайка – обычная дворняжка. Наоборот, девочка считала, что её собака самая замечательная и НЕОБЫЧНАЯ! Настоящей ДВОРЯНСКОЙ породы собачка!

КАРПОВА АНАСТАСИЯ

Дипломант

г. Вологда

У ИЗГОЛОВЬЯ

Проходя на днях мимо кухни, Боря слышал, как тётя Аня, постукивая чайной ложкой, говорила маме:

– Чувствую, помрёт твоя скоро. Запах уже не местный от неё.

И правда, Боря тоже чувствовал, что над бабушкой Зоей повис воздушно-жёлтый ком с запахом гнилой травы.

Матушка Евграфовна стояла на коленях у изголовья и не могла остановить слёзы. Они накрапывали в мятую бирюзовую юбку с розовыми оборочками так, что получался неровный горошек.

– Что же ты с нами делать будешь, Боже? – Матушка Евграфовна прижала руки к груди и всхлипнула, а потом припустила горячим шёпотом. – Узри, милостивый, покойную Зойку. Обними устами сердечными, да упокой её душу с миром, как полагается.

Боря обнимал маму и старался не смотреть на бабушку. Веки её в тугие щёлочки стягивали чёрненькие швы ресниц, бледные волосы прилизаны, словно нарисованы на голове, пальцы спутаны в клубок. Мама держала его голову у мягкого живота. Боря слышал урчание и молчал. Внутри мамы переливались манная каша и две кружки растворимого какао. Он давно говорил ей, что растворимое какао – это не какао вовсе, а обыкновенный жмых. Мама стояла у изголовья рядом с дядей Петей.

– Говорят, в воскресенье, в великий праздник Покрова грех умирать, – мама надела очки и пригляделась к телу бабушки.

Тётя Аня не смогла удержаться:

– А я говорила, что нельзя покупать ничего в этой булочной. С-сколько раз говорила ей, а она всё хотеть да хотеть этот несчастный бургер на улице Пятницкая. Вот тебе и пятница, Пётр, – она почесала затылок, и одна из десяти шпилек звонко выскочила с рыжего пучка на пол.

Тётя Аня смутилась.

– Боря, – перебил затянувшуюся тишину дядя Петя, – ты ведь знаешь, что бабушка не вернётся?

– Петя! – мама нехорошо посмотрела на брата.

– Мне всё понятно, – буркнул в пол Боря и отвернулся.

– Да, Боря, бабушка отошла. Жаль, конечно, но, быть может, так было нужно.

– Это поэтому ты не делал ремонт в её комнате? – издалека завела Матушка Евграфовна, с любовью протирая изголовье кровати подолом юбки. – Я вообще не понимаю, как она там жила, бедная наша Зойка. Потому-то и глаза ослепли. Одна тусклая лампочка, – она показала мизинец, – на восемнадцать квадратов – это же издевательство, право боже.

Боря вспомнил, как на днях, проходя комнату мамы, услышал невнятное:

– Да, мой брат – редкостный... и безответственный человек, которому я уже давно... А что мне остаётся делать, что? Выясните, пожалуйста, да. Но и вы меня... – не я занимала у вас.

Тогда на лице мамы он увидел складку между бровями. Потом мама полезла на антресоль и вдруг уронила шляпную коробку. Деньги рассыпались на пол, как осенние хрупкие листья – именно так Боря увидел это снизу. Он не хотел быть похожим на своего дядю. «Дядя, ты – плохой человек, ты бабушке смерти желал!» – хотел он сказать, но боялся дядьку и не знал, как мама отнесётся к этому его поступку.

Матушка Евграфовна закрыла глаза, поднимая руки вверх. Они были похожи на ветки в неровном медленном танце. Глаза мамы застыли, лишь беззвучно скатывались с них прозрачные капли. Мама смотрела на бабушку Зою и шёпотом, чуть слышно говорила:

– Деньги – это всего лишь земное. Мама, как же он слаб и труслив. Разве о таком сыне ты мечтала с тех пор, как он впервые поддался земному? Он же тебя обманывал. Он просто дурак, мама.

– И ещё, – кашлянул дядя Петя. – Ты можешь говорить, что угодно, но в её смерти виновата ты. К тебе же в дом приходил доктор? Это ты её сделала такой.

– Я?

– Напридумывала всякого, повесила на неё болезни и прикидываешься, что не виновата, – он непривычно шмыгнул носом. – Правду говорю?

– Голубчик мой, Пётр, – встрепенулась тётя Аня. – Да я ведь правда видала, как она за ней ухаживала, бросьте вы это. И вообще, у вас самого что ли мало морщин на свою-то несчастную долю?

– Видел-видел, как она ухаживала. На порог меня не пускала, гулять мамку не выводила, да ещё коляску притащила, – дядя Петя распахнул в стороны руки и задел Борю по лбу. – Посмотрите-ка вы на неё, инвалидка нашлась...

Слюни дяди Пети разбрызгивались сильнее, чем вода из фонтана «Радуга» в районном парке.

– Нет, подождите, – влезла Матушка Евграфовна, – как Вы можете говорить такое?

– А ты, вообще, кому тут указывать будешь, а? Мне, как мамка сказала, так я и буду делать, ясно? И вообще она мне комнату завещала! А ты не лезь. Не твоё собачье, как говорится, – это он всё к Матушке Евграфовне, а та глаза как открыла, как вытаращила.

– Посмотрите-ка вы на него, – продолжила Матушка

Евграфовна, – да ведь он одно слово Пётр – инвалид десятой группы по несбывшимся мечтам.

Боря только сейчас заметил, что у дяди Пети такой растрёпанный плащ, будто он тоже расстроен и готов вот-вот повеситься от жизни такой.

– Дядь Петь, а я ведь тоже так умею, – вскрикнул Боря и, направив свои рожки из указательных пальцев в сторону дяди, побежал. – У-у-у. Страшно?

– Да что вы, с ума сошли, молодые люди? – тётя Аня прижала руки к груди, как будто держала их в люльке.

– Ох, господа-а-а, – Матушка Евграфовна только и успевала, что разводить руки и прижимать их на уровне губ. На глазах снова проступили слёзы. Зрачки бегали то на Петра с Борей, то на покойную Зойку. – Горе, ой горе-то какое, ой!

Мама смотрела на бабушку Зою, перебирая в пальцах мокрый фартук. Боря вздрогнул, вспомнив, как на днях читал бабушке «Маленького принца» и рассказывал, что нового произошло за день. Он успокаивал бабушку Зою, аккуратно дотрагиваясь до трясущейся руки.

– Какой же ты нежный и робкий, Боренька! – вдруг сказала она.

Когда Боря смотрел на бабушку, ему хотелось плакать, и тогда он замолкал и смотрел в потолок. А ещё ему было страшно, что бабушка может когда-нибудь умереть в его комнате.

Мама понесла выносить горшок. Когда она вернулась, дядя Петя пересчитывал купюры и улыбался. Боря уже знал, что на эти деньги, бабушкины деньги, отложенные мамой на чёрный день, он подумывал купить своей новой даме замшевые ботинки, золотое колечко на фалангу среднего пальца ноги и даже позже, вот через месяцок где-то, организовать венчально-свадебный обряд. Торжество человек на десять, чтобы вот скромно, со вкусом, но «все свои».

– И чтобы Борька в козлика играл, – произнёс вслух дядя Петя.

«Да не буду я в козлика играть», – обиделся Боря.

И чтобы Матушка Евграфовна заливалась слезами, как на Зойкиных поминках, а тётя Аня шутила смешно и задорно. Главное, чтобы дядя Петя был счастлив, а его баба в золоте да в кружевах ходила.

Боря стоял у изголовья и пытался пересилить страх до-тронуться до бабушки. Хотя бы до руки. В хрупком воздухе замерла тишина. Он вспомнил, как однажды бабушка Зоя пошла с ним гулять, когда в доме отключили электричество, и лифты не работали. Она спускалась по лестнице, останавливаясь передохнуть в пролётах нечётных этажей, а потом смотрела на него так, будто у неё не болит колено, и вообще не страшно.

– Бабушка, я здесь, уже четвёртый этаж, – кричал он в пустоту лестничной клетки, которая проглатывала его голос.

– Да, Боренька, иду-иду-иду, – она спускалась медленно, ступень за ступенью, и улыбалась.

И ещё вспомнил, как его рвало в раковину активированным углём, и бабушка Зоя разрешила не пить таблетки. А на прогулке – всегда в руках немного откусанный батон хлеба.

– Оставь для голубей хоть, – говорила бабушка, шурша леденцами в кармане. – Конфетку будешь?

Потом Боря сказал бабушке, как будто она живая:

– А помнишь, мы в прятки играли? – он вздохнул. – Говорят, вы попадаете в другой мир. Где ты, бабушка?

Ужасно противно зазвонил чей-то телефон.

– Кто тут опять мне брякает? – Матушка Евграфовна близоруко прищурилась.

Боре было неловко перед бабушкой, и он смотрел в окно на ели возле панельных домов, на чистое и красивое небо.

КОЗИН МИХАИЛ

г. Москва

МЕЧИ РОМЕЙСКОЙ ИМПЕРИИ

После очередного обстрела константинопольских стен турецкие войска вновь пошли на приступ. Иностранные купцы и наёмники, до недавнего времени надеявшиеся на удачный для византийцев исход битвы, начали уводить свои суда в открытое море. Их небольшие, но забитые до самых бортов товарами и оружием корабли, всё ещё имели возможность проскочить мимо приближавшихся к берегам ромейской столицы османских галер.

– Город может спастись, мы можем спасти его, если бросим на горящие стены Константинополя хотя бы несколько дюжин бойцов! Они прикроют бреши в северных укреплениях и в строю византийских защитников, – дёрнув за рукав купца, которому принадлежало самое крупное судно, заявил итальянский рыцарь – командир одного из наёмных подразделений.

– Слишком поздно, господин Татти, – разведя руками, ответил торговец.

– Видите ту полуразрушенную башню? Чей флаг над ней развевается? Город уже в ближайшие часы будет разграблен и сожжён. Они обречены, но не обрекайте нас, своих соотечественников! Если Вам и Вашим воинам будет угодно сойти с корабля и вступить в бой с турками, мы не станем мешать. Но покиньте корабль как можно быстрее, пора сниматься с якоря!

Рыцарь окинул взглядом толпящихся на палубе воинов. Большинство из них уже получили своё золото и серебро из императорской казны и не собирались защищать улицы уже почти захваченного османами города. Их благородный командир это прекрасно понимал.

– Кто-нибудь пойдёт со мной? Будет ли кто-нибудь защищать пусть и далёкий от Генуи и Венеции христианский

город?! – спросил он своих измотанных бойцов, надеясь, что хотя бы несколько пехотинцев поддержат его намерение.

Двое смельчаков подняли свои копья.

– Маджо и Сорто, за мной! Остальным желаю удачного пути домой! – надев шлем, сказал Татти.

Уже через минуту трое итальянских храбрецов стояли на берегу со всей своей амуницией, любезно скинутой на берег их сослуживцами. Купец спешно отдавал команды морякам, поглядывая на «безумцев», застёгивавших свои панцири на берегу, посреди охваченной паникой толпы мирных жителей и спешивших на свои корабли торговцев.

– Отправимся к северным укреплениям? Над ними уже подняты османские знамёна, наверняка византийцы бьются там с целой ордой янычар, им нужна любая помощь, а мы можем собрать еще несколько десятков итальянцев, задержавшихся в городе, у них наверняка остались копья и дротики! – предложил высокий копейщик Сорто.

– Нет, – уверенно возразил Маджо. – Нам стоит остаться в порту и помочь раненым, которых сюда относят защитники города.

– Мы вступим в бой при необходимости, но я сошёл на берег для того, чтобы выполнить данное мной обещание, – пояснил рыцарь. – Этот город хранит много реликвий, но одними из ценнейших были и остаются древние ромейские мечи. Сражаясь с племенами озлобленных готов, византийцы вступили в решающий бой, который был проигран. Император погиб, но перед смертью в старой хижине, куда его отнесли легионеры, правитель приказал выковать три меча с золотыми навершиями, которые перед грядущими битвами следовало бы отдавать трём полководцам, возглавлявшим три крупнейшие части византийского войска. Легенда гласит, что последний раз клинки были выданы ромейским военачальникам семь сотен лет назад перед арабской осадой, и после долгих, но успешных для Византии боёв враг ото-

шёл! Эти мечи хранятся в одной из церквей на юге города, недалеко от порта. Так как наши корабли должны были первыми покинуть порт при сдаче города, я обещал командиру ромейской стражи забрать эти мечи с собой, чтобы спасти реликвии от захватчиков. Этот торговец, спохватившийся об отплытии раньше времени, ждать нас не станет, поэтому по возвращении в порт мы будем искать любое итальянское судно, готовое нас принять.

Воины покинули набережную, заполнявшуюся сотнями горожан, искавших в столичном порту спасение от надвигавшейся с севера угрозы. Татти по узким улочкам, будто бы вырезанным в скалах, раскинувшись за бухтой, провёл своих помощников к белой церквушке, от которой было рукой подать до городских стен.

На паперти стоял священник в светлом облачении, явно ожидавший Татти. Рядом с ним находились два стражника в ламеллярных доспехах. Отец подал знак, и один из них подошёл к итальянцам, поприветствовав их поднятым боевым топориком.

– Отец благословляет вас, несмотря на то, что вы католики. Вам стоит поторопиться, император вместе с лучшими воинами и вельможами решил биться в передних рядах константинопольских защитников. Враги уже начали проникать в город через полуразрушенные башни, – сказал он.

– Так передайте нам мечи. Враг вскоре может достичь порта, а наши корабли спешно его покидают! Мы были вынуждены сойти с судна, на котором только что отплыл наш отряд, – объяснил Татти, своим чёрным мечом указав на бухту.

– Эти мечи были вынесены из храма два дня назад по приказу императора. По традиции их следовало сначала разделить между несколькими ромейскими полководцами, но времени на соблюдение всех церемоний нам не хватило. Однако возвращать мечи в церковь было бы опасно, ведь она расположена слишком близко к городским укреплениям. Мечи

скрыты в трёх тайниках, в трёх склепах, расположенных на площадях вокруг дворца.

– Я хорошо знаю Константинополь. Мы направимся туда немедленно! – Заявил Татти, закрыв забрало своего шлема.

– Я пойду с вами. Агапит сопровождает отца в храм Святой Софии, к нему начали стекаться тысячи горожан. С Божьей помощью противник будет остановлен у северных укреплений, и нам не придётся оборонять главную святыню всей империи!

Затем воин, вооружённый топором, отдал второму стражнику несколько приказов на греческом и вместе с наёмниками отправился к первому склепу, находившемуся за дворцовым садом.

Миновав три опустевших квартала, бойцы оказались перед заветной постройкой, напоминавшей огромную каменную плиту.

– Я принесу меч, ждите здесь, – сказал стражник. В один миг он преодолел ограждение склепа и оказался перед отверстием, прикрытым красной материей. За тканью и был скрыт первый из ромейских мечей. В спешке никто и не подумал о том, чтобы понадежнее спрятать священную реликвию времён битвы при Адрианаполе.

Вернувшись к итальянцам с мечом, обернутым в красную мантию, стражник взглянул на верхушки деревьев императорского сада, что высились над двухэтажными домами торгового квартала. Он чувствовал, что его родной город, Новый Рим, выдержавший натиск болгар и арабов, вскоре падёт под натиском более могущественной силы и уже никогда не будет прежним. Там, на территории величественного дворца багрянородных императоров Ромейской империи, он совсем недавно стоял в гвардейском карауле, чинно вышагивая вдоль белых стен сада и цитадели, на защиту которой он вскоре будет брошен вместе со всеми воинами последнего оплота некогда могущественной страны.

– Надо спешить, – окрикнул Татти стражника, на несколько мгновений замершего у ступеней мрачного византийского склепа. И отряд устремился на другую площадь.

Тем временем через малые врата «Керкопорта» в город проникли десятки янычар. Воины в голубых чалмах и узких чёрных шлемах, издавая боевой клич, разбежались по нескольким улицам, на которых не оказалось ни одного византийского бойца. А с двух башен, уже давно захваченных арьергардом султана Мехмеда, к ним на подмогу ринулись новые десятки и сотни османских латников.

Отряд Татти довольно быстро добрался до Валентинианова склепа, откуда стражник таким же образом извлёк второй меч.

– Куда теперь? – спросил запыхавшийся от быстрого бега в тяжёлом панцире Маджо.

– К башне Льва. В склепе рядом с ней спрятан последний меч, – ответил византиец, передав вторую реликвию итальянскому рыцарю.

– К башне Льва?! – удивился Сорто. – Но турки уже захватили соседнюю башню и вот-вот прорвутся ко дворцу!

– При необходимости примем бой, – отрезал Татти.

Квартал, некогда принадлежавший генуэзским купцам, был минован, рыцарь и его спутники оказались у самого входа в нужный им склеп. И вот третий меч был изъят из временного хранилища, организованного немного надёжнее, чем предыдущие.

– В порт. За мной! – получив клинок из рук императорского стражника, приказал Татти своим воинам.

– Увы, здесь наши пути разойдутся. Я должен присоединиться к защитникам города! Ступайте в порт и спасите то, что так часто спасало нас в самые тяжёлые для империи годы. Прощайте! – хладнокровно произнёс византиец, скрывшись за небольшой пристройкой старого склепа, позади которой была расположена лестница, ведущая к башне Льва.

– Смотрите! – указав на ту самую башню, крикнул Маджо.

Над длинными зубцами одного из самых мощных укреплений Константинополя было поднято пурпурное знамя авангарда турецкой армии. А у стен башни, представлявшей небольшой форт, завязалась схватка между османскими копейщиками и византийскими ополченцами, вооружёнными тупыми дротиками и короткими мечами.

Не успели итальянцы опомниться, как к ним подбежали двое янычаров с огромными ятаганами. Их лица были закрыты кольчужными масками, а руки покрывали тяжёлые металлические рукава и громоздкие перчатки, и, казалось, что клинки являются продолжением этой внушительной амуниции.

Янычар в зелёном плаще занёс ятаган над Татти, руки которого были заняты свёртками с ромейскими мечами. Сорто хотел защитить рыцаря, но клинок воина покоился в ножнах, а наконечник копья был сломан и изогнут. Голова генуэзского рыцаря в следующее мгновение могла упасть на ступени sklepa, но Маджо, не мешкая, выхватил из красной мантии один из мечей и поразил им первого турецкого воина.

Второй янычар был убит стрелой, которую выпустил со стороны башни Льва один из византийских лучников. Итальянцы обернулись и увидели, что императорский стражник, с которым они только что расстались, уже взобрался на всё ещё удерживаемый ополченцами выступ укрепления и из своего лука поражал османских воинов одного за другим.

– Надо отступить к порту! – забрав окровавленный меч у Маджо, заявил рыцарь.

– Нет. Улицы, по которым мы сюда добрались, уже захвачены, – возразил Сорто. – Все корабли, наверняка, уже покинули бухту! Единственный путь к спасению – южные холмы.

– Вперёд! – скомандовал Татти.

Отряд вдоль опустевших прилавок соседней улочки направился к подножию одного из этих холмов. Вдруг на пути

наёмников возникла фигура высокого турецкого всадника в длинной кольчуге, который, вероятно, искал, чем поживиться среди торговых рядов. Приблизившись к верзиле, который стоял к итальянцам спиной и, разумеется, их не заметил, воины увидели девушку, замершую перед свирепым конником, намеревавшемся ударить беззащитную гречанку.

Сорто, шедший впереди, без раздумий ткнул в него копьём, поломанный наконечник которого, словно крюк, пронзил незащищённый затылок вражеского воина, немедленно испустившего дух. Девушка хотела было скрыться среди аркад, располагавшихся на правой стороне торговой улочки, но Татти остановил незнакомку, схватив её за руку.

– Здесь тебе нельзя оставаться. Четверть города уже давно захвачена неприятелем. Мы идём к холмам. Там скрыта единственная дорога к спасению! – на греческом языке объяснил рыцарь.

Византийка, испуганная появлением бойцов в итальянских накидках не меньше, чем нападением янычара, кивнула. Рыцарь передал мечи Маджо, забрав у него щит, которым в течение всего дальнейшего пути прикрывал спину девушки.

Миновав горящие кварталы гибнущей столицы, итальянцы добрались до юго-восточного красного акведука, за которым раскинулся пологий склон заветного холма.

– Дальше я не пойду, – сказала спасённая воинами гречанка.

– Почему? В Константинополе осталась твоя семья? Один из нас может вернуться в город и найти твоих родных, – предложил командир наёмников. – Погляди на стены города, на дворцовую цитадель, на порт... Ваш император не сдал столицу, ваша армия её не покинула, но за византийцами остались лишь сады и храм Святой Софии. Ты сама всё видела. Скоро придёт конец. Я обещал спасти одну из святынь вашей империи, её легендарные мечи! Ты должна пойти с нами, если тебе дорога жизнь.

Щитом рыцарь указал на северные башни, охваченные пламенем, а затем приподнял красную мантию, показав реликвии, находившиеся в руках у Маджо.

– Я не из Константинополя. Семья погибла, когда турки ворвались в предместья. Кто-то из жителей скрылся за северными стенами, кто-то занял оборону за валом. Мои родственники не успели найти укрытие. В день, когда османы подошли к столице и начали жечь окрестные сёла и деревни, я с дядей рано утром отправилась на городской рынок. Здесь мы и встретили начало осады и лишь через десять дней узнали о гибели всей нашей семьи. Мой дядя принял смерть сегодня. В дом, где мы укрывались, попали сразу несколько каменных турецких ядер. Мне удалось спастись, – после этих слов девушка горько заплакала, закрыв лицо синим платком, который покрывал её голову. – А вы мне не милее, чем турки, ведь две сотни лет назад, по рассказам дяди, воины с крестами на плащах, среди которых было немало итальянских рыцарей, разорили Константинополь, не оставив камня на камне!

– Мне жаль. То было грозное время восточных походов. Рыцари рода Татти никогда бы не подняли своих мечей против христиан и воевали лишь в Палестине, – поклонившись византийке, вымолвил итальянец. – Прошое вернуть невозможно, но я искуплю вину предков моих соотечественников, если уберегу легендарные мечи Ромейской империи.

Девушка подала руку Татти, и путники вдоль арок акведука прошли к подножию холма, по прямым тропам которого к вершине бежали выжившие жители Второго Рима.

Вскоре и итальянцы с греческой девушкой достигли самой высокой точки этой возвышенности. Первая из спасительных троп была проложена от одного подножия до другого, что сразу после восхождения позволяло довольно быстро спуститься вниз по противоположному склону, не обходя многочисленные глыбы, обрывавшие другие тропинки.

Татти, Маджо, Сорто и спасённая ими византийка перед тем, как навсегда покинуть уничтожаемый войсками противника город, в последний раз взглянули на Константинополь, заполняемый теперь уже тысячами османских янычаров.

– Смотрите, там, в бухте! – воскликнул Сорто, махнув рукой в сторону Золотого рога.

Среди грязно-серых волн, опрокидывавших лодки последних беглецов, плыло то самое купеческое судно, с которого сошли три храбрых генуэзца, решив до конца выполнить долг рыцарской чести.

Посудина, переполненная наёмниками и их снаряжением, была неуправляема. И вот очередная волна накренила корабль до предела. Судно чуть не перевернулось и окончательно отклонилось от взятого его владельцем курса. Когда турецкие лучники сломили оборону столичного порта, в бухту начали заходить огромные османские корабли. Массивная галера, направлявшаяся к главной пристани, занятой янычарами, смела на своём пути судно итальянского купца, протаранив его корпус своим металлическим носом, напоминавшим наконечник гигантского копья или бунчука.

Пала последняя башня имперской столицы, пал Второй Рим, который теперь горел так же ярко, как освещённые факелами белые полумесяцы на османских знамёнах, и так же ярко, как восходящая звезда султана Мехмеда, победоносно вошедшего в Константинополь.

**НОМИНАЦИЯ «ВОЗРАСТНАЯ КАТЕГОРИЯ
ОТ 21 ГОДА»**

ПОЭЗИЯ

ОСМАНОВА КИРА

Лауреат 2 степени
г. Санкт-Петербург

Просто мысль о том, что не вышло взлететь высоко
(Тривиальность правды: кто же тебе помешал?),
Возникает так неожиданно; самоукоор
До того тревожит – хохлится тотчас душа.

И ныряешь в эти сыпучие дни, как в песок,
И по-птичьи тщишься вычистить ими себе
Оболочку. Кажется, стал и клюваст, и весо м,
Распушился, ишь ты, важный какой воробей.

А внутри свербит-свиристит: «Высота, да не та!»
Выноси ть себя чем дальше – тем точно больней.
Но упрямо ищешь одну ключевую деталь –
Вот она-то жизнь твою оправдает вполне.

Никогда в изящных искусствах детали не врут.
Драгоценный росчерк (он незаметен порой):
Так, прозрачным сам залюбуешься воздухом вдруг
И парящим в нём легко воробьиным пером.

КРОМЕ ЗВУКА

1.

Ты думал, это вечно будет нашим –
Словесный мир, словесная война.
Но ничего не вылетит однажды,
И что тогда ловить – и не поймать?

Не воробей, не воробей. А как же,
А что теперь, а где мои, ну нет,
Не может быть. Утешь себя, что каждый
С таким способен справиться вполне.

Сидишь часами, смотришь в пыльный угол
И чувствуешь, как жалок сам и стар.
И ничего не нужно, кроме звука,
Точней – возможности его издать.

2.

А сколько раз ты от восторга взвизгивал,
Что помнишь – примитивен этот визг.
Вот стая чёрных птиц – похожа издали
На горстку перца, брошенную ввысь.

Последний штрих, приправа характерная,
Закат, уже запёкшийся почти...
Собраться бы, пока не всё потеряно,
И форму подходящую найти

Для содержания незамысловатого
(Которое, поди ж ты, обожгло) –
Чтоб стали безошибочны слова твои,
И описание вкуса превзошло

Сам вкус, в итоге. Лакомое зарево,
Горячий воздух, солнца медальон...
Порою мимолётная, казалось бы,
Подробность – а покоя не даёт.

Всё думаешь, какой ты мудрый, опытный,
Поэзии владеешь языком.
Но этот перец на свекольном облаке...
Да как вообще расскажешь о таком?

Прогулочный катер «Классика»
Подходит на всех парах.
Пора бы и мне откланяться.
Давненько притом пора.

Слова прозвучат искусственно,
Но всё-таки – как без них.
«Спасибо» такое куцее,
Толково не объяснить.

Взлетает нарядный селезень –
В прожилочках, как урюк.
Мне грех совершенно сетовать.
Я только благодарю.

И брызги куснут прыгучие,
И ветер поднимет пыль.
В один ведь конец прогулочка.
Так, значит, тому и быть.

Прислушаться – речью нежною
Большая река течёт.
Конечно, нарочно мешкаю.
Минутку бы мне ещё.

Вон облако клюв разинуло,
И холодно у воды.
Какое здесь всё красивое.
Не хочется уходить.

КОНДРАТЕНКО ПОЛИНА

Лауреат 3 степени

г. Гатчина, Ленинградская область

ЛОШАДКА

Я рабочая лошадка.
Мне сегодня шатко, шатко.
Завтра станет валко, валко:
поколотят палкой, палкой
по спине, по сколиозной,
сроки грозно. Помню. Поздно!
Не блистая дисциплиной,
я со скоростью ослиной
отвожу свою поклажу
добрым людям на продажу
и гляжу на трав кинжалы,
что ни сеяли, ни жали.
Попылить бы к ним галопом!
Но продолжим топать с потом,
как положено кобыле,
в мыле.

УЗЕЛОК

Невелик мой узелок,
но завязан туго
поколениями рук.
Поколениями ног
ходим друг за другом,
протоптав порочный круг,

что ни выйти, ни войти.
Падает котомка
с пережатого плеча,
переставшего нести,
на плечо потомка,
новичка и силача.

Кажется, что сбился с ног,
клячусь еле-еле.
Боже мой, я изнемог!
Ты бы, может, мне помог
в непосильном деле –
развязать мой узелок?
Бог ощупает мехи,
выищет прорехи –
и из зевов узелка
вдруг просыплются грехи –
крепкие орехи,
не расколоты бока,
не раскаяны пока.

ТОПОЛЬ, Я

I.

У пыльного подножья террикона,
Вдоль железнодорожной чёрной ветки,
будившей нас с утра, когда тягач
шёл за углём на шахту Поченкова,
вырезывали чёрствые вандалы
на тополях с пирамидальной кроной
ножами чьи-то имена и ругань.
Со временем затягивались раны,

но оставались чёрные рубцы.
Натачивались новые ножи,
и буквы вновь и вновь кровоточили.
От года к году гадкие слова
врезались в память детскую мою,
мне было больно на стволах молочных
их наблюдать, как помню. Что я помню?

II.

Меня везут в привычный Петербург
но с разговором не везёт нисколько:
слов не хватает, отключили воздух –
болей внутри, смотри в окно на поле.
Здесь, на подъезде к Пулковским высотам,
случайная аллея тополей,
посаженная по местам сражений,
напоминает тополя другие,
с надрезами, с пирамидальной кроной.

Всемиловитый и внезапный Боже!
Полузабыто-детскими путями,
недетским ощущением времён
Ты показал мне, из каких деревьев
сколочено и сбито моё сердце.

ЧЕТВЕРГОВА ИРИНА

Дипломант

г. Омск

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

1.

Шелестит сухостой густой:

«Там,
за сотой верстой,
ждут тебя дом и стол.
Но ты иди, не стой...»

Там, где рельсов поёт сталь,
слышен гомон далёких свай:
«Свежий ждёт тебя каравай.
Только ты не сиди, вставай!»

Далеко, за пылящим песком,
ландыш белым кивнёт цветком,
оглянись – и увидишь дом.

Всё родные глаза глядят,
Ветром тысячи вёрст хрипят:
«Миллиардами капель дождя
мы вымаливали тебя,
мы отмаливали тебя.
Так живи теперь не скорбя».

Усомнишься – всего на миг –
и начнёшь молиться – за них.

2.

А мой отец писал стихи,
на гейзеры Камчатки глядя.
Не сохранилось той тетради,
лишь фраза «Я писал стихи».

В богов не верил, но и он
природу чувствовал как чудо.
Когда сквозь обещаний груды
страна истаивала в сон,

словесный позабыл накал,
и, может, не был он поэтом.
Но говорит со мной планета,
и мёртвым тот язык не стал,

но так же – непереволим...
Отца я по весне видала,
где море ландышей шептало,
смыкаясь медленно над ним.

3.

– У бабы Ани
были в роду цыгане?
– Не у неё. У деда.
– Слушай, враньё всё это!

Проходим могилу некоего Оглы,
он нам не родственник,
но так помогает
своих отыскать.
Пятеро тут легли:

дядя мой, дед и бабка, отец и мать.

Мы разгребаем ворох сухой листвы,
старые ландыши убираем,
ждём, когда разгорится в лампаде
маленький огонёк.

– Он, как цыганка, пляшет, слышишь? –
смотрю я в глаза сестры.
Сами себе за старших.
Старше, наверное, Бог.

Сестра веселеет от глупой шутки моей.
Виданное ли дело – юбками тут вертеть,
где скорбь человечья
измерена не одним дождём...

Весна себя выдыхает листьями тополей.
И наступает жизнь. И отступает смерть.
И – первый раз так:
уходим – не устаём.

ЯЖМИНА ЯНА

Дипломант

пос. Кузьмолровский, Ленинградская область

ЧУДОТВОРЦЫ

У Зинаиды свет горит в окне,
Стекло потеет, закипает чайник.
Пирожными по выгодной цене
Свой вечер Зинаида отмечает.

На батарее сушится бельё,
Передник и штаны прямого края.
На выходной нарядится в своё,
И из трюмо ей улыбнутся трое.

И в этот день тот самый Николай
Застанет Зину в миг её улыбки.
Не чудо. Просто жизнь: две кружки, чай
И свежие пирожные. Без скидки.

Сделать так, чтоб дом казался домом.
Запастись едой, водой и сном.
И проснуться в мире незнакомом,
Там, где сам себе я незнаком.

Нацепить лицо, ремень потуже
И прожить ещё один из дней,
Позабыв о том, что стал не нужен
Тем, кому казался всех нужней.

Вновь забыться, вновь спешить куда-то,
Достигать неведомо чего...
А потом обнять себя, как брата,
И заплакать, не стыдясь его.

А. Б. Г.

Горя больше, чем радости стало.
Заметает цветы белый снег.
Средь листвы, почерневшей и палой,
Опадает, дождавшись финала,
Выбывает из жизни, из зала
То один, то другой человек.

Раньше с биркой на чистую простынь...
Ныне с биркой, но простынь поверх.
Просто осень, холодная осень.
Просто проседь на улицах, проседь.
Просто горстку земли надо бросить
И отпрянуть, закутавшись в мех.

И отпрянуть. И прятаться в датах,
Сохраняя остатки себя.
Это просто зима виновата,
Забирает тепло без возврата.
Забирает людей без возврата
Круглый год, никого не любя.

Всё пройдёт, снег пройдёт и растает.
Будет новый этап, новый год.
Отогретые солнцем и чаем,
Мы друг друга полюбим, признаем.
И о том, как себя не теряет,
Нам из вечности Градский споёт.

СЛОВО

Я жил в пандемии, и я её пережил.
Остались закрытые двери, ряды могил,
Забывшие люди, что в душных сидят домах.
А я не вдыхал этот яд, воздух был в словах.

Я где-то со сцены читал тишине назло,
Я ездил на море. Считаю, мне повезло.
В больнице мечтал, чтоб без помощи до стола.
Медсёстры кололи и капали мне слова.

Я был безутешно утешен. Я был пустым.
Я был и единственно нужным, и запасным.
От маски болели и уши, и голова,
Искал смысл жизни, но вновь находил слова.

Я в книгах гулял. Я писал. Я марал блокнот.
Я выучил ноты. Все семь. Семь чудесных нот,
Двенадцать полутонов. И играл с листов.
Я понял, что в эти минуты могу без слов.

Пройдёт пандемия, сойдёт за волной волна.
Откроются двери, развеется тишина.
И станет насыщено, станет разрешено.
Наступит начало. В начале всегда Оно.

БОЖКО СЕРГЕЙ

г. Донецк, Донецкая народная республика

Я нажал на выключатель,
ночь со звёздами пришла
выстудить в закрытом чате
совершённые дела.

После чая из мелиссы
был запрос на уезжать
очередью за кулисы
с минимумом багажа.

Но потом остался дома,
закупился и затих
перед линией разлома
в синих звёздах золотых.

В прямом эфире горит «Маяк»,
Донецку важный, как Нотр-Дам
закрытый воем: как выжить, как
цивилизации или нам?

Сгорают книги и шелестят,
законсервируются водой,
на телефоне тяжёлый клад
с глухими рыбами и стрельбой.

Я ожидаю вернуть кешбэк,
восполнить книгу, отдать свои
из аккуратных библиотек,
сгребая пахотные слои.

Рёбра, рёбрышки моста
наподобие кита
в краеведческом музее,
клеть Ионы без хвоста.

Не уехали, живём
на дороге объездной
за приветственным крестом,
где боится китобой,

но стреляет по нутру,
чтобы выявить икру,
чтобы яблоки глазели
на иконы в паспарту.

Как предвоенно живут надёлы,
куда грунтовка за блокпосты.
Садись, картошка, – мешай обстрелу
влиять на фермерские часы.

Чеснок свободный, трава слепая
кроят убежище дворовым
на метке угольного сарая,
на месте лавки, где мы стоим.

ВЕЛИКЖАНИН ПАВЕЛ

г. Волгоград

НЕГУСТО АВГУСТА ОСТАЛОСЬ

Негусто августа осталось,
Дожди дожёвывают лето –
Пуškai, ведь мне сполна досталось
С конфорки солнечной омлета,

И я по горло сыт хорами,
Что дышат в ухо о телесном.
Пришла пора в пустынном храме,
В холодной колоннаде леса

Держать свой пост и одиноко
Растить в раздумьи хлеб насущный,
Не ждaть икон от жёлтых окон,
А среди столпов искать несущий.

ПАПЬЕ-МАШЕ

Бывает, что проснёшься липкой ночью
От тяжести в груди и на душе,
И всё вокруг так зыбко и непрочнo,
Как слепленное из папье-маше.

И может рухнуть от ударов сердца
Весь мир, в котором ты привычно жил.
Чуть хлюпнет где-то хлипенькая дверца –
Душа сорвётся с лески тонких жил.

Над городом, огромным и проклятым,
Кровавым серебром в тиши звеня,
Идёт луна, суровый прокуратор,
Чтоб на кресте окна распять меня...

В обрывках сна запутавшись, как в тине,
Хватаю воздух ртом, но не могу
Я вспомнить, что же было на картине,
Растаявшей сейчас в моём мозгу.

Как будто брызги окатили градом,
Но не понять, что было в чаше той...
Как будто чья-то смерть скользнула рядом,
Едва задев холодной чешуёй.

ГИМН ЧЕЛОВЕКУ

Ты идёшь, человек обычный,
Необычным своим путём.
Полубог ли, титан античный,
Только знающий, что потом?

Громы с молнией – всё, нестрашны!
Пусть на небо пути круты –
Наливаются светом пашни,
И прильнут к огонькам труги.

Всходы-искорки не ленивы:
Фейерверками сверк да сверк!
Дорастут – и по звёздным нивам
Заскользит серебристый серп.

Протрубили дождей мажоры,
Солнце щурится в щель на пыль:
Ты колосья лучей тяжёлых
Перевязываешь в снопы.

Урожай в закрома повёз ты:
Будут светом они полны...
А на скошенном небе звёзды
Возмещают ущерб Луны.

ГУСЕНИЦА СТИХА

«Рождённый ползать – летать не может!»
...Не энтомолог ты, брат, ха-ха!
Во имя бабочки лист мой гложет
Упрямо гусеница стиха.

Ползут, ползут неказисто строчки,
Давая рифмы двойной извив.
И все мы верим поодиночке,
Чернилам душу свою излив,

Что, покидая бумажный кокон,
Слова взлетают куда-то ввысь,
И кто-то видит незримым оком
Узоры крыльев, что поднялись

От самых низких поползновений –
Туда, где звёзды в глазах стрекоз...
Нет ни разрывов, ни лишних звеньев
В цепочке вечных метаморфоз.

КОСТЕРЕВ АЛЕКСАНДР

г. Санкт-Петербург

ХОДИКИ

На стене, на гвоздике
жили-были ходики:
жили-были,
жили-были
(точно ходики ходили),
жили-были,
жили-были
(горевали и любили,
провожали и встречали,
дни недели отмечали).
Досаждали только гири:
так тянули и давили,
возвращая к прошлому –
ничего хорошего...
Как-то лопнула цепочка –
встали ходики, и точка:
неразлучны в мире
ходики и гири...
Вот превратности судьбы...
Жили-были,
жили бы...

ДО ОСЕНИ ЗА ДЕНЬ

Какие произносятся слова
до осени за день или за два?
Не донкихотствуй, август, вереницы
ветров пронзают солнечные спицы,
твоей листве пригрезилась напасть
упасть до снега, а под ним пропасть...
А осень – лучезарная кокетка –
разденется почти до голой ветки
и соблазнит своею наготой,
мгновеньям лета говоря:
– Пстой!
За день, за два, судьбе не прекословь –
мы поминаем летнюю любовь,
ведь охлажденье рыщет у порога,
а впереди – нелёгкая дорога,
которой мы проследовать должны
галдящим птичьим клином...
До весны!
Какие произносятся слова
до осени за день или за два?

ПОМИЛУЙ

Помилуй...
Бог в улыбке и руке,
а не в иконах в красном уголке,
Он безусловно прячется повсюду:
помоет губкой грязную посуду,
под вечер шьёт и штопает носки,
а что Его шаги – они легки,
касания Его подобны чуду...

У тихих вод заросшего пруда
желтеет одуванчик придорожный,
Он тоже – Бог, и жизнь Его проста,
а мы с тобой, выдумывая сложность,
ей воздвигаем гордый пьедестал...
А сколько жить – полгода ли полста?

Под гнѐтом гирь торопятся часы...
Недолг век у капельки росы,
И по тропинке за крутым холмом
мы к первозданной тишине бредѐм...
Для грешника такая благодать
со стороны за Богом наблюдать...

НЕ ПАРАЛЛЕЛЬНОЕ

В параллельных мирах мы летим – горделивые птицы,
в параллельных мирах, где не встретиться и не проститься,
в параллельных мирах, постигая вселенский простор...
Параллельность миров разделяют заборы и стены:
(сохранив своё «Я» – мы возводим преграды из тлена),
ни звонка, ни письма, ни привета, ни взгляда в упор...
Нам дороже Евклид, но правы Лобачевский и Риман,
наше первое: «Ма!» от прощального неотлично,
мы не ценим счастливых мгновений до крайней поры...
Параллельны миры... Мы, как линии, в них одиноки,
не транжирьте любовь: быстротечны улыбки и вздохи,
и, пожалуйста, будьте добры, берегите миры!

КУЗЬМИНА СВЕТЛАНА

г. Хотьково, Московская область

Он был обескуражен тишиной
И чьим-то взглядом пристальным исколот.
Накрыв его безмолвия волной,
За шиворот потёк могильный холод.
Она сидела в кресле, у стола.
Он сделал шаг, второй и... резко замер.
Она... Не может быть... Она... спала
С распахнутыми синими глазами.
Покоем было всё оглушено.
Часы и те, опешив, просто встали.
И солнца луч, ввалившийся в окно,
Лицом уткнулся в вазочку с цветами.
Она спала. Весь мир умолк вокруг.
Он голову свою зажал руками,
Спасительным кольцом холодных рук.
Она, и он, и ваза с васильками...

Так выходят из комы.
Прорастают во ржи.
Мир, до боли знакомый,
Выясняется – жив!
Больше звуки не тонут
В полынье одеял.
Я – осушенный омут.
Или это – не я?
Я. Дорога и тот же
Фонаря ореол.

И на спинах прохожих
Неба крупный помол.

Вновь рассвет на передние лапы припал,
Доедая туман из озёрной дымящейся миски.
Путь к тебе, обозначенный рёбрами шпал,
Вдруг сегодня покажется мне неожиданно близким.
Замелькают, как нить Ариадны, в окне провода,
Те, что страны и судьбы когда-то навеки связали,
И вселенски-огромным, лавинно-грохочущим «ДА!»
Будут связаны новые двое на новом вокзале.

Накрыло чёрное цунами
Дома, вцепившиеся в крыши.
И небо взорвалось над нами,
И кто-то днище мира вышиб.
Пылало жёлтым, белым, алым.
Неслось, шипело, грохотало.
Вчера, казалось, света мало,
Но лишь сейчас его не стало.
И город сжался и боялся,
И мы боялись видеть это,
Но вновь и вновь в окне сменялся
Конец времён началом света.
Ушло, утихло и угасло.
Черны деревья обелиски...
Огонь лакал лампадки масло,
Как ёжик – молоко из миски.

МУРАТОВ ВАДИМ

г. Грязи, Липецкая область

SVO

Мой первый день на паспортном. Столица.
Теория изучена, и вот,
мне дали штамп, чтоб охранять границу
и осенять печатями народ.
И началось: я вижу гражданина,
по виду дед обычный, верь не верь,
он достаёт из узенькой штанины
дипломатический паспорт USA.
Я в ступоре сижу, бледнеет ряшка.
Как оформлять? Увольте, господа.
А в голове, под зеленую фуражки,
мелькнула мысль, – бежать, но вот куда?
Слабеют ноги, взгляд полубольного,
с усилием держу себя в руках.
А дед стоит ничё так, образцово,
и хитро ухмыляется в кулак.
Я долго собирал остатки знаний,
и вздрогнула в смятении страна.
Заполнил что-то. Знай, американин,
мы тоже тут не лыком шиты, на.
И чтобы не случилось страшной бучи,
и дипломат come back в USSR,
я покрестил заморского орла
тремя перстами, так, на всякий случай.
А человек всё понял по лицу,
про первый раз и мой глобальный сбой,
и, улыбнувшись глупому юнцу,
перекрестил и прошептал:
Oh, boy...

СТЕКЛО

Моя бабушка собирала бутылки.

Мой отец собирал бутылки.

Я собирал бутылки.

Бабушка собирала бутылки, чтобы накормить отца и меня.

Отец собирал бутылки, чтобы просто выпить и получить удовольствие.

Я собирал бутылки, чтобы отдать деньги бабушке, чтобы она накормила отца и меня.

Бабушка умерла в стеклянную эпоху.

Светлая ей память.

Отец так и умер голодным, в эпоху развитого стекловдувания.

Это всё в прошлом, а сейчас всё иначе.

Я собираю слова, но они скользкие, как стекло.

Но я сыт, спасибо бабушке.

А время, в котором живу, такое же скользкое и бесчеловечное.

Оно заставляет меня сдирать этикетки.

А под ними – пустота.

Да, чуть не забыл, некоторые продолжают собирать бутылки.

Эпоха не закончилась.

А слова просто заполняют пустоту.

САВЧЕНКО АЛЕКСАНДР

г. Новокузнецк, Кемеровская область

ВРЕМЯ

О времени писаны разные книги.
Оно управляет сложеньем судьбы.
Мы время несём в себе, словно вериги,
Как цепи, что раньше носили рабы.

Оно – наша радость и тяжкое бремя.
И весь парадокс заключается в том,
Что мы, обгоняя пространство и время,
Лишь топчемся часто на месте одном.

Бывает, со временем в ногу шагаем,
Вперёд забегаем и можем отстать...
Мы скорости времени точно не знаем,
А, может, её не дано нам и знать.

А время торопится, мчит, пролетает
И даст нам когда-то последний звонок.
Ведь льдина под нами всё тает и тает,
И станет водою в назначенный срок.

КАРАНТИН

Зной. В деревне ящур. Карантин.
Как в плену, стоит коровье стадо.
Санитарный пост не обойти –
Из жердей поставлена ограда.

Креозота запах – будь здоров,
Вы его забудете едва ли...
Бабы мчались сдаивать коров
И в канаву молоко сливали.

А потом они в разгаре дня
Возвращались налегке, неловко.
По домам их ждала ребятня –
Вдруг уже поправилась коровка.

Мама шла с пустым ведром домой,
Шла по взгорку, где росла рябина,
И за васильковую травой
Оставляла запах карантина.

Я у взгорка маму ждал один.
Шла она, задумавшись, устало.
И, прижав меня к своей груди,
Молча так в макушку целовала.

Мы по склону с ней брели к селу,
Где алели пятнышки герани...
Мамин тот короткий поцелуй
Был дороже молока в стакане.

... Долго нёс я этой жизни груз,
Всё в порядке с памятью и речью.
Но ко взгорку подойти боюсь –
Вдруг там маму в светлом платье встречу.

ПЕРВЫЙ СПУТНИК

По-зимнему в позднее время
От печек, шитья и корыт
Народ повыскакивал в темень
Под выкрики: «Спутник летит!».

На радость галдящему люду
Звезда в поднебесье плывет,
И внемлет вселенскому чуду
Вокруг деревенский народ.

Назавтра районная пресса
Об этом промолвит словцо.
Мол, стало движенье прогресса
Для граждан теперь налицо...

А нынче ликует деревня,
Как брага в бутылки, бурлит.
И только притихли деревья
И смотрят, как спутник летит.

В фуфайке простой ширпотреба
Стоит у поскотины дед,
Глядит на высокое небо
И крестится точке вослед.

СЕЛЕЗНЁВА ТАТЬЯНА

г. Хотьково, Московская область

И холод остаётся на щеках,
И небо снегом падает на плечи.
Над городом – такие облака,
Что кажется, уже не будет легче.
В прозрачном свете редких фонарей
Всё выглядит фальшиво и нелепо.
И нота «ми» звучит как нота «ре»,
И белый снег слетает серым пеплом
На тени тёмных улиц и домов,
На варежки из самой тёплой шерсти.
В сырых сугробах низких облаков
Озябшие слова качает ветер.
И почему-то ноет под ребром,
Как у Адама перед встречей с Евой.
...А небо вниз швыряет серебро,
И, кажется, становится светлее.

ЗАЩИТНИКАМ АДЖИМУШКАЯ

В живых осталось – сорок восемь человек.
Погибло под землёй – тринадцать тысяч.
...В Керчи,
В Одессе,
В Киеве,
В Москве
Не хватит камня,
Чтобы память высечь
О бесконечном подвиге солдат,
Стоявших перед пропастью, у края.

Тех, кто в Крыму остался навсегда –
Тех, кто шагнул в Аид Аджимушкая.
...Я приезжаю в солнечную Керчь,
Касаюсь камня – он едва теплеет,
Я тщусь его тепло в руке сберечь
И будто бы боюсь глазам поверить –
И оттого боюсь закрыть глаза.
Мне холодно,
И страшно,
И тревожно.
Я будто слышу чьи-то голоса,
Я будто чувствую чужие тени кожей,
Я будто там – в сорок втором году,
Солдат
И мать,
Ребёнок
И собака.
Стреляю.
Погибаю.
Вновь иду.
Кормлю детей.
Боюсь.
Учусь не плакать.
...Мне не хватает сил смотреть вперёд,
И слёзы прочно сковывают веки.
Война прошла.
Но память – не пройдёт
У тех, кто остаётся человеком.
В живых осталось – сорок восемь человек.
Погибло под землёй – тринадцать тысяч.
...я вижу, как сквозь первый белый снег,
Взлетают ангелы
Всё выше.
Дальше.
Тише.

Чёрные ветви по белому небу,
Воздух – прозрачней воды.
Мёрзлые яблоки стонут под снегом,
Стон превращается в дым.
Нежность – на мятой бумаге набросок,
Контуры видно едва.
Так замирают на первом морозе,
Только родившись, слова.
Так исчезает предчувствие боли,
Тая в сплетении рук.
Так вырастает влюблённость любовью
На потеплевшем ветру.
Улица пахнет продрогшей рябиной,
Сонно звенят фонари.
Наши дороги сошлись воедино
В точку на карте Земли.

В новостях говорят: в декабре не уйти от войны,
Все попытки – что бег по спирали всё ниже и ниже.
Будет долгой зима,
Будет сложно дожить до весны,
Только небо по-прежнему мягко ложится на крыши,
Только ветер, как раньше, деревьям поёт о любви,
И по улицам льются шаги неприметных прохожих.
Хоть ты пой о войне,
Хоть о ней без конца говори,
Перед нами угроза её и страшна, и ничтожна.
Ожидание горя больней, чем осколки беды,
Но ты шепчешь по ветру: «Со мной ничего не случится».
Ветер верит,
А с ним в эту истину веришь и ты.
И уже не боишься.
И город с тобой не боится.

ШИЛКИН СЕРГЕЙ

г. Салават, Республики Башкортостан

Отдал мне на даче огромный булыжник
В зачёт за полтинник знакомый фуфлыжник.
На вид – несомненная древность.

Вкрапленьями чёрен, с бочины оплавлен.
Халдеем он был бы звездой озаглавлен.
К халдеям я чувствую ревность.

Смотрю и вопрос задаю неэтичный:
Ваш возраст? Неужто период третичный?
Пространств неизведанных гаджет,
Летевший веками сквозь пламя и стужу...

Кайлом раскрошу его твёрдую душу...
Он тайны миров мне подскажет.

МУДРЕЦЫ

Кривизною лунных радуг
В неизвестность шёл Конфуций;
Вёл трёхлетнее осяти
Под серебряны уздцы.

Тлел зари парчовый фартук
Златом тысяч тройских унций.
А навстречу – в спецхалате –
Современный «Лао Цзы».

Прошептал чуть слышно кормчий,
Сединами убеленный –
Ткут для нас на небе боги
Мирозданья полотно.

И к сему добавил громче –
Для меня и для Вселенной
Все прошедшие эпохи,
Как вздыхание одно.

Задремал я на мгновенье,
А уже промчались эры –
Сгибла дюжина династий
Небом посланных сынов.

Где тот камень преткновенья,
Что попрал законы меры,
Вызвав грозное ненастье
Разрушения основ?!

Где былые мощь и слава?!
Поднебесной в чём «проколы»?
Всю мозаику речами
Собери и остекли.

Расскажи, как есть всё, Лао!

«Кровожадные монголы
нас булатными мечами
беспощадно посекали».

А затем вскричал вдруг дико:
«Нынче жизнь сплошные вилы!» –
Становясь лицом блее
Тонкой рисовой муки.

И, застыв, промолвил тихо:
«Миром правят гомофилы
Вашингтонской ассамблеи.
Если можешь, помоги!»

– Надо в северном кантоне
От срединной пуповины
Вознести из доломитов
От кочевников плетень.

А в далёком Вашингтоне
Запретить уж, коль повинны,
Издавать для содомитов
Их похабный бюллетень.

ПОД МОСКВОЙ

Рыли окопы – остались «без рук».
В небе тень беркута.
Русь велика, но мы поняли вдруг –
«Пятиться некуда!»

Сутки дотла пробирал нас мороз,
Но мы не ёрзали –
Каждый из наших как будто бы врос
В хляби промёрзлые.

Скрежет и воздух от дыма кислей
скисшего вермута.
Армагеддоновых всадников злей
«всадники» вермахта...

Реквием – кровушкой Молох упит –
Враньими «карками».
Чёрным по белому поле клубит
Танков огарками.

Мягко укутала звёздная тишь
Поле и сосенки.
Ночь продержались до утрени лишь
Трое из сотенки...

ПРОЗА

НЕТРЕБО ЛЕОНИД

Лауреат 1 степени

г. Санкт-Петербург

ЗАКОПАТЬ ГРУЗИНКУ

Зачем я закопал её?

Этот вопрос живет во мне, как и многие другие вопросы, накопившиеся за жизнь. У него, «грузинского» вопроса, нет преимуществ перед сожителем, поэтому он живёт вяло, то проснётся, то опять отойдёт в дрему.

А вот, знаете, недавно, в очередной день моего рождения...

Короче, в томный осенний вечер, наполненный желтизной и грустью, меня впервые посетила мысль – а не сыграла ли там свою роль чёрная магия, исполнителем которой я невольно сделался?

Нет, вообще-то, в чудеса я не верю. Но допустим, что сошёл с ума, и уверовал. Тогда возникнут резонные вопросы от верующего. Например: ведь для успеха «магии», кроме ритуала, должен быть умысел! А если умысла не было? Не умеет же она, безмозглая, творить «сама собой». Или умеет?

Потрафить «сумасшествию»? Под деньрожденческое настроение, снисходительно посмеиваясь, – а давай-ка!

Что ж, попытаюсь впасть в то детское состояние, прочувствовать себя «тем самым» – и вдруг подсознание, в награду за усердие, черкнёт пояснительную записку.

«Широкая заасфальтированная аллея с обочинами, густо засыпанными огненной листвой. Клёны, тополя. Я, маленький. Я маленький. Я – маленький...»

...Мальчик Антон, с которым я сидел за одной партой, был, в понимании окружающих, маменькиным сыночком. Гладеньким, тихим, хилым и каким-то жёлтеньким. Кто-то из моих одноклассников сказал, что он скоро сдохнет. Жестокие дети при безответственных и болтливых родителях, обычное дело.

Он никогда не смеялся и даже не улыбался. Когда к нему пытались обращаться «Антоша», он тихо, облизав сухие губы, поправлял: «Я Антон!»

Я тоже не блистал здоровьем. Рождение на месяц раньше срока, двустороннее воспаление лёгких в грудном возрасте – короче, не самые удачные стартовые условия. Бабушка-провидица глянула мне, принесённому из роддома, в глаза и сказала: «Долго не проживёт – шары пустые». Но, сжалившись над заплакавшей мамой, дала надежду: ладно, не реви, можа, ошиблась, осень покажет.

Рос, как говорят в народе, квёлым, и, наверное, в младости был «маменькиным». Однако всей своей ещё хилой, но, как показало время, упрямой душой, стремился стать сильным и умным. Кхм...

Через много лет жена, приглядевшись, вдруг скажет, что у меня, оказывается, почти голубые глаза. Я возражу: нет, не голубые, а если такое всё-таки видится-кажется, то это просто... в пустых «шарах» отражается небо.

Не иначе, нас, двух хлюпиков, за хлипкость вместе и посадили, причём, на первую парту, пред очи педагога для постоянного присмотра.

И ещё в нашем втором «А» была девочка Натэлла, в которую я влюбился ещё в первом классе. Мне нравился её точёный профиль и волнистые опесоченные волосы. Не рыжие, не белые, а цвета летнего песка, искрящегося на солнце. Много позже я узнал перевод её имени – светлая, яркая. Она говорила с небольшим певучим акцентом. Как нам объяснила учительница, у Натэллы смешанная семья, и переехали они к нам

с Кавказа, и предки у неё были княжеского рода, но теперь это не имеет значения, потому что Натэлла теперь – октябрёнок. И всё-таки иногда в шутку, если Нателла отвечала «на отлично», учительница величала девочку Ваше сиятельство. Однако к Натэлле приклеилось более понятное нам, детям, прозвище – Грузинка, которое она с лёгкостью приняла и даже отзывалась на него, как на имя.

Но я себе (только себе!) оставил – Ваше сиятельство.

В конце прошлого учебного года я понадеялся, что летние каникулы пойдут на пользу – подрасту, сделаюсь привлекательнее, и тогда Натэлла...

Но надежды оказались напрасными, в сентябре особенная девочка, повзрослевшая и ставшая ещё красивее, обратила внимание не на меня, а на моего соседа, жёлтенького мальчика Антона, единственной достопримечательностью которого стала, по моему глубокому убеждению, необычная фуражка.

Да, фуражка Антона явила собой шедевр скорняжного искусства. Кудрявая, огромных размеров, ржавого, на мой взгляд, цвета. Шутница учительница сразу же назвала этот отличительный головной убор грузинкой. Так и сказала, когда Антон впервые нарисовался в школе с чудо-фуражкой на голове: «Ба, Антон, у какого шапелъе ты сшил свою «грузинку»?».

Учительница, Людмила Ивановна, черноокая, с длинной косой, была доброй и часто шутила, при том, что с лица никогда не сходила грусть. Перед праздником Седьмого ноября, на внеклассном чтении, она рассказала, что её отец был видным революционером и погиб в результате перегибов, а потом его восстановили. Мы не понимали, как можно погибнуть от каких-то перегибов, а потом восстановиться, хихикали и, в конце концов, присвоили училке прозвище Рево-Люська. Причём придумал это странное слово Антон. Всем слышалось «Революська», но однажды Натэлла подошла к доске и написала «правильно, как надо понимать» – Рево-Люська. Написав, она

с вопросительным взглядом повернулась к Антону, и тот кивнул.

Вот же как получилось, грузинка – к Грузинке, нарочно не придумашь.

Хотя доказать закономерность бывает очень трудно, порой невозможно, а то и вовсе – смешно, смешно, смешно!

А у меня была фуражка как фуражка, обычная. Обыкновенная.

Продолжалась тёплая солнечная осень.

Антон учился хорошо, лучше меня, но я у него не списывал. Рядом с его пятёрками в классном журнале гордо жили мои тройки и четвёрки.

В чём же заключалось внимание Натэллы к Антону? А просто она подходила к нему в перерывах между уроками, и они разговаривали. Но это ужасно много, это любовь, это жених и невеста. Антон не на всех переменах выходил из-за парты, возможно, потому, что ему комфортнее было просто посидеть отдохнуть. Поскольку мы с Антоном делили одну парту на двоих, то мне иногда приходилось быть свидетелем общения «жениха-и-невесты».

Обычно их беседа начиналась с какой-нибудь школьной новости. Однажды, когда я был рядом с Антоном, Натэлла шёпотом рассказала нам обоим, что подслушала разговор в учительской, из которого точно поняла, что у Рево-Люськи есть студенческая любовь, и она хочет выйти замуж за иностранца и уехать за рубеж, но «органы» её не пускают, потому что у неё тогда родятся негритята. Это секрет.

Антон захохотал. Точнее, прохохотал. Не как человек, а как робот. Его смех был как гром среди ясного неба. Ведь он никогда раньше не смеялся. Натэлла, судя по её мимике, тоже была удивлена.

Я в это мгновение решил, что из нас двоих Натэллы достоин только я. Хотя ясной аргументации у меня не было.

...На уроке у Антона пошла носом кровь. Его отвели в медпункт, оттуда на скорой помощи увезли в поликлинику, а уже потом домой.

Рево-Люська рассудила так: портфель Антона пусть останется в классе, а фуражку надо отнести ему домой, чтобы завтра по пути в школу было что надеть на голову. И указала пальцем на меня – выручишь друга, вы ведь с ним недалеко друг от друга?..

Друга-друга-друга!

Я кивнул.

Уже тогда я что-то почувствовал.

Что-то, что-то, что-то.

Итак, поздняя осень южного городка. Заботливые родители надевали на нас фуражки, возможно, это было излишеством, но ведь они беспокоились о нашем здоровье. Отойдя от дома, я снимал свой «фургон» и засовывал его в портфель. А возвращаясь из школы, делал наоборот, то есть к дому подходил в головном уборе, чтобы не расстраивать папу и маму.

Я сказал «хорошо», положил в портфель грузинку рядом со своим фургоном. А по дороге, идя, задумчивый, по жёлто-красной аллее, вдруг решил, что одну из двух фуражек нужно закопать в листья. Так и решил, не знаю теперь, почему. Наверно, загадал что-то из того, что указывает путь... ну и так далее. Отсюда можно сделать вывод, что в детстве я, как и положено, верил в знаки и чудеса. Мне показалось, что это красиво. Сейчас я бы сказал: романтично или поэтично. Или сказал бы какую-то другую пошлость или даже глупость.

... А завтра облагороженная осенним золотом фуражка укажет избраннику его место, путь, и в результате всего этого действия произойдёт что-то интересное, что разорвёт путы, развеет тучи. Ну и мало ли чего ещё мог подумать хилый мальчик, в пустых глазах которого в то время уже, наверное, отражалось синее небо.

Какую фуражку закопать, это должен быть выбор не мой, а свыше. Я расстегнул портфель, перевернул его вверх дном и стал вытряхивать содержимое. Посыпались ручки, карандаши, тетрадки. Наконец, выпала и одна из двух фуражек. Это была грузинка.

Выбор свыше сделан. Я положил чудо шапелле под тополь и забросал листьями, жёлтыми, оранжевыми, красными.

А завтра, по пути в школу, я, конечно, откопаю грузинку и принесу её в школу. Ничего с Антоном не случится за одно утро, не замёрзнет.

Дома я ни о чём не думал. На душе была редкая пустота. Спал крепко. Утром шёл в школу и искал в листьях грузинку. Но её нигде не было. Я пинал листья туда-сюда, ворошил кучки, бесполезно.

Воры или инопланетяне.

В школе, ещё веря, что найду пропажу, сказал Рево-Люське и Антону, что забыл. Ну, забыл и забыл.

После уроков я перерыл всю аллею. Надо ли уточнять, что результат оказался по-прежнему нулевой.

На следующее утро я взял с собой веник, маме сказал, что так велят в школе, у нас генеральная уборка. Пошёл быстро, чтобы остался запас времени до первого урока. Подмёл всю аллею. Сделал несколько куч, чем немного облегчил жизнь работников коммунальных служб. Прохожие говорили, какой хороший мальчик.

«Опять забыл». На этот раз Рево-Люська меня пожурила, Антон смотрел с удивлением (наверно, у него по дороге в школу замёрзла голова, он же хилый и жёлтый!), а Нателла – с укоризной...

Я стоял, потупив взор, и о чём-то думал. О чём – не вспомню. Но на душе было спокойно.

Возвращался по той самой аллее, а как же иначе. От куч остались горки пепла, одна кучка ещё дымилась. Возврата к прошлому нет, мосты сожжены.

На третье утро я пришёл пораньше, положил свою фуражку в ячейку под столешницей соседа. Где фуражка? – спросила нахмуренная учительница. Я кивнул – вон там. Сосед вынул на свет не свою грузинку, а мой фургон... Хохот, конфуз, скандал.

Когда все более-менее успокоились, Рево-Люська подошла ко мне, погладила по макушке и, глядя в окно, тихо сказала: «А ты знаешь, что у Антона дедушка – милиционер?». То ли спросила, то ли оповестила.

Вечером к моим родителям пришли его предки – поговорить и за компенсацией, как потом объяснила мама. Разговаривали без меня, на улице. Не ругались, а даже шутили.

На другой день нас рассадили. Мне назначили пустую парту на галёрке, а соседом Антона стала Натэлла.

В школе я так и не признался, куда дел чужую вещь. Легче всего было сказать, что потерял, но врать не хотелось. Думал, стоит сказать неправду, и произойдёт нечто такое, что лишит меня радости. Да, непонятной радости, какого-то света, который засиял во мне после этого случая. Лучше помолчу и пострадаю.

Дома я рассказал, как было дело, но не мог объяснить мотивов. Ну, честно, не мог.

Я слышал, мама шептала отцу, что мальчик наш растёт очень, очень странным. Да, гудел отец, неизвестно, чего от него ожидать в будущем, непредсказуемость, это, знаете ли...

Врёшь – нехорошо, говоришь правду – тоже. Такова жизнь. И только ты знаешь...

А между прочим, любовь к Натэлле очень быстро и легко прошла. Как будто сбросил тяжёлые жаркие ботинки и пошёл босиком по прохладной траве.

Если я сейчас скажу то, что думаю, а именно: «время моего рожденья – осень», то получится высокопарно. И слушатель посмеётся над неуместной вычурностью, представляя всего лишь календарный месяц, когда меня принесли из роддома.

А может, это было безотчётное творчество? Моё первое художественное про-изведение? Моё стихо-творение. Закопал грузинку в осень. Где «осень» – не только время года, а...

Надо заметить, что всё-таки я был ещё маленький. Мне ещё не было и десяти. По ночам просыпался и долго не мог заснуть. Боялся неясных звуков, теней, каких-то жутких картин, которые рисовало воображение. Но однажды, уже после тех школьных событий, видимо, пресытившись необъяснимыми страхами, перед самым рассветом, я сказал себе то, что много раз слышал от взрослых: чудес не бывает! И поверил этим простым словам. И заснул. И с тех пор...

И хотя я имел в виду плохие чудеса, у меня прошла вера в чудеса и хорошие, то есть в чудеса вообще. Казалось бы, ничего страшного, подумаешь, растёт человек рационалистом. Но ведь потом трудно поверить в Бога. Почему «но»? Потому что понимаешь, что вроде бы надо, а... не можешь. Вроде и свечки ставишь, и крестишься – а всё как будто играешь.

Моя третья ученическая четверть была уже в другой школе, родители перевели, говорили, чтобы я начинал с чистого листа. Дескать, ты ещё в таком возрасте, что кое-что можно с чистого листа, но учти, что такая возможность будет не каждый раз и не всю жизнь. Всё это, конечно, красиво, но наивно, ибо в жизни не бывает чистых листов. Хотя бывают перевернутые, это правда.

А зимой выпал снег и засыпал всё, что только можно, в том числе и все городские аллеи.

А весной я встретил Рево-Люську. Она подошла ко мне, спросила, как дела в новой среде обитания и сообщила две новости от моей первой школы: сиятельная грузинка уехала в другой город, а жёлтенький мальчик скоропостижно умер.

Она прижала мою голову к себе и стала гладить. Я тогда уже знал, что дети рождаются «из животика». Я прислушивался. Живот у моей бывшей учительницы был мягкий и тёплый, как у мамы. И я решил, что никогда больше не буду называть

учительницу Рево-Люськой, а только Рево-Люсей.

– А вы не уедете? – спросил я её, отстраняясь.

– Куда? – она вскинула брови.

– В... в Африку.

Рево-Люся, с этими же удивлёнными бровями, запрокинула голову, как будто смотрела на солнце, что-то там вдруг стало интересно. Это продолжалось несколько секунд. И вдруг громко, заливисто захохотала. Засмеялся и я. Сейчас мне кажется, что я потом в своей жизни никогда так не смеялся.

Наконец Рево-Люся утёрла слёзы и, борясь с хрипотцой, прочитала:

Маленькие дети!

Ни за что на свете

Не ходите в Африку,

В Африку гулять!

В Африке акулы,

В Африке гориллы,

В Африке большие кро-ко-ди-лы!..

Она поцеловала меня в маковку и ушла. Больше я её не встречал.

А Антон... Ну, что Антон!

Только не надо вздыхать и качать головами. Смешно смотреть на вас.

Он болел!

ВИСЛОУХ АННА

Лауреат 2 степени

г. Воронеж

КРЕСТ

Карточку сына, которую мне выдали в поликлинике, раздутую до гигантских размеров и не поместившуюся в сумку, с диагнозами на всю страницу, я держу в одной руке, в другой – детская ладонь.

Я иду по улице и реву. Не стесняясь прохожих, плачу захлёб, не вытирая слёзы. Вцепившись испуганно в мою руку, молча, загребая пыль ногами, плетётся он. Мой сын. Прохожие оглядываются, кто-то что-то даже спрашивает, но я почему-то вижу только их, словно раздвоенные, лица и ничего не слышу. Мне хочется просто исчезнуть, совсем. И ничего больше не будет: ни равнодушной врачихи, заполняющей с обречённым видом нашу медкарту, ни бессонных ночей, ни Монблана из лекарств, ни сочувствующих подруг – ну как ты? – ни рвущей душу усталости, ни... И его не будет? Он идёт рядом, соломенные кудряшки подрагивают каждый раз, когда я дёргаю его за руку – быстрее можешь?! – и молчит. Нет, он-то останется... Но уже без меня. Без меня?! И кому он будет нужен?! Так. Стоп!

Я останавливаюсь прямо посреди тротуара. Он притормаживает и робко поднимает на меня глаза: «Мама... Не плачь...» Я молчу... «Господи, за что мне такой крест?!»

– Мама... Не плачь...

Я, словно очнувшись от какого-то вязкого бессмысленного сна, оглядываюсь. Вокруг продолжается городская обыденная суэта – все по-прежнему куда-то спешат, обтекая нас с сыном по краям тротуара, и я понимаю: вот она, жизнь! И надо её жить дальше. Прямо сейчас взять – и продолжать жить, а не тащить уныло этот свой крест... Я поднимаю глаза и вижу

его. Крест. Мы стоим возле большого собора. В голове словно что-то щёлкает и... Я снова хватаю сына за руку, и мы бежим во двор храма, где за воротами мелькает тёмная ряса священника.

– Батюшка... – я задыхаюсь от бега и волнения. – Батюшка! Я хочу мальчика крестить! Когда нам можно прийти?

Он оглядывается – молодой, темноволосый – громко и весело отвечает:

– Да сейчас и можно! Как раз крестить собираюсь!

– Но... У меня крестика нет... И полотенце... А крёстные?!

– Всё, всё, заходите, – он нетерпеливо подталкивает нас внутрь, – сейчас всё будет!

Мы заходим внутрь. Это небольшой крестильный храм во дворе собора, где уже стоят и ждут батюшку те, кто собрался сегодня креститься: молодая пара с грудничком на руках, женщина с девочкой, подросток и девушка в платочке.

– Крестик в лавочке купите, свечку, простое полотенце, – батюшка быстро проходит к амвону.

– Да, да, сейчас! – я лихорадочно роюсь в кошельке, вроде должно хватить. Ещё и на пожертвование останется. – Но мы без крёстных!

– Назовите имя, хотя бы крёстной матери, – батюшка поворачивается к нам и начинает читать молитву...

Мой сын стоит со свечой в руке, очень серьёзный и будто сразу повзрослевший. Я смотрю на него и вижу...

Летний июльский день, прозрачный и настоящий на всех невообразимых запахах шумного, цветастого и горластого, украинского села. Мне семь лет...

– Бабо Ганю, а бабо Ганю! – соседка явно настроена воинственно.

Бабушка медленно разогнулась, вытерла о передник мокрые руки – замешивала «ижу» поросёнку.

– Чого тобі, Роза?

– Та опять твои куры в моём горо де, щоб вони показались!

– Хай им грець! – бабушка шустро схватила палку и устроила короткую, но грозную сечу, в результате которой куры, шумно хлопая бесполезными крыльями, благополучно возвратились на свою территорию. На крыльцо вышел муж тётки Розы – дед Шика. Он делал смешные свистульки – дунешь в неё, а она разворачивается таким длинным резиновым язычком. У меня таких свистулёк – целая коллекция. Но дед протянул мне ещё одну и насыпал в подол платья миску спелой шпорышки – белой смородины.

Бабушка ничего не ела в пятницу. Совсем. Только вечером пила чай и, размочив нём твёрдый, испечённый в печи коржик, жевала его беззубыми уже дёснами. Я не знала тогда, почему она держала такой жёсткий пост. Уже и взрослой была, и даже в голову не пришло поинтересоваться: от веры я была далека, все разговоры про церковь в нашей семье были строго табуированы. Верить в Бога разрешалось только бабушке. Но крестить она меня сумела. Тайно от родителей.

В тот вечер в хате на печке грелась большая кастрюля с водой. Бабушка будет меня купать и ещё – самое ужасное! – мыть голову. Завтра к нам придёт поп (я не знаю, кто это, но уже заранее его боюсь!) и меня «похрестят».

С утра меня нарядили в новое платье, на вымытую-таки голову (битва с бабушкой была не хуже Берестейского сражения Богдана Хмельницкого, про которое мне читал дед Шика, но бабуля победила – недаром потомственная шляхтичка!) повязали ненавистный бант и усадили на лавку в хате. Глухонемая тётка Маруся, ещё одна бабушкина, кроме моей мамы, дочь, села рядом, а бабушка, волнуясь, поминутно выглядывала в окно. Только моя старшая сестра, которой было уже семнадцать, презрительно хмыкнув, взяла книжку и демонстративно ушла в сад. Она понимала – бабушка наперекор моим родителям (а отец – офицер, коммунист!) всё-таки решила тайно меня крестить, поэтому и не в церкви, а пригласили батюшку домой. Что со мной будут делать, я не знала, но

храбрилась и изо всех детских силёнок старалась не заплакать – уже большая и осенью должна пойти в школу. А пока родители отправили нас с сестрой на лето к бабушке – отдохнуть и отъестся на деревенских харчах. В военных городках, где мы жили, ни настоящего молока, ни фруктов, понятное дело, тогда не было.

Но вот наконец открылась дверь, и в комнату вошёл кто-то лохматый, в длинном чёрном платье. И заговорил величавым басом:

– Мир этому дому! Господи, благослови!

Бабушка с тётей бросились к этому огромному дядьке и почему-то стали целовать ему руку. Я похолодела – и меня сейчас заставят! Вот почему наряжали: чтобы большому дядьке руку целовать, а иначе он меня бросит в свой огромный чемодан и утащит в какую-то «церкву», про которую всё время говорит бабушка! Я оцепенела от этой мысли и попыталась вжаться поглубже в угол в надежде, что про меня забудут и не заметят. Но не тут-то было! Большой дядька неожиданно ткнул меня в бок толстым пальцем, громко расхохотался, открыл свой чемодан и стал доставать оттуда какие-то странные вещи: золотую длинную скатерть с дыркой, которую надел себе на шею, такие же золотые короткие рукава и ещё какие-то предметы, о назначении которых я даже не догадывалась. Я, зажмурив от ужаса глаза, уже было совсем собралась забыть свою гордость и зареветь во весь голос, как вдруг что-то тёплое и пахучее легло мне на голову.

– Бантик-то у тебя какой красивый! – услышала я неожиданно и приоткрыла один глаз. Прямо передо мной были чьи-то смоляные зрачки, а вокруг них – рыжие солнышки, из них словно лучилась доброта и собиралась в морщинки у висков. Этот человек с глазами-лучиками ещё раз погладил меня по голове и стал что-то красиво нараспев говорить – долго и успокаивающе... Так меня крестили.

– На причастие в храм приведёте! – уходя, пробасил чуд-

ной дядька, и бабушка мелко-мелко закрестилась. Я выбежала в сад – меня распирало какое-то незнакомое чувство, да и просто хотелось поделиться с сестрой всем произошедшим и показать ей, какой красивый у меня теперь есть крестик! Подбежав к ней, я вынула его из-под ворота платья и закричала:

– Смотри, смотри, что у меня есть!

Сестра нехотя оторвала взгляд от книги, мельком глянула на моё чудо, которое я протягивала ей в ладони, и процедила:

– Спрячь, дура! И больше никому не показывай...

Я, будто налетев на корягу, споткнулась, сделала шаг назад, чтобы не упасть, меня сзади подхватили чьи-то руки, я уткнулась головой в родной бабушкин передник и всё-таки заревела – впервые за весь день...

– Да? Что? – я понимаю, что батюшка у меня что-то спрашивает, лишь когда он дотрагивается до моей руки.

– Имя крёстной матери вашего сына назовите, – терпеливо повторяет тот.

– А... Лидия! – я мысленно прошу у своей лучшей подруги разрешения стать моей преемницей в духовной жизни сына и заодно прощения, что не предупредила об этом. Уверена была – не откажется.

Сын неумело крестится, но кланяется очень важно, бережно держа свечу в маленьком кулачке. А я всё смотрю и смотрю на её блеклое нежное пламя...

В воскресенье в нашем большом старинном селе с раннего утра (да что с утра – с ночи почти!) шумел гениальный в своей неповторимости, словно сложенный из мелких цветных стекляшек, как детский калейдоскоп, украинский базар.

Жили мы в самом центре села на холме. Бабушкин огород спускался к реке, а на другом её берегу раскинулась большая базарная площадь, которую было видно от нашего дома. Реч-

ка с чудным названием Роставица, широкая возле столетней мельницы, делая какую-то сумасшедшую петлю и опоясывая местечко серебристым прохладным пояском, в этом месте становилась не шире ручья. Через ручей протянулся солидный каменный мост, по которому в ночь перед базаром начинали грохотать телеги, и было так сладко засыпать под их неумолчный грохот.

Бабушка всю ночь в большой печи жарила рыбу и пекла коржики и булочки, которые продавала на базаре приехавшим издалека, проголодавшимся селянам. На рассвете, чуть только начинала робко-робко потягиваться и выпрастываться из облачной перинки заря, бабушка собирала свою «ижу» в узелок и шла на базар. Я спала долго, а проснувшись и кое-как поплескав на лицо прохладной водой, замкнув хату на щеколду, бежала туда, в эту сказочную страну, где продавали прозрачных искристых петушков на палочке, где хрюкали нежно-сиреневые поросята, и, забившись на дно уклунка, поглядывала на тебя круглым сердитым глазом крапчатая цесарка, храпели лиловые кони, встряхивая угольной гривой, где пахло чабрецом и мятой, а их запах смешивался с ароматом укропа и малосольных огурцов, которых теснили с прилавка толстенные, лопающиеся от сока помидоры, где в бутылках плескались мутный первак и рубиновая вишнёвка, щедро разливаемые «на пробу», где прилавки были уставлены черевиками, застелены яркими нереальной красоты хустками и спидницами, где в центре базара сидел слепой дядько Сашко, играл на гармошке и пел про танкиста.

Накануне моя сестра уехала в Киев. Ей было скучно в селе – двоюродные сёстры учились в техникуме и каникулы у них ещё не начались, на танцы одной ходить не разрешали – городская, ещё обидит кто! – вот и уговорила она бабушку отпустить её с соседкой тётей Розой в Киев, встретить её племянницу с московского поезда. А там и девчонки на каникулы приедут, будет повеселее. Из развлечений в те годы в селе на-

шем был только клуб да чайная на пригорке возле сельмага.

В тот день всё было, как всегда: бабушка с ночи затопила печь, замесила тесто, почистила рыбу, а я, вдоволь наплескавшись в ручье за огородом с местными девчонками, быстро уснула. Сквозь сон уже слышала грохот телег по вымощенной камнем дороге. Значит, завтра!

Проснулась я резко, будто кто толкнул. Вовсю светило солнце, бабушкины любимые мальвы заглядывали в окно и словно укоризненно качали своими малиновыми головками: «Проспала, соня!» Нет-нет, я ещё успею, успею! Платье потом натяну! С ходу я распахнула плотно прикрытые двери моей спаленки в «залу». И в ужасе отшатнулась. Комнаты не было. Той комнаты, бабушкиной «залы», знакомой и любимой до самого дальнего уголка – не было. Не было стола с лавками, не было большого бабушкиного сундука, не было божницы в уголке – ничего! Был только один серый, противный, горький и мохнатый, как чудовище, дым. Я в ужасе захлопнула дверь и закричала. Потом заметалась по маленькой комнатке с крошечным, никогда не открывавшимся оконцем – что, что мне делать? Никто меня не услышит – оконце выходило в сад, соседей рядом не было, да если бы и были – сегодня все на базаре!

Я снова подошла к двери, приоткрыла её и, внезапно решившись, вдруг вспомнив слова чудного дядьки, надевшего на меня крестик, прошептала: «Господи, благослови!», почему-то зажала крест в кулаке и... нырнула в этот дым.

Я пробиралась сквозь плотный чад, сжав рот и практически не дыша. В кухне из печки уже протягивал свои длинные ручищи огонь и норовил схватить меня за волосы. Я, стараясь на него не смотреть, ползком, на ощупь пробралась к двери, изо всех сил толкнула её – она распахнулась, и я буквально вывалилась в сени. Дверь в горящую кухню тут же из последних сил прижала на место. Лежала на прохладном земляном полу, задыхаясь и кашляя, и мне казалось, что густой горький

дым я выкашливаю изнутри. Отлежавшись и откашлявшись, я поднялась и толкнула входную дверь. Дверь не поддавалась. Я толкнула её сильнее, потом, плача и размазывая копоть по щекам, стала биться в неё изо-всех сил, пока наконец не поняла – дверь заперта снаружи. Бабушка в этот раз почему-то меня закрыла... Я сползла на пол и приготовилась умереть.

Не знаю, сколько я так просидела, похоже, всё-таки не очень долго, как вдруг дверь подалась и распахнулась, а я вывалилась прямо на улицу. Надо мной склонился мой старший брат, сын тётки Маруси. Как потом оказалось, шёл какой-то родственник мимо нашего дома и увидел плотный чёрный дым из форточки. Бросился к бабушке на базар. Та дала ключи брату, который там ей помогал, и обмирая от ужаса, семенила следом за ним, пока он нёсся со спасительными ключами к дому...

Дым из хаты еле выветрился, а пол у печки прогорел насквозь – бабушка, уходя на базар, слишком рано закрыла за-слонку. Но через пару дней только чёрные балки в комнатах напоминали о случившемся. Приехавшая мама долго плакала и, ругаясь то по-польски, то по-русски, с каким-то ожесточением всё замазывала и замазывала белилами эти жуткие потолки... А бабушка виновато крестилась на икону в углу и шептала: «Хрест вберіг...».

Батюшка просит всех повернуться лицом на запад и произнести отречение от дьявола. Потом начинает читать какую-то красивую молитву. Позже я узнала, что называется она Символ веры. Затем малыша и моего сына он окунает в купель, а большим кропит водой голову и надевает на всех крестики. И наконец, все крещёные идут вокруг купели крестным ходом со свечками в руках. На последнем круге свеча в руке моего сына вздрагивает и гаснет... Я непроизвольно вскрикиваю. Батюшка строго оглядывается – тихо! И ведёт мальчиков

в алтарь. Всё, на этом таинство крещения заканчивается.

– Батюшка, – бросаюсь я к священнику. – Почему у моего сына погасла свечка?! Что это означает?

– Означает что? – переспрашивает он спокойно, снимая с себя ту самую красивую «скатерть» с дыркой – епитрахиль. – Да вот то и означает – в церковь нужно ходить, голубушка, тогда и вопросов таких, простите, глупых задавать не будете. Да заодно и креститься научитесь... правильно.

Я смущённо замолкаю. И правда, ерунда какая-то, вообразила себе невесть что. Дунуло из окна. Вот свеча и погасла. Оглядываюсь в поисках ребенка.

– Сынок! Что ты там делаешь?

Сын, как зачарованный, стоит перед иконой Божьей Матери и будто не слышит, что я зову его. Потом он нехотя обобщивается.

– Мама, а можно я останусь здесь жить?

И мы остаёмся там жить. С этого дня мы стали жить в этом Доме, нас приняли в этот Дом, который открыт для всех. Только войти туда почему-то хочет не каждый. Да и мы пока были только у двери...

Через много лет я сижу в огромном переполненном концертном зале. Я смотрю на сына, поющего на сцене в православной группе. Он солист и клавишник группы. И сердце моё наполняется тихой радостью. Вся жизнь у него впереди. Жизнь с Богом и для Бога.

А я сегодня, как и моя бабушка, ничего не ем в пятницу.

КОЛМОГорова НАТАЛЬЯ

Лауреат 3 степени

ст. Клявлино, Самарская область

ВАРЕЖКИ

Похоронку принесли пополудни.

Ольгуня, девка молодая и расторопная, достала из сумки документ, шмыгнула носом, отёрла варежкой иней, осевший над верхней губой.

Наталья, увидав в руках почтальонши знакомую бумагу, тяжёлым кулем повалилась в сугроб, неловко подвернув левую ногу.

Рыхлый снег принял её в объятия, будто старую знакомую. Хрустнул глухо, осев под грузным Натальиным телом.

– А-а-а! – закричала Наталья, и горячий пар повалил из её ноздрей и рта так, как будто у загнанной вусмерть кобылы. Морозный воздух подхватил надрывный крик её и далеко разнёс по обледенелой околице.

– Вставай, Наталья Егоровна, – почтальонша силилась поднять женщину, но, не удержав равновесие, плюхнулась рядом в сугроб.

Искрящийся снежный вихрь мучнистой россыпью упал на побледневшее лицо Натальи, и тут же стоял в бегущих по щекам горячих слезах.

– Айда в хату, а то простудишься, – трясла её Ольгуня, но без толку. Наталья ничего не отвечала, только смотрела, не моргая, в февральское небо серыми, с поволокой глазами. В глубине этих глаз угадывался не то небесный ответ, не то сомнение, не то потаённая надежда.

Наталья охнула утробно, глухо, неловко перекатилась на бок и села... Вдруг слабое подобие улыбки озарило её лицо:

– Нет, Ольгуня, не может этого быть! Слышишь? Никак

не может... Жив мой сын! Ошибка это, ей-богу, ошибка... Эх ты, кулёма!

Наталья выпростала руку из рукавицы, взяла у опешившей Ольгуни похоронную бумагу, сунула в карман цигейкового полушубка и, покачиваясь, побрела в сторону дома.

Ольгуня растерянно поглядела ей вслед, крепче затянула шаль, перебросила через плечо котомку и, непрерывно оглядываясь, двинулась по тропинке в противоположную сторону.

В сугробе, будто невольные свидетели случившейся драмы, остались две вмятины: одна, широкая и глубокая – Наталья, вторая поменьше – Ольгунина. Девке шёл осьмнадцатый год, и была она в самом соку. Счастье её бабье состояло в том, что перед самой войной дважды гуляла она за гумном с местным балагуром Васькой-плотником...

Дойдя до ближайшего проулка, Ольгуня оглянулась в последний раз и вдруг опрометью бросилась бежать, вспугнув сидящую на верхушке берёзы сороку. Птица тревожно застрекотала и, осыпав с веток щедрый иней, чёрной тенью метнулась прочь.

Суровый характер Натальи известен был каждому.

Жилистая, роста выше среднего, с широкой костью, имела она внешность яркую и необыкновенную. Цельный характер её обнаруживался при любом подходящем случае: правду всегда говорила в глаза, невзирая на чины и звания; в крепких крестьянских руках держала не только подворье, но и мужа своего.

Муж Наталье достался покладистый, мастеровитый, но без огонька, без искры, присущей малахольным людям. Похоронка на мужа пришла ещё по осени, в тот день, когда солнце, будто золотая печать в холодном ясном небе, подтверждало приход бабьего лета. Погода радовала душу: в палисаднике набирала ядрёности ягода калина, стаи воробышков весело щебетали, вспархивая с яблони на вишню. Вёдра с родниковой

водой, стоявшие в сенцах дома, подёрнулись тонкой коростой льда. А печь в избе топилась теперь дважды – утром и вечером.

– Ты бы зашла ко мне повечерять, – звала Наталью подруга Ульяна. – Одна-то с ума сойдёшь! Степана твоего, как и моего касатика, война забрала – не вернуть.

– Зайду опосля, как-нибудь, – Наталья отводила налитый горем, будто рюмка водки до самых краёв, взгляд. – Дюже мне, подруга, некогда.

– Отчего так-то? – пытала Ульяна.

Наталья отмалчивалась...

Однажды решила Ульяна потешить любопытство – неожиданно нагрянула к овдовевшей подруге. Шагнула через порог и обомлела: в избе – жарко натоплено, а дух стоит такой, что впору вон из избы!

Воздух клубился разными ароматами: пахло ладаном, печёной картошкой, но больше всего – овечьей шерстью. Наталья, раскрасневшаяся, с горящими глазами и пылающими щеками, в цветастом переднике, вычёсывала шерсть.

– Проходи, Уля. Чайник поставлю, – Наталья отложила в сторону деревянный гребень.

Ульяна не нашлась, куда сесть. Всюду, на колченогой лавке, на кровати, на столе, большими и малыми горками лежала шерсть. Белая, словно облачко в летнем небе, и чёрная, будто грозовые тучи над селом...

На столе, ровными стопками – готовые вязанные варежки, носки, клубок со спицами, веретено...

– Батюшки-святые! – Ульяна развела руками. – Куды ж ты столько навязала?

– Знамо куда – на фронт. Зима вон какая лютая навалилась, озябнут наши ребятушки, и мой сынок Лёшенька озябнет, захворает ненароком.

– Вот оно что... Дык, и я посылку на фронт давеча собрала. Сало, чай да махру положила. Только вязать не люблю – это ты у нас мастерица!

Ульяна выбрала из общей кучи белые варежки, собралась примерить.

Внутри рукавицы что-то хрустнуло...

– Поклади на место, – приказала Наталья.

– Чегой-то там?

Ульяна, недоумённо поглядела на хозяйку, достала из варежки мятый листок.

– Письмо сыну... Да ты садись, Ульяна, чайник-то вскипел.

Ульяна вернула бумагу на место, придвинула к столу табурет.

– Тебе чай молоком побелить? – Наталья слегка приподняла широкую чёрную бровь.

– Можно и белить, а можно не белить.

Ульяна была полной противоположностью подруги. Покладистая, отходчивая, она легко могла рассмеяться и также легко могла расплакаться. Все движения души происходили в ней так быстро, так легко сменяли друг друга, словно бы погода – в капризном месяце апреле.

И сама Ульяна, в противовес смуглой и чернявой подруге – светловолоса, подвижна, небольшого роста, с приятной глазу полнотой.

– Тута варежек навязано – на всю армию хватит! – Ульяна на мгновение опустила в кипяток головку желтоватого сахара, поднесла ко рту, прищулив светло-карий глаз, с хрустом надкусила лакомство.

Наталья отставила кружку в сторону:

– Слыхала, чай? Фрица от Ржева поганой метлой погна-ли.

– Слыхала, как же не слыхала!

– Вот я и кумекаю, Уля... А может Лёшка мой скоро до-мой возвернётся?

– Оглянуться не успеешь, как возвернётся! Драпают немцы... чтоб ни дна им, ни покрывки!

Вдруг в печи, точно выстрел, громко треснуло полено. Наталья вздрогнула, взяла в руки кочергу и, отворив заслонку, пошебуршила в огненном чреве железным прутом.

– Мороз-то как ныне лютует! – вновь заговорила Ульяна.

Наталья не ответила, заворожённо глядя на разгоревшийся пламя.

В печной трубе неистово загудело, затрещало... Пламя, точно живое, разбушевало, разыгралось, готовое вот-вот вырваться наружу. Хозяйка, опалённая жаром, в испуге отпрянула, поспешно прикрыв дверцу.

– Пойду до хаты, пока совсем не стемнело, – Ульяна поднялась. – Люди бают, волки близко к деревне приходят. У Тимофеевых курей давеча задрали.

– Ступай, Уля, да с оглядкой, – Наталья проводила подругу и накинула дверной крючок...

С того страшного дня, как принесли похоронку на сына, печь Наталья не топила, потому стужа чувствовала себя в доме полноправной хозяйкой.

Наталья вновь и вновь возвращалась к началу работы. Холодные спицы обжигали, петли соскальзывали, а закочевшие пальцы совсем не хотели слушаться.

Иней толстым слоем укрыл окна изнутри, и что творилось там, за окном, не известно.

Слабый мышинный писк и возня в подполе не тревожили Наталью, как не тревожило чувство голода и пустой чугунок на печи. Сложив в скорбную гримасу посиневшие губы, она что-то усердно выводила на клочке бумаги, еле слышно шепча:

– Такого быть не может... Ошибка это... Ошибка!

Наслюнявив химический карандаш, писала снова и снова, складывая записки в каждую шерстяную варежку, пока не закончилась в доме бумага...

За последние дни Наталья сильно изменилась: под глазами – тёмные круги, возле губ – две глубокие скобы-морщины.

Сделав последнюю петлю, Наталья щёлкнула ножницами, отрезав от готовой варежки шерстяную нить, крючком протянула кончик вовнутрь, чтоб соблюсти аккуратность.

Закончив работу, тяжело поднялась, протопала валенками в чулан и вскоре вернулась с громоздким ящиком.

Одна пара, вторая, третья... Пара белая, пара чёрная... И снова белая... Стопка носков – стопка варежек...

В сенцах неожиданно хлопнула дверь.

Ульяна, едва отряхнув валенки от снега, шагнула в избу:
– Наталья!

Хозяйка, словно не слыша, не оглянувшись на вошедшую, положила в посылку последнюю пару варежек, прикрыла сверху газетным листом, сказала чуть слышно:

– Вот, Уля, сыночкам моим гостинец собрала.

Ульяна, глядя на образа, перекрестилась – сын у Натальи был один-единственный... Ульяна нерешительно шагнула к столу:

– Вот и слава Богу, милая, вот и слава Богу... Пойдём, Наташенька, со мною.

Ульяна заботливо накинула на плечи подруги полушубок:

– А посылку твою мы завтра же отправим. Вместе на почитамт поедем, Красулю запряжём и поедем.

Она мягко подтолкнула Наталью к выходу и крепко прикрыла за собой скрипучую дверь...

Согревшись на тёплой печи, Наталья тут же провалилась в сон.

Ульяне не спалось... Засветив лампу, она долго сидела у стола, подперев голову руками и предаваясь горьким думам, прислушиваясь к ночным шорохам и к завыванию то ли ветра, то ли хищного зверя за окном.

Слёзы не один раз за вечер сбегали по её округлым щекам, быстро высыхали и снова торили себе дорожку...

Будто что-то внезапно вспомнив, Ульяна открыла посылку, и, сунув ладонь в варежку, достала записку. На клочке бумаги твёрдой Натальиной рукой было выведено несколько строк. Ульяна, шевеля губами, прочла по складам:

«Сынок! Молюсь о твоём возвращении. Час победы близко. Возвращайся живым. Твоя мама».

Ульяна убедилась в своих догадках и предположениях: в каждой связанной паре, хранящей тепло женских рук, лежала точно такая же записка. И текст каждой из них оказался написанным словно бы под копирку. И адресат каждой записки оказался тем же – «На фронт. Сыну»...

Ульяна покачала головой, аккуратно сложила вещи, выключила лампу и, забравшись на лежанку, прижалась к подруге, крепко её обняв...

Утром слегка попустило.

Мороз неожиданно сдал свои позиции, и иней, отяжелев от утреннего тумана, большими белыми хлопьями полетел на землю.

Первые струйки печного дыма взвились к небу, потекли, побежали, точно струи парного молока – в подойник. И в первых проблесках зари, и в первых петушиных криках, и в протяжном мычании коровы в хлеву – всюду явственно чувствовалась близкая долгожданная оттепель.

Первая оттепель зимы сорок третьего года.

ЗИРИХГЕРАН АХМЕДХАН

Дипломант

Республика Дагестан

ХИТРЕЦ

Двор был пуст. Таким пустым, холодным и мрачным двор своего дома Артур не видел никогда. Даже в самые холодные зимние дни. Зима здесь, на продуваемой всеми ветрами окраине южного приморского города, всегда бывала неуютно холодной.

Нескончаемый ветер кружил по двору листву и всякий мусор, пытаясь швырнуть измятым пакетом в лицо. Любой дождик превращал двор в бассейн. Снег, редкий гость в этих краях, наоборот, делал двор уютным и красивым. Поэтому для Артура снег всегда был праздничным явлением. Даже сейчас, по прошествии нескольких лет, кои он прожил намного севернее, Артур всегда улыбался, услышав ворчливое: «Когда же растает этот снег, надоел за зиму». Он не исключал, что со временем привыкнет и сам станет так же ворчать. Но пока не случилось.

Двор был пуст. Нет, он не был во власти холодного ветра или ледяного дождя. Двор был погружён в горячее марево июльского вечера. Артур всю дорогу, все часы в самолёте, предвкушал, как он войдёт сюда, и его накроет разноголосый говор и шум, волна приветствий. Как он устанет отвечать на бесконечные вопросы любопытных соседок...

Отставив в сторону недопитый стакан чая и схватив надкушенный бутерброд, Артур выскочил из квартиры. Времени до начала занятий оставалось совсем немного, а он зачитался очередным скачанным на телефон учебником. Двор, несмотря на столь ранний час, уже был весьма оживлён. О чём-то шеп-

тались женщины у второго подъезда. В углу дымил сигаретой дядя Шапи, ему курить дома не разрешала жена. Мелкая детвора кружилась на детской площадке, они просыпались раньше всех. В дальнем углу за гаражом виднелось несколько пацанов, Артур, помахав им рукой, быстрым шагом направился к остановке. Подходить и здороваться времени не было.

– На какого врача учишься хоть? С пацанами посидеть нет тебя, – интересовался улыбчивый Бага, попавшийся на пути, уже у самой остановки.

– На проктолога! – прокричал Артур, запрыгивая в автобус.

– Прак..чего? – только и успел произнести удивлённый Бага.

Автобус, подпрыгивая на бесконечных лежачих полицейских, катился вниз по проспекту. Артур опаздывал на пары и злился на бестолковые заторы, то там, то тут возникающие на пути. Уже в центре автобус упёрся в глухую пробку. Но это было в порядке вещей. Выскочив из автобуса почти на ходу, Артур побежал короткой дорогой.

– Опять бежал? – нахмурилась Алина, оглядывая взмыленного Артура.

– От самого дома, – улыбнулся Артур.

– Да ладно? – ахнула Алина.

– А ты что думала? – Артур любил дразнить простоватую Алину. За эту простоту он и любил её. Хотя в этом и не признавался. Да и времени на признания у него не было.

Артур учился в мединституте. Учился по-настоящему, с желанием. А не так, как было принято у многих – ради галочки. За поступление, конечно, мама заплатила «нужным людям», хотя Артур протестовал. Был уверен в своих силах. Не «толкал» зачёты, удивился, когда узнал: так называется взятка преподавателю за хорошую оценку. Когда же Артуру объяснили, что значит словосочетание «законная тройка», он был просто возмущён. Значило это, что студент знает предмет на пятёрку,

но не «толкнул» его. Но Артур не искал подходы к преподавателям, просто учился, как мог. И попал в то немногочисленное число студентов-отличников, которых преподаватели не валили. Они были нужны для статистики. О существовании такой категории учащихся он узнал уже постфактум.

Артур был искренне удивлен, когда узнал, что те студенты – мажоры, что порой оплачивали сессию целиком, презирали тех, кто старался учиться. Считали нищими – не может «толкать», вот и зубрит. Высокомерие и пафос переполняли их. Артур старался ни на кого не обращать внимания. Всё свободное время отдавал учёбе.

– Астапирулла, астапирулла, – как заведённый, повторял Шома, пацан из соседнего подъезда, когда Артур налетел на того во дворе. Да, Артур был сам виноват, не глядел под ноги, уткнувшись в телефон, как обычно, перечитывая лекцию. Вот и полетел кувырком, успев, к счастью, сгруппироваться.

– Вот блин! – воскликнул Артур поднимаясь с асфальта.

– Брат, видишь, ты стал орудием шайтана, – бормотал Шома, отряхивая молитвенный коврик.

– Шома, ты чего под ногами-то мешаешься? – попытался пошутить Артур.

– Улыбка Иблиса на твоём лице, – пробурчал Шома, – пора и тебе начать намаз делать, дрова для ада.

– Шома, посреди двора зачем? – растерялся Артур.

– Что ты одно и то же спрашиваешь, – нахмурился Шома.

– Правильное место выбрал, ты мусульманин?

– Не буду мешать, – Артур сделал шаг в сторону.

– Очкуешь, да, ответить? – усмехнулся Шома. – Имя поменяй, что за кафирское – Артур? Например, возьми себе Абу-Абдулла.

– Каждый сам должен прийти к вере, заканчивай молитву, извини, что помешал, – не желая конфликта ответил Артур и быстрым шагом направился прочь. Шома что-то торопливо выговаривал ему вслед, но Артур не слушал. Не желал слышать.

Религия пришла в их дворовый мирок как-то неожиданно. Один за другим ребята, что прежде были обычными пацанами разной степени хулиганистости, начинали молиться. Артур даже не мог сказать, кто первый начал. Как-то одновременно. Родители многих ребят, особенно тех, кто был шибко буйный и нередко выпивал, даже радовались. Ушли куда-то в прошлое драки и разборки. Как и курение за гаражами, пиво непонятно на какие деньги, а может и без оных, добытое.

Но Артура это новое поветрие не привлекало, ничего кроме учёбы его не интересовало. Он и так не пил, не курил. В разборках практически не участвовал. Лишь иногда, дабы не записали совсем уж в ботаники, показывал силу своих кулаков.

Да и необходимость смены имени его не прельщала – именем своим он дорожил и менять не собирался. Возможно, в этом и была причина. Одна из причин.

– Салам алейкум, Артурский, – услышал Артур, по привычке войдя во двор, уткнувшись в телефон.

– Алейкум, – буркнул Артур, оторвав взор от телефона.

– Что ты там вечно читаешь хоть? – раздражённо поинтересовался Дауд, одноклассник Артура.

– Да вот, лекции скачал, – ответил Артур.

– Не те книги ты читаешь, – улыбнулся Шома, – приди к истине, брат.

– Я попрошу Абу-Бакра тебе одну книжку дать, он знает, какие книги надо читать, чёткие, – затараторил Арсен, пацан из последнего подъезда, на год младше Артура.

– Что за Бакр? – удивился Артур. – Не знаю такого.

– Как не знаешь? Высокий такой, вон из того дома, – нахмурился Тимка, ещё один из дворовых пацанов.

– Тимка, что ты несёшь, это же Русик! – воскликнул Артур.

– Астаупирулла, – всплеснул руками Арсен, – не произноси больше этого кафирского прозвища.

– Аставь да Арсюха, – рассмеялся Артур, – кто же ты теперь? Абу-Баклан?

– Мне кажется, ты хочешь оскорбить нашего брата, – с вызовом в голосе произнёс малознакомый Артуру парень. Он жил где-то наверху, на дачах, Артур видел его всего несколько раз.

– Никого я не хочу оскорбить, мне просто не до вас, у меня сессия, – разозлился Артур.

– Знаем мы ваши сессии, – хмыкнул Шома, – «толкаете» за бабки.

– Шома, или как там теперь тебя, откуда у меня лишние бабки? – насупился Артур.

– Ты нам ща будешь задвигать, что там всё честно, и поступил ты без бабок? – Бага построил язвительную гримасу.

– Поступал да, там без бабок никак, – смягчил тон Артур, – но я не «толкаю».

– Насчёт тебя могу и поверить, ты всегда хорошо учился, – доверительным тоном заговорил Тимур, – но ты не будешь отрицать, что там подобное сплошь и рядом?

– Не буду, – вздохнул Артур.

– А ты не хочешь что бы всё было по-чесноку? – продолжал Тимур. – У тебя хватило бабок поступить, у других их нет. Может, мы не такие толковые, как ты, но что-то бы и из нас получилось?

– Хочу, конечно, – Артур догадался, к чему клонит Тимур.

– Но просто так нам никто ничего не даст, – затараторил Арсен, – надо бороться за установление законов шариата!

– Революционерами себя возомнили? – напрягся Артур.

– Мы просто хотим установления истины, хотим вычистить всю эту грязь, – голос Тимура стал жёстче.

– Пацаны, у меня сессия на носу, – вновь схватился за спасительный аргумент Артур, – потом обсудим эту тему.

– Базару нет, базару нет, – улыбнулся Шома, – учёба это важно, врачи нам нужны.

– Книжку мы тебе подгоним, Абу-Бакр тебе занесёт, – не успокаивался Арсен, – прочитай обязательно.

– Потом, – согласился Артур, стремясь поскорее завершить беседу. Пожав ребятам руки, он направился домой.

Неприятный осадок от встречи с дворовыми ребятами преследовал Артура не один день. Теперь он, ранее всегда с радостью проводивший с ними свободное время, стал избегать их. Шёл домой таким маршрутом, дабы с пригорка заглянуть во двор и, убедившись, что путь свободен, прошмыгнуть домой. После этого весь остаток дня из дома не выходил. Да и не было у Артура времени на прогулки.

– К тебе опять ребята приходили, – как-то буднично проговорила мама, накрывая на стол.

– Чего говорили? – нахмурился Артур.

– Говорят, ты на звонки не отвечаешь, – в голосе матери проскользнули тревожные нотки.

– Я на парах на звонки не отвечаю, – Артур попытался уйти от разговора.

– Артур, говори прямо, что да как, – потребовала мама, – ты же знаешь, вместе мы найдём выход.

В этот момент за окном послышались призывные крики азана. Артур подошёл к окну и кивком показал матери на середину двора. Там, расстелив коврики, усердно молились, выбивая поклоны несколько человек.

– Молятся, да, разве это плохо? – мама словно почувствовала отрицательный настрой Артура.

– Ты хочешь видеть меня среди них? – улыбнулся Артур.

– Если ты хочешь, мы же мусульмане всё же, – мама волновалась, – зато ни драк теперь, ни шума. Хотя, конечно, как-то это всё неестественно.

– Я много дрался? – Артур направился к своему портфелю, достал оттуда несколько книг.

– Нет, – мама продолжала смотреть в окно.

– Знаешь, мам, ты у меня умная, – Артур достал тонень-

кую книжицу, спрятавшуюся между учебников, – почитай.

– Что там? – поинтересовалась мама.

– Не спрашивай, почитай, думаю, ты справишься за то время, что я обедаю.

Артур знал, что мать быстро разберётся с содержимым небольшой брошюрки. Критическое мышление досталось Артуру от матери. Он не раз замечал это. Артур обедал и краешком глаза следил за выражением лица матери, мрачневшим с каждой страницей, которые она перелистывала всё быстрее и быстрее. Уже не вчитываясь.

Книжку это ему вручил Русик, он же Абу-Бакр, каким-то образом отловив Артура у подъезда. Он строго отчитал Артура за то, что тот не выходит теперь вечерами во двор. Не молится вместе со всеми. Заведённая Шомой мода прижилась, порой во дворе молилось до полутора десятков ребят. Вечерами они сидели во дворе и во весь голос обсуждали вопросы джихада, установления шариата и прочего. Артуру хватило этих подслушанных разговоров, чтобы понять что к чему. Книжка же лишь подтвердила его опасения.

– Какой же ты у меня молодец, – воскликнула мама, осторожно кладя книжку на стол.

– Но я не знаю, как от них отвязаться без конфликта, – помрачнел Артур, – не переезжать же.

– Я знаю, – успокоила Артура мама, – я устрою тебя на работу.

– А учиться когда? – удивился Артур.

– Ты справишься, – голос мамы был полон спокойной уверенности, – с института на работу, с работы домой к полуночи. Есть там одно место, как раз искали. Думала: кто ж пойдёт до полуночи сидеть на работе. А вот как всё повернулось, всё не просто так.

Двор, двор его дома, где он вырос. Двор, без которого он не мыслил себя. Двор, где он проводил всё свободное время, стал чужим и опасным для него. С этого дня жизнь Артура из-

менилась. Дома он появлялся всегда затемно. Приходил на ночёвку. Летом же он работал с утра до ночи. Откладывая деньги на покупку квартиры либо на переезд в другой город. Мама же не желала переезжать, ей было привычно и уютно жить в этом дворе.

Но двор менялся стремительно. Дворовые пацаны один за другим исчезали. Кто переходил на нелегальное положение и, проявившись позже в составе многочисленных групп «лесных», сгорал в огне спецоперации. Кого «теряли» силовики, работая на упреждение. Шома, тот так вообще стал «амиром». «Амиром» кого и чего он стал, Артур не запомнил. Да и недолго всё это продолжалось, так и сгинул он, отстреливаясь в блокированной квартире. Вместе с очередной боевой подружкой – девочкой из соседнего дома. Умницей и отличницей, дочерью маминой подруги.

Артур следил за всем этим по новостям да наблюдал последствия, возвращаясь к полуночи домой. Плач и причитания были слышны то из одной квартиры, то из другой. У подъезда же, в котором жил очередной ушедший в небытие, неизменно толпились мужчины. Родственники собирались, повинувшись обычаю, в доме усопшего. Но вся проблема была ещё и в том, что тела не было. Не выдавали тела причастных к терроризму родственникам. Либо выдавали за взятку. Порой же и деньги брали, и тела не выдавали. От этого атмосфера во дворе становилась ещё напряжённее.

Глаза матери, наполнявшиеся грустью за день, светлели, когда Артур появлялся на пороге. Было заметно, что она гордится им. Вскоре, закончив учёбу, Артур отправился в интернатуру в другой город. Туда, куда поехала Алина, с которой у него уже были определённые отношения. С тех пор он не приезжал в родной город, но не по своей воле. Мать категорически запретила ему приезжать. Опасаясь, что его «потеряют» по ошибке, либо для галочки. Приезжала к нему сама. Но постепенно всё успокоилось, и Артур получил «добро» от матери на

приезд. Тем более, что они с Алиной приняли окончательное решение о браке. Было необходимо официально посватать её, дабы соблюсти все местные обычаи.

Двор опустел, почерневшие в трауре родители сгинувших ребят больше не выходили вечерами во двор. Не бегала тут и детвора. Всё это Артур слышал от матери, но как-то не верилось. Не было сил сделать шаг и ступить в гнетущую тишину двора.

– Явился, хитрец! – Артур вздрогнул от неожиданно громкого возгласа и обернулся.

– Иди, иди, нет их никого теперь, можешь не прятаться, – мимо него, не оборачиваясь, прихрамывая, проследовала одетая во всё чёрное тётушка Патимат, мать того самого Шомы. Артур, наверное, не узнал бы её, если бы она сама не обратилась к нему. Он помнил её как весёлую, задиристую женщину, всегда одевавшуюся по последней моде. Благо, работала она портнихой. Теперь же она была чёрной согбенной тенью себя прежней. Словно выйдя из оцепенения, Артур ступил во двор, где его встречали родные окна. Он шёл размашистым шагом, словно пытаясь стряхнуть с себя всю тяжесть воспоминаний. И он знал, что никому не позволит сбить себя с пути.

МИЛОВАНОВА ОЛЬГА

Дипломант

г. Ханты-Мансийск,

Ханты-Мансийский автономный округ - Югра

ЗАЧЕМ МНЕ ЭТО ЗНАТЬ...

(из невысказанного)

Любила ли она меня?

Ответ на этот вопрос я искала всю жизнь.

Я застала её толстой старухой, и мне долго казалось, что она была старой всегда. Седые волосы она зачёсывала назад, заплетала в жиденькую косичку, скручивала в кукишку на затылке и закрепляла черепаховой гребёнкой. Её открытый высокий лоб перерезали три глубокие параллельные морщины. Щёки, покрытые седыми волосками, будто сползали с лица, подчиняясь земному притяжению, и обвисали брылями. Кожа на руках была тонкая мятая, как пергаментная бумага, с коричневыми пятнами. Она сама шила себе платья из самой дешёвой даже по тем необильным советским временам ткани, носила грубые туфли из уценённого магазина. Её пальто лоснилось на локтях и спине, а аккуратные заплатки совсем не украшали его. Такой я её запомнила, и такой же возвращают мне её облик чёрно-белые фотографии из семейного альбома. На них она с моим отцом, с дядей, с братом, даже с ненавистной невесткой – моей мамой. И нет ни одной фотографии со мной.

В её доме царила опрятная скромность, граничащая с бедностью. Из вещей было только самое необходимое: железная кровать, стол, покрытый протёртой клеёнкой, жёлтый фанерный шкаф, этажерка, старинный неудобный диван с выпуклой спинкой и откидывающимися валиками. И... треть комнаты занимал огромный чёрный ящик – фортепиано «Урал» с желтоватыми, словно старческие зубы, клавишами. Из книг

– ноты, обёрнутые в клеёнку и надписанные её круглым аккуратным почерком.

Она не читала, не включала древний телевизор с крошечным экраном, не встречалась с подругами. Их у неё не было. Она вообще не выносила людей. Продавцы в магазинах, работники почты, КЖУ или Собеса, соседи, да и просто прохожие, попавшиеся ей на пути, были исключительно «гадами», «тварями», «шкурами» и «сволочами». Покой и мир её душе дарили лишь часы, проведённые наедине с Шубертом, Шопеном, Бетховеном или Чайковским.

Звали нас одинаково, потому что я родилась в день её ангела. Она сама много раз рассказывала мне об этом, а я долго, не задумываясь, верила. Но она была зимняя, а я – летняя. Тогда это не казалось мне странным. Мы никогда не поздравляли её с днями рождения и ничего не дарили. Я не помню, чтобы для неё я рисовала милые детские каракули или подписывала корявым детским почерком открытки. Меня она поздравляла исключительно по телефону, желала быть умной и послушной. Подарков она мне тоже не дарила, отговариваясь маленькой пенсией. Позже я поняла, что родители просто хотели угодить, назвав меня в её честь. Но это не помогло.

Я всегда знала про её нелюбовь ко мне. Откуда? Не скажу определённо. Никто прямо не говорил мне об этом. Может быть, просто чувствовала. Но, скорее, я, как все дети, подслушивала разговоры взрослых, и так мне открылось, что она не обрадовалась моему рождению, называла «этой девкой» и считала навязанной обузой моему старшему брату.

Тем не менее, раз в неделю по воскресеньям в строго оговоренное время меня отправляли к ней.

Ещё в подъезде я слышала звуки фортепиано. Обречённо поднимаясь по лестнице на третий этаж, я останавливалась у двери. У меня было законное право медлить, я точно знала, что невежливо прерывать музыку (собственно, лишь в этом случае я вела себя, как воспитанная девочка). Но затухал по-

следний аккорд, и мне приходилось обнаруживать себя. Я стучала, так как звонка у неё не было.

Дверь открывалась, и меня сразу обволакивал запах её дома – для меня он навсегда остался связан со старостью. Пока я раздевалась, она ворчала, что я снова опоздала, что не надела тёплые штаны, что завесила глаза чёлкой... А я привычно спорила, оттягивая момент, когда придётся садиться заниматься.

Ей ужасно не повезло с моим отцом. Папа родился за 5 лет до войны, и ещё, будучи беременной им, она ходила на выставки, читала добрые умные книги, играла на фортепиано, мечтая, что её ребёнок непременно родится человеком, тонко чувствующим прекрасное. Мой папа получился необычайно талантливым, но... «технарём». Хорошие, с его точки зрения, картины в точных деталях изображали машины, паровозы, самолёты, на худой конец, корабли. Книги он читал только в школе по программе, а любую музыку называл «бренчанием». Впрочем, всё прочитанное в детстве он помнил наизусть и даже изредка пел. В его скромный репертуар входили три песни. Жалостливая про птичку, у которой злые мальчишки забрали птенчиков, ею он доводил меня до слёз. И две студенческие, которые папа исполнял изрядно выпив: «Через тумбу, тумбу раз...» и «Колумб Америку открыл...».

Её усилия, не пригодившиеся сыну, неожиданно сработали на внуках, и, обнаружив наши музыкальные способности, она с энтузиазмом принялась заниматься сначала с братом, а потом и со мной.

Я совсем не помню, как я учила ноты, когда она объясняла мне ключи, ритм, метр и многое другое, что составляет эту сложную, но ласкающую слух науку. Не помню, как начинала играть. Кажется, я села и сразу полились из-под моих маленьких пальчиков: «Два весёлых гуся», «У дороги чибис», «Гей, ты Висла голубая»... А ведь она никогда не была ни добра ко мне, ни сдержанна. Как же мы прошли такой сложный начальный этап освоения музыки без раздоров, криков с её стороны и пото-

ков слёз с моей? Теперь-то я знаю, что только чужим мы легко прощаем ошибки, непонимание, даже отсутствие таланта. Только чужим мы можем по сто раз повторять одно и то же, в полной мере осознавая трудность задачи. Свои, по определению, не могут не знать, не понимать, быть невнимательными и уж тем более не талантливыми. Они же свои! Возможно, я действительно легко схватывала, доставляя ей удовольствие своей сообразительностью и одарённостью. Или я не была для неё своей.

Вот чего я не любила, так это разучивать новые пьесы – лень мне было самой разбирать все эти кружочки, палочки, закорючки. И я, широко распахнув свои глаза честнейшей врушки, уверяла, что обожаю слушать её игру. Моя наивная хитрость заключалась в том, что имея цепкую зрительную память, я легко играла «с рук», в точности повторяя за ней. Конечно, она быстро раскусила меня, но раз за разом попадалась на мои лисьи речи.

Постепенно колупания преображались в стройные созвучия, и я уже наслаждалась музыкой, позабыв обо всём на свете. После обязательных пьес мы играли в четыре руки, иногда я пела, а она аккомпанировала мне. Урок, который вначале казался таким безнадёжно бесконечным, неожиданно обрывался приходом брата. Мне вручали карамельки из старинной помятой жестяной коробки с изящной дамой на крышке, и я счастливая топала домой. Брата ждала та же самая программа, с той лишь разницей, что конфеты для него были приготовлены шоколадные. И я бы никогда об этом не узнала, но мой любимый брат всегда приносил их мне.

Когда до мамы доходила очередная нелепая и злая гадость, пущенная ею, они страшно ругались, и мне запрещали к ней ходить. Не скажу, что я очень переживала по этому поводу. Я уже училась в музыкальной школе, и этих занятий мне вполне хватало. А мама так мало смыслила в музыке. При ней я могла часами стучать по клавишам всё, что было угодно моей душе, делая вид, что усердно занимаюсь. На очередном

академическом концерте я получала свои неизменные «четыре с минусом». Маму вызывали в музыкалку, и учителя, которые у меня почему-то постоянно менялись, стонали одно и то же: «талантливая девочка», «такие способности» и «совсем не занимается». Мама смирялась, и меня снова отправляли к ней.

Мой брат уже учился в другом городе, приезжал нечасто и ещё реже находил время для музыки. Наши с ней занятия стали затягиваться. После урока она кормила меня сырниками или морковными оладьями, а из «хрущёвского холодильника» под окном доставала финики, заменявшие в те годы исчезнувшие из магазинов конфеты.

Иногда, будучи в добром расположении духа, она показывала мне старый альбом. В эгоизме юности мне трудно было поверить, что тонкая волоокая красавица на снимках – это она, и уж тем более серьёзная десятилетняя девочка в белом платье из американской парусины и плотных тёмных чулках. На обороте фотографии было напечатано CARTE POSTALE и дата – март 1925 г. По её словам, я была очень похожа на эту девочку, особенно, если избавлюсь от чёлки, которая закрывает мне лоб и лезет в глаза.

Я привыкла оправдывать её скверный характер трудно сложившейся жизнью. Она родилась в Крыму, там же прошли её детство и юность. Она прекрасно играла на фортепиано и мечтала заниматься музыкой, но её практичная мама (немка по национальности) настояла, чтобы она получила более приспособленную для жизни специальность гидрометеоролога. Её отец отливал в своей мастерской чугунные канализационные люки для смотровых колодцев. И жестоко поплатился за это. В 1937-м его объявили заводчиком, капиталистом и арестовали, несмотря на то, что «капиталист» сам тяжело трудился на своём «заводе» с двумя подмастерьями. Судьба его осталась неизвестной.

О своём замужестве она рассказывала мне как о вынужденной необходимости, ни словом не упоминая о чувствах.

Великая Отечественная война прошла по ней железным катком, впрочем, как и по миллионам советских людей. Муж воевал. А она, отчаявшись прокормить детей (в самом начале войны родился второй сын – мой дядя), поддалась уговорам матери и решила ехать на работу в Германию. Мать так и осталась там, похороненная в Земле Гессен.

После окончания войны ей с сыновьями – «фашистским пособникам» и «врагам народа» – не позволили вернуться домой в Крым и, продержав несколько месяцев в советском проверочно-фильтрационном лагере, отправили на далёкий Урал.

С детства я запомнила присказку: «на Урале три дыры – Шаля, Ляля, Таборы». Этих неведомых мне Ляль было даже две – Старая и Новая. Но её с детьми поселили в леспромхозе, который находился ещё в 40 километрах от Старой Ляли. Из редких и скудных рассказов моего папы я знала, что они ужасно мёрзли в непривычном суровом климате, отчаянно голодали и подвергались унижениям и жестоким насмешкам от местных – как детей, так и взрослых. Мой дед, вернувшийся с фронта целым и невредимым, разделить участи своей семьи не пожелал и женился вторично на походно-полевой жене.

Работая обрубщиком сучьев, разнорабочей на ремонтно-механическом заводе, кладовщиком, она научилась довольствоваться малым в одежде и обстановке. Единственной непреходящей ценностью стала еда, и в её шкафу в самошитых матерчатых мешочках всегда лежали крупа, мука и сухари.

В начале 60-х друзья помогли ей обосноваться поближе к областному центру, и спустя тридцать лет она смогла осуществить свою задавленную мечту – заняться музыкой. Бог ведает, каким чудом в её маленькой квартирке поселился чёрный «Урал» с желтоватыми клавишами. Восстановить забытые, казалось бы навсегда, навыки оказалось гораздо проще, чем получить разрешение работать, ведь никаких документов у неё не было. Она сдала экзамен, получила свидетельство об окончании музыкальной школы и устроилась работать в дет-

ский сад музыкальным работником, а потом и в музыкалку преподавать фортепиано. Наверное, работу эту она любила, судя по восторженным отзывам её учеников, которых я знала, но, выйдя на пенсию, сразу же уволилась отовсюду, а круг общения сократила до музыки, сыновей и внуков.

Нам, младшему поколению, всё чаще становилось не до неё. Жизнь закручивала и требовала своё – мы учились, строили карьеры, искали любовь. Я общалась с ней всё реже, да честно говоря, не очень-то стремилась – не нуждалась в ней. С годами характер её становился всё невыносимее, и я старалась заходить к ней только по необходимости. Однажды отец попросил меня помочь её помыть. Мы давно уже не виделись, и я поразилась тому, как она похудела. Поддерживая хрупкое, почти девичье тело, я вдруг остро осознала всю бездну прожитых ею лет. Перед моими глазами ускоренными кадрами промелькнули лица со старых фотографий и впервые сложились в законченную картину жизни. Я мысленно примеряла на себя её путь, понимала мотивы поступков, причины их и следствия, отчаянно жалела, прощала и, кажется, даже... любила.

Но она быстро рассеяла наваждение, пожелав мне провалиться за то, что я попыталась проветрить её затхлую комнату.

Она перестала выходить из дома, разучилась звонить по телефону, готовить, не открывала тяжёлую крышку «Урала», не брала в руки ноты. Даже когда мы сообщили ей о внезапной гибели любимого внука, она спокойно кивнула головой и поинтересовалась, что мы принесли сегодня покушать. Потом она и вовсе легла, отказываясь подниматься, посылая со своей железной койки проклятия мне, когда я убирала у неё.

Любила ли она меня?

Давно уже некого спросить. Да и зачем мне теперь это знать?

Перебирая старые фотографии и документы, я нашла небольшой листок бумаги. Знакомым круглым почерком на нём были записаны дни рождения всех близких ей людей. Всех!

Даже моей мамы!

Там не было меня!

Я не существовала для неё!

Я не входила в круг её любви, внимания и памяти!

Обида – детская, глубокая невысказанная накрыла меня.

Мне больше не за что было цепляться, нечем оправдать её...

Я ещё раз просмотрела ветхий листок...

Там действительно были все, кроме меня и... её самой.

Я подумала: она записала то, что могла забыть! Ей незачем было записывать, что и так накрепко хранилось в её сердце и памяти – она сама и я!

Пусть это будет так!

Бабушка, я ношу твоё имя. Музыка стала моей профессией. И каждый раз, глядя в зеркало, я убираю чёлку со лба.

ПОСЕЛЕНОВ АЛЕКСЕЙ

Дипломант
г. Кемерово

ВСЁ НОРМАЛЬНО

Ещё четыре дня назад молодой тридцатилетний мужик Игорь Бугров убирался в своём огороде в одной футболке и лёгких спортивных штанах. А когда жёг успешную высохнуть картофельную ботву, так и вовсе упрел: бабьелетнее солнце жарило так, что впору было идти на речку загорать.

Но потом всё изменилось буквально в одночасье. Ночью северный ветер приволок откуда то с тайги угрюмые и холодные дождевые тучи, вмиг превратившие поселковые улицы в грязное месиво. Через день ударил первый утренний морозец, который решительно сковал эту грязь и покрыл лужи тонкой плёночкой хрупкого льда. А ещё через день послеобеденный морозящий дождик к вечеру сменился мелкими, суетливо мельтешащими снежинками. И наутро крыши домов стояли белые, непривычно нарядные, укрытые первым стыдливым снежком, а из печных труб к небу потянулся дымок.

– Всё, отдохнули от золы да копоты. Теперь снова топи каждый день. – Игорь поставил возле печки ведро угля и бухнул рядом охапку берёзовых дров.

– Так куда деваться-то? – его жена Лариса, хлопотавшая тут же, на кухне, философски пожала плечами. – В Сибири живём, не на югах.

Затопив печь, Игорь пошёл к раковине умываться, а Лариса стала накрывать на стол.

– Ты сегодня в рейс? – спросила она мужа, накладывая в тарелку гречневой каши с тушёным мясом.

– Нет, я вчера на ТО встал. – Он сел за стол. – Так что на обед домой прибегу.

Игорь работал шофёром на местной автобазе, до кото-

рой было пешком всего то минут десять-пятнадцать ходьбы. Сперва надо было дойти по их переулку до центральной улицы посёлка, потом свернуть и дальше, вдоль многоквартирных деревянных барачков, стоявших по обе стороны дороги, около километра до автобазы.

В это утро, засунув руки в карманы куртки и накинув капюшон, Игорь шёл в гараж и думал, с чего лучше начать работы по техобслуживанию своего старенького «зилка». Дойдя до центральной улицы, он повернул направо и зашагал по асфальту.

Их посёлок считался пригородным, но, по сути, это была обычная деревня. Разросшийся и не так давно поглотивший её город из всех благ цивилизации принёс сюда лишь центральный водопровод с холодной водой и единственную асфальтированную улицу – центральную. Электричество, понятное дело, было и раньше.

– Бугров! Игорь! – вдруг услышал он окрик.

Остановившись и посмотрев по сторонам, Игорь увидел возле одного барака свою бывшую одноклассницу Ситникову Татьяну. Вид у неё был весьма растерянный: она хоть и окрикнула Игоря, но смотрела не на него, а вертела головой по сторонам и бестолково топталась на месте. При этом одета она была довольно легко: на голых ногах обычные домашние тапки, а демисезонное пальтишко накинуто на лёгкий халатик.

– Привет, Тань! Чего хотела? – кивнул ей Игорь.

– Слушай, ты сильно торопишься? – глянула на него та.

Он пожал плечами.

– На работу иду. А что случилось?

– Да тут у нас чего-то... Сама не пойму, то ли мерещится мне, то ли правда. Ты бы мог посмотреть, а? – скривив губы, она просительно склонила голову набок.

Игорь пошёл к бараку.

– Чего стряслось-то?

– Да кажется, что дымом пахнет, но не пойму, откуда. И

Сашка у меня на работу уже час, как ушёл. Прямо, не знаю, что делать.

– Дома у вас пахнет, что ли? Или где? – Игорь подошёл к Татьяне.

– Ну да, в квартире. Но у нас-то всё в порядке, я везде посмотрела. И вот не знаю, может, от соседей тянет? Мало ли...

Это был длинный десятиквартирный барак. Каждая квартира имела отдельный вход, перед которым был небольшой огороженный участок, и получалось, что свободно подойти к соседскому окну, чтоб заглянуть в него, было невозможно – надо было или лезть через забор, или идти через калитку.

Игорь посмотрел на трубы, торчащие над шиферной крышей.

– А кто справа от вас живёт?

– Тётя Лиза Смолякова.

– У неё вон дым сильнее всего идёт. Значит, печка только-только разгорается. Она что, затопила и сразу ушла?

Татьяна неопределённо пожала плечами.

– Не знаю. Слушай, Игорёк, а может, в пожарку позвонить?

Игорь ловко перескочил через забор на соседский участок и подошёл к окну.

– В пожарку надо было сразу позвонить, как запах почувяла. – Он постучал в стекло, надеясь, что кто-то окажется дома: может, спит человек или недослышит. – У вас у кого-нибудь телефон есть в бараке?

– Есть у одних, в крайней квартире, в десятой.

– Беги к ним, звони, а я пока тут посмотрю.

Соседское окно было задёрнуто плотным тюлем, поэтому, что делается внутри, видно не было. Игорь, прильнув лицом к стеклу, напряжённо всматривался в комнату, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь. И в какой-то момент с одного края из-за тюля прямо перед ним выплыла небольшая струйка дыма. «Ох ты, ёлки-палки! Точно, здесь что-то стряслось», –

подойдя к двери, Игорь с силой постучал, потом дёрнул ручку – всё без толку.

Из крайней квартиры вышла Татьяна, следом за ней выбежал невысокий коренастый мужик лет шестидесяти.

– Игорь, я позвонила. Сказали, приедут, но вот Василий Петрович, – она показала рукой на идущего следом мужика, – говорит, что у них там сейчас пересменок, так что могут и припоздать.

– Чего тут у вас? – спросил тот, подходя ближе и хмуря брови.

– Да, вроде, вот у них чего-то... – Игорь кивнул на окно, в которое только что смотрел. – Толком не видно, но показалось, дымок там.

– Здесь кто у нас? Лизавета, кажись? – Мужик подошёл к окну и заглянул внутрь. – Не видать ни хрена... – потом вдруг взмахнул руками. – Мать моя! Точно! Дым!

– Ой, мамочки... – жалобно пробормотала Татьяна. – И чего сейчас?

– Чего-чего... Дверь ломать надо! – Мужик из десятой квартиры как-то сразу засуетился, потом рысцой побежал к себе и через полминуты вернулся с топором. – Сейчас дверь скovyрнём и глянem, чего там.

Он подскочил к двери и стал примериваться, как бы ловчее подцепить её топором.

– Стойте, вы чего?! – Игорь схватил его за руку. – Так же нельзя! Дверь выворотить – большого ума не надо, а потом что? Хозяйки-то нету.

– Ну и чего? Придёт, куда не денется. Не на неделю же она уехала! А пока вон... Танюха покараулит.

– А потом? Вы дверь обратно почините?

– Я не пойму, ты чего предлагаешь? Ждать, пока весь бак загорится? – Мужик освободил свою руку. – Дверь пожалел, а дом не жалко? Так-то она здесь не одна живёт, нас тут десять семей.

– Я понимаю. Я говорю, что, может, не ломать сразу, а как-то поаккуратнее попробовать?

– Как?! – рассердился мужик. – У тебя ключ, что ли, есть? Тут, может, каждая минута дорога! Ну не дверь, так давай окно высадим!

– Да огня-то вроде не видать, дым только! Может, там ничего серьёзного, а мы переломаем всё.

– А ты слышал, что дыма без огня не бывает?

– Слышал! Только, ломать – не строить, тоже поговорка есть.

Игорь вернулся к окну и снова стал вглядываться внутрь. Потом повернулся к Татьяне.

– Есть у вас ножик покрепче? Не кухонный, а чтоб потолще лезвие было?

– Есть, – кивнула та.

– Тащи!

Татьяна побежала к себе и быстро принесла довольно большой нож, под тип охотничьего, подала Игорю.

– Держи.

Взяв нож, тот стал поддевать им тонкие реечки, держащие стекло.

– Сейчас штапик уберу, стекло вытащим и всё. Я внутрь залезу, и поглядим, чего там.

Через пару минут дело было сделано. Игорь аккуратно вынул стекло и отдал его мужику, который всё это время молча топтался рядом. Из окна сразу же повалил густой серый дым.

Игорь снова повернулся к однокласснице.

– Танька, тащи быстро какую-нибудь тряпку: полотенце или платок побольше, и водой намочи!

Та без лишних вопросов опять кинулась в свою квартиру и вернулась с мокрым цветастым платком.

– На вот...

Игорь снял куртку и повесил её капюшоном на штакетник. Обмотав лицо ниже глаз неприятно холодным и мокрым

платком, он сунулся, было, в окно, но тут же отпрянул назад.

– Тьфу ты, чёрт! Дымище...

– Игорёк, может, обождать немного? Дым выйдет, тогда лучше будет, – предложила Татьяна.

– Да чего ждатель-то?! – снова загорячился мужик из десятой квартиры. – И так сколько времени потеряли!

Он с тревогой посмотрел на крышу барака, не видно ли там дыма или огня.

– Ладно, пошёл я. – И Игорь, зажмурив глаза, полез в окно.

– Ты на пол там сразу падай! – крикнул вслед ему мужик. – Там дыма-то меньше будет.

Внутри, прямо у окна, стоял стол. На него-то Игорь и попал сначала. Он пошарил руками по сторонам и что-то уронил. Послышался звон разбившегося стекла. Чертыхнувшись, Игорь стал на ощупь спускаться на пол. Нога на что-то наткнулась, он отпихнул это в сторону, и снова разбилось стекло. «Да чего она тут понаставила-то? Банки какие-то, что ли?» – он встал, наконец, на ноги, быстро пригнулся и, чуть-чуть приоткрыв глаза, стал осматриваться.

У самого пола дыма действительно было меньше. Держа голову как можно ниже, Игорь отполз в сторону и метрах в двух от себя заметил довольно большой, размером с полкулака, кусок несильно горящего угля. Уголь лежал на тряпичном половике, который тлел, давая густой серый дым, но огнём при этом пока не загорался.

Игорь быстро на четвереньках подполз к углю. Тут же он увидел печь, топочная дверца которой была приоткрыта; за ней мельтешило пламя. «Вот клуша, – подумал он о хозяйке, закрывая дверцу кочергой, которую нашёл рядом. – Видать, уголь засыпала, а как дверка закрыта, не проверила».

Искать воду, чтобы залить тлевший половик, Игорь не стал. Набрав в лёгкие побольше воздуха, он задержал дыхание, снял с лица платок и затушил им кусок угля. Затем хоро-

шенько протёр мокрой тряпкой тлевший половик и пол под ним.

Воздуха уже не хватало. Встав, Игорь быстро вернулся к столу и полез обратно. Но как ни старался он не дышать, а всё же глотнул напоследок дыма. Вывалившись наружу, он тяжело закашлялся и сел на жухлую траву возле дома. Глаза реза-ло, из них текли слезы.

– Ну чего там? – подскочил мужик из десятой квартиры.
– Что горит-то?

Татьяна охала, ойкала и суетливо топталась тут же.

– Дай попить, – хрипло попросил её Игорь, немного про-кашлявшись. – И это... глаза промыть.

Одноклассница снова побежала к себе и быстро принес-ла литровую банку воды.

– Держи...

Он жадно выпил сразу полбанки, потом плеснул водой в глаза. Стало чуть легче, но горло всё ещё сильно першило.

– Ну так чего там? – опять подступил с расспросами му-жик, присев возле Игоря.

Позади него с тревожными лицами стояло ещё несколь-ко человек, которые, увидев дым, прибежали из соседних до-мов выяснять, что случилось.

– Да всё нормально. – Игорь по-прежнему сидел на тра-ве, морщился и жмурил глаза. – У печки дверку путём не за-крыла, кусок угля и вывалился на половик. Хорошо, хоть заго-реться не успело, тлело ещё.

– Вот курица! – сердито помотал головой мужик. – Весь барак ведь спалить могла. Ты-то как? Наглотался?

– Да ничего, всё нормально, – устало улыбнулся тот в от-вет. Поднявшись, он взял куртку и оделся.

Подъехала пожарная машина и тяжело остановилась на-против. К собравшимся подошёл пожилой пожарный в бре-зентовых штанах и брезентовой же куртке.

– Чего тут у вас стряслось?

– Да всё уже, без вас управились, – ответил за всех мужик из десятой квартиры.

– Ну а всё-таки?

Ему принялись рассказывать, что да как. Сначала Татьяна поведала о запахе дыма, который учуяла у себя в квартире, потом подключился мужик, от которого она звонила, затем Игорь завершил всю картину описанием того, что увидел внутри.

– И что, прямо стекло вынули и всё? – удивился пожарный. – Мы в таких случаях обычно не церемонимся, – усмехнулся он. – А где хозяева-то? Кто знает?

И, словно услышав его, в этот момент объявилась хозяйка квартиры. Вернее, сначала все услышали крик:

– Оюшки! Это чего там?! Чего делаете-то?

Повернувшись на возглас, все увидели пожилую тётку, спешно семенящую по дороге. Дым к этому времени весь вышел, и внешне уже ничего не напоминало о случившемся.

– Вы чего тут? – Тетка подбежала к бараку и сердито оглядела всех. – Чего случилось? Пошто окно-то без стёкол? У меня ж изба выстынет!

– Тётя Лиза, да не кричите вы так, – пошла ей навстречу Татьяна. Она успела сбегать домой и одеться потеплее. – У вас пожар чуть не случился.

– Какой ещё пожар?

– А какие они бывают? – ухмыльнулся сосед из десятой квартиры. – С огнём да дымом! Ты почему печку без присмотра бросила? Затопила и умотала куда-то.

– На почту я ходила. А чего?

– Ничего... Барак бы спалила, было бы тебе тогда «чего».

– Женщина, это вы хозяйка? – Вышел на первый план пожарный.

– Я.

– Давайте-ка запишем ваши данные. Потом инспектор придёт, он будет разбираться, но могу сразу сказать, что вы нарушили правила эксплуатации печного отопления.

– Ничего я не нарушала, на почту мне нужно было.
– Фамилию, имя, отчество скажите.
– Смолякова я, Лизавета Ивановна.
– Елизавета Ивановна, давайте в дом зайдём, посмотрим там всё, чтоб наверняка.

Тётка открыла дверь, и они с пожарным пошли внутрь. Через минуту оттуда послышался её крик:

– А кто мне банки-то все побил?! Вы чего наделали-то?
Хозяйка вышла на улицу и с жалобной миной посмотрела на стоявших.

– Банки-то пошто мне побили?
– Какие ещё банки? – сердито спросил мужик из десятой квартиры.

– Я вчераь три банки огурцов, да две банки капусты засолила. У стола стояли, в погреб снести не успела. А сейчас побитое всё.

– Ивановна, ты совсем, что ли? – Мужик постучал пальцем себе по лбу. – Тебе говорят, ты чуть барак не спалила, а она про банки какие-то.

Из квартиры вышел пожарный.

– Ну там, вроде, всё в порядке. Ладно, мы поехали, а к вам, – он повернулся к хозяйке, – инспектор придёт, ждите.

– Погоди! Как это, в порядке? – Вцепилась в него тётка.
– Ты запиши, что банки-то мне все переколотили!

– Женщина, вы о чём говорите вообще? – Пожарный удивлённо посмотрел на неё. – Вы ему, – он кивнул на молча стоявшего в стороне Игоря, – в ножки кланяться должны. Если б мы раньше приехали, так дверь выломали бы вам и всё. А он стёклышко аккуратнo вынул, да сам всё и затушил.

– Так, а банки-то? – не унималась та. – Я чего, зря солила, что ли?

Пожарный махнул рукой, повернулся и пошёл к машине.

– Тётя Лиза, – подошла к соседке Татьяна, – да Бог с ними, с банками. Вы чего, правда? Вон, Василий Петрович

тоже хотел и дверь ломать, и стекло разбить предлагал. А Игорь не дал.

– И чего сейчас? – Хозяйка квартиры обиженно поджала губы. – Я ж покупала всё. И огурцы, и капусту. Своёго-то нету.

Сосед из десятой квартиры тяжело вздохнул и покачал головой.

– Вот так вот, парень. – Он подошёл к Игорю. – Наука тебе: ты как лучше хочешь, а тебе потом благодарность за это. Правду говорят: «Не делай добра – не получишь зла». Надо было всё же дверь ей выломать.

Игорь усмехнулся:

– Да бросьте вы! Если она бестолковая, не значит же, что ей только хуже делать надо.

– Так ежели не понимает?

– Ну и что? Сейчас не понимает, может, потом поймёт.

– А вот это навряд ли. Годы у неё уже не те.

– Ничего, всё нормально. – Игорь подтянул на куртке «молнию», посмотрел на часы, – времени на всё про всё ушло минут тридцать – и пошёл к калитке.

– Эй, милоч, ты куда это? – Засеменила следом тётка. – А банки-то мне кто сейчас конпенсирует?

– Тётя Лиза, да вы чего, вправду? – Татьяна всплеснула руками. – Как не стыдно-то вам, в самом деле?

– А чего ты меня стыдишь? Я чего такого сделала? И стекло мне кто обратно ставить будет? Изба-то уж выстыла вся.

– Да вставлю я тебе стекло, вставлю... – Мужик из десятой квартиры, взяв топор, пошёл к окну. – Тебе всё равно проветривать надо, дымищем воняет.

Игорь тем временем вышел на асфальт, накинул на голову капюшон и, сказав тихо: «всё нормально», широко зашагал к автобазе.

ВЕЖБИЦКАЯ КСЮША

г. Реутов, Московская область

ХОРОШАЯ СЕМЬЯ

В гостях всё вкуснее. Аня пила компот из стакана с крапинками, и компот этот был самым вкусным, хотя мама тоже иногда закатывала летом, когда соседка угощала яблоками. И стаканов таких красивых, с крапинками, у них не водилось, только скучные, советские. Дай Ане волю, она бы и вовсе поселилась у своей подружки – Таи Золотарёвой. У Таи мама добрая и собака есть, и дома у них так хорошо, игрушек куча, а на кухне можно перехватить что-нибудь вкусненькое.

Вот Анина мама всегда на работе, а вечером злая приходит. Не дай Бог уроки не сделаны или мусор где. Весёлого мало. Когда Аня ложилась спать, то представляла, будто они с Тайкой сёстры, и она живёт в их квартире – вот здорово было бы!

Сегодня воскресенье, у Таи день рождения. Аня как зашла, так и ахнула – шарики по всей квартире, музыка, Тая в новом платье – диснеевская принцесса. Аня покраснела за свою школьную водолазку и джинсы – пацан пацаном! В школе её даже звали – Захар, потому что фамилия Захарова. Но Тая джинсы будто не заметила, за руку потащила на кухню.

Едва протиснулась к столу, села на табурет, зажатая ребятами. Тётя Оля, Тайна мама, суетилась на кухне, сразу выдала Ане компот в том стакане, с крапинками. Из-под стола вынырнул Михай – большой Анин друг. Она улыбнулась и протянула ему руку, пёс лизнул. Не найдя лакомства, увязался за другими ребятами.

– Мишка, не путайся под ногами!

Тайна мама раскладывала по тарелкам угощения, и у Ани сладко засвербело в желудке.

– Ну-ка, ребята, садитесь все за стол! – скомандовала тётя Оля.

От светлых движений Ане делалось уютно. Её-то мама никогда не разрешала приглашать друзей. И уж тем более не суежилась у плиты в цветастом фартуке поверх нарядного платья, чтобы кормить чужих детей. «У самих есть нечего», – говорила мама, когда Аня хотела кого-нибудь позвать.

– Михей! Ты чего делаешь? – Тая, смеясь, уворачивалась от пса, который пытался лизнуть её лицо, испачканное в заварном креме.

Собака.

Этому Аня завидовала больше всего. Никакие дни рождения со вкусностями и доброй мамой не могли сравниться с возможностью чесать Михея за ухом, когда вздумается. Аня всегда выпрашивала у Таи поводок на прогулке и шла, воображая, будто это её собака – давала Михею команды строгим голосом и отгаскивала от вонючих находок.

Аня незаметно протянула под столом псу кусочек, чтобы и её щеку он захотел лизнуть, но тётя Оля принялась стучать по стакану с крапинками вилкой и говорить тост «за чудесную девочку, которая родилась в этот день». Она стояла у Таи за спиной и гладила дочь по золотистым волосам (не то что Анины, мышинные). Рука эта магнетизировала Аню, и, хотя гладила она не её, всё равно почему-то было щекотно и тепло.

– Так, Михей, хватит попрошайничать! – ругалась тётя Оля на пса. – Ты погляди, всё уже собрал и пол вылизал, дурень! Ну-ка иди отсюда! Пошёл!

Михей не хотел уходить, и тётя Оле пришлось поймать его и вывести, наподдав для вида кухонной тряпкой и заперев дверь.

После тоста ребята снова зашумели и принялись за салаты и закуски. Все блюда казались Ане незнакомыми и невероятно вкусными. Потом играли в шарады и просто в догонялки, шумели, включили погромче магнитофон и пели, и снова носились по дому.

Встрёпанная и красная от бега Аня улучила минутку, чтобы забежать в туалет.

Выходя, на секунду задумалась – идти ли мыть руки или никто не видит. Дверь в спальню родителей была приоткрыта. Там происходило что-то странное.

– Ты что натворил, скотина такая! – шипела тётя Оля.

Михей спрыгнул с кровати и вжался в шкаф, поджимая хвост.

– Ты что наделал, я тебя спрашиваю, тварь! Я как это отстираю, идиотина! Это ж одеяло стирать! – ругалась она, нависая над псом. Потом на секунду исчезла и появилась с ракеткой в руках. Только вчера девочки играли этими ракетками в бадминтон.

– Скотина тупая! – кричала тётя Оля срывающимся голосом, замахиваясь на Михея, который покорно сносил удары, сжавшись в углу. – Тупица! – она заносила ракетку и обрушивала её на мохнатый бок. – Кто кровать обоссал?! Кто! Я тебя спрашиваю?!

Аня стояла, не в силах пошевелиться. Она хотела убежать, не видеть наказания Михея, или наоборот – ворваться в комнату, отнять у тёти Оли ракетку, но продолжала стоять и смотреть. Она не сделала ничего. Крик застрял в горле.

Наконец Михей метнулся к выходу из комнаты и пулей скрылся в детской.

Аня очнулась и сделала шаг в сторону кухни, чтобы тётя Оля её не заметила. Тая и ребята шумели за дверью. Из спальни больше не доносилось ни звука. Когда Аня выглянула, тётя Оля плакала, закрыв лицо руками.

В дверях раздался звонок, и девочка чуть не подпрыгнула от неожиданности. Мимо неё промчалась Тая.

– Папа!

Выбежал из детской, радостно виляя хвостом Михей. Тётя Оля как в ни в чем не бывало пошла открывать.

Сначала в дверном проёме показалась огромная коробка

с нарисованной розочкой, а затем уже Таин папа.

– Молодежь! Чай пить будем?

И снова все зашумели и потекли обратно на кухню, огибая Аню, словно камень посреди бурной реки.

– Ты где был так долго? – услышала Аня шёпот за спиной.

– Ну что ты начинаешь опять!

– Мама, ты зажжёшь свечи?

Вздохнув, тётя Оля отправилась искать спички, но уже через минуту появилась на кухне, улыбающаяся, в ореоле свечного сияния. Все пели «Хэппи бёздэй ту ю», только Аня угрюмо молчала, сверля тётю Олю испытующим взглядом.

Зайдя домой, девочка швырнула куртку на пол. Мама смотрела в зале телевизор.

– Наелась там, не голодная?

– Голодная!

– А чего, не кормили что ли?

Аня плюхнулась на кухонный табурет и насупилась. Мама, шаркая тапочками, пришла греть суп.

– Не буду я суп.

– Почему? – мама замерла с кастрюлей в руках.

– Потому что гадкий! Ненавижу его!

– Ну извините! А чем тебя кормить?

– Получше что-нибудь найди!

Мама так хлопнула дверцей холодильника, что стол затрясся.

– Ты как разговариваешь? Тебя в гостях что ли научили?

– Да уж в гостях получше, чем здесь!

– Рот закрой свой поганый!

– Сама закрой!!!

Аня хорошо знала, что будет после этих слов. Она ждала этого.

Мамино лицо стало бледное и твёрдое, как каменное изваяние, источенное ветром. Мама открыла шкаф, взяла там длинный чёрный шнур, сложенный в несколько раз.

– Думай, – удар, – что, – руки ожгло огнём, – говоришь, – шнур рассёк бедро, – матери! – Ещё и ещё, и ещё, больше всего по ладоням, которыми Аня прикрывалась от ударов, скорчившись на табуретке. Она плакала беззвучно, представляя, как горящие болью руки покрываются красными квадратиками от ударов ракеткой.

Плача в своей кровати под тонким негреющим одеялом, Аня мечтала отомстить им всем: маме, Тайке за то, что не защищает Михея, но пуще всего – тётке Оле, дуре этой, которая при всех улыбается, а в другой комнате рыдает и над Михеем издевается!

В школу пошла мрачная. Огрызалась, уроки не отвечала. В голове Аня вынашивала план. План мести.

На перемене Тая сама к ней подошла и рассказала про Михея.

– Мама говорит, Михей отомстил ей, раз на кровать написал. Она же его с кухни выгнала, вот и отомстил!

– И что? Ты веришь? – буркнула Аня.

Тая пожала плечами.

– Не знаю. Жалко его. Мама так ругается до сих пор!

– Если он не мстил, то тогда зачем это сделал? Глупый что ли?

– Михей совсем не глупый! Он много команд знает. И добрый.

– Но зачем?..

– Откуда я-то знаю! У биологички спроси.

– Это идея.

Аня круто развернулась на каблуках. Не побоялась и старшекласников в кабинете биологии, хотя Тая сначала не хотела заходить и жалась в дверях.

– Маргарита Петровна, – обратилась Аня к учительнице, заполнявшей журнал.

– Ну, – ответила та, не отрывая глаз от журнальных клеточек.

– Вот скажите... – Аня не знала, как спросить, и покосилась на старшаков. – Вот если пёс... м-м... дома ну... наделал как бы. Вот он мстил? Умеют собаки мстить?

Учительница оторвала взгляд от журнала и устало поглядела куда-то в пространство.

– В смысле? А гулять ходил он?

– Ходил! – подтвердила Тая.

– Не знаю, может заболел? К ветеринару сводите.

Зазвонил звонок. Девочки заторопились на урок.

– Михей не писался больше, не болеет он, – шептала Тая по пути в класс.

На уроке Аня не думала о корнях с чередованием. Перед глазами у неё был Михей, забившийся в комок, прижавший уши, чтобы сделаться меньше. Неужели Михей, этот трусоватый добряк, мог кому-то мстить! Но она-то может, она отмстит. Аня мечтала, как, например, всем расскажет, что Таина семья вовсе не идеальная, что мама у них над животными издевается, а папа – пьёт. Ничего не хорошая семья, такая же, вон, как у всех. Отцы почти у всех пьют. Да и матери у некоторых тоже. Так что не надо. Или вот придёт к ним и что-нибудь сделает назло этой тётке Оле! Стащит что-нибудь, разобьёт любимую кружку, продырявит красивое платье... Анина мать таких и не носила сроду. Вот маме... Ей отомстить легче – Аня сжимала кулаки, когда думала об этом. Уйти, не спроситься и исчезнуть, чтоб искала, чтобы рыдала, чтоб думала, что умерла Аня, нет её, что маньяк убил!

По дороге из школы девочка зло пинала камешки гравия. У подъезда она замерла. Соседка с шестого этажа выгуливала на газоне свою микрособачку в самодельном вязаном свитере. Тот её совсем не согревал, и пёсик трясся от холода.

– Здравсьте, тётъ Тань!

– Бакс! Ну пописаешь ты наконец или нет? – разорвалась соседка.

– Тётъ Тань, а вам Бакс что-нибудь назло делает?

– А? – соседка поглядела на Аню непонимающим взглядом.

– Ну вот если вы ему поесть не дадите, он вам напишет?

– Напишет? Ага! Выпросишь у него! Бакс! Мне идти уже надо! – переминалась с ноги на ногу соседка, поглядывая на часы. Бакс прекратил нюхать кустик и задумчиво потянул крохотным носом воздух.

Аня помялась немного и отправилась домой.

Весь вечер её не покидали мысли о мести. Уроки делать не стала – ну их к чёрту! Если вы такие все, что-то вам ещё делать! На следующий день девочка как бы невзначай поинтересовалась у Таи, можно ли зайти к ней в гости.

– У нас генеральная уборка сегодня, – вздохнула Тая. – Давай в выходные.

– Да, давай, – небрежно ответила Аня, затаив чёрную радость.

До выходных оставалось несколько дней. Иногда Аня думала, что может, и ладно... Ну их всех. Может, лучше пойти с Михеем гулять? Погода хорошая... Но что-то в ней возмущалось, вновь и вновь заставляя смотреть, как тётя Оля бьёт Михея, а тот даже не защищается! Он бы никогда не бросился на хозяйина, что бы ему ни сделали...

В субботу Аня отправилась к Тае, но не дошла. Подруга сидела на лавочке у подъезда и давилась слезами.

– Тай, ты чего?

– Па-па, – из-за слёз Тая не могла выговорить и слова, – па...

Аня плюхнулась на лавочку.

– Чего? Чего случилось-то?

Тая отняла руки от красного лица.

– Папа вч-вчера не пришёл домой ночевать, и мы не спали вообще, искали его! А когда п-пришел сегодня, они ругаться стали и орать! – губы у Таи задрожали, и она снова расплакалась.

В тот момент Аня не испытала долгожданного злорадства от мести, которая случилась помимо её воли. Ей стало страшно жалко подругу, ведь она в конце концов не виновата ни в чём.

Обниматься Аня не умела, только подвинулась на лавочке вплотную к Тае, прижавшись краешком плеча, и терпеливо ждала, пока подруга не уймётся.

– Ладно тебе... Пришёл же. Пусть орут. Моя мама тоже, знаешь, как орёт! Пошли лучше на турниках полазим. Или мелкими порисуем...

Тая прекратила всхлипывать.

– Пойдём.

Вечером, как обычно, пришла уставшая мама. Часто она работала и по выходным. Аня мялась в дверях комнаты. А когда вышла, смотрела в пол.

Мама выгрузила покупки в холодильник.

– Кушала? – спросила она, заглядывая в кастрюлю.

У Ани отлегло – не злится уже.

– Нет.

– Погреть?

– Да.

Мама поставила кастрюлю на печку. Казалось, прошла вечность тишины и молчания, прежде чем конфорка не согрелась, а с ней суп и Анино утро.

Мама включила телевизор, достала старые домашние очки со сломанной дужкой и моточки вязания. Девочка взялась помогать. История с Михеем никак не шла из головы, жгла изнутри. Наконец она сдалась и рассказала маме, что он натворил, промолчав про ракетку.

– Как думаешь, мам, ну почему он это сделал?

Мама пожала плечами.

– Когда собаки писаются, они свой след оставляют. Чтобы другие их узнать могли по запаху.

Аня недоверчиво посмотрела на маму.

– Зачем Михею оставлять метку, чтобы тётя Оля его узнала? – задумчиво спросила она.

– Не знаю. Может, он подумал, что она его хочет из семьи выгнать, из стаи. Вон он какой волосатый, наверное, всю квартиру шерстью завалил.

От внезапной догадки Аня чуть не выронила клубки, её сердце забилось от радости.

– Михей не виноват! Его выгнали из стаи, когда он на кухне попрошайничал! А потом он пошёл и оставил запах, чтобы тётя Оля вспомнила, что он в стае, и не выгоняла его из дома! Ведь его уже выгоняли так прошлые хозяева, Тайка рассказывала, что он – брошенный!

«Что ты выдумываешь, фантазёрка?» – хотела сказать мама, но Аня так крепко сжала её своими маленькими сильными руками, так крепко прижалась.

Не виноват!

Собаки не мстят никогда. Никогда. Никогда. Аня повторяла про себя это «никогда», и становилось легче дышать.

Где-то там горело Тайкино окно. Завтра Аня пойдёт к ним и всё объяснит. А когда вырастет, заберёт всех дворовых собак! И того, на трёх лапах тоже, самого первого. Темнота двора подступала, но, закованная в раме, запутавшаяся в маминых клубках, растворялась в тусклом свете, не добравшись до девочки.

ГОРНИЦКАЯ ЛЮБАВА

г. Ростов-на-Дону

ТРЕТИЙ ВЫПУСКНОЙ

Ханна впервые умирала в месте, где положено жить. Родильный приют купца Попова занимал южный павильон особняка, отданного благотворителем под нужды лечебницы. Юг перетекал в гаснущую судьбу, становился тем, что определяет проблески жизни. Жизнь Ханны мерцала тускло, не пробиваясь своими голубино-сизыми искорками сквозь яркую и злую осень фальшивого городка Нахичевани. Настоящий – древний, уже три тысячи лет как ощерившийся в мир островерхими каменными башенками – находился далеко, за горами и лесами. Или, скорее, за душной опожаренной прикавказской степью. Этот же, привычный, скрал его имя, приклеив неловкое «на Дону», и тулился к Ростову боком. Не то сосед, не то независимая приживалка. Он прочил Ханну в новые дочери, смуглолицые, привыкшие к звукам падающих каштанов, снующие по улицам подобно пчёлам с гербового щита. Но город ждал живых. А Ханна умирала.

Повитуха кое-как выпутала из пуповины ребёнка, синего от удушья, возилась умело, колдовала с животиком и грудиной. «Повивальные бабки – ведьмино семя. Не тому, ой не тому, за жизнь твою она пообещала!» – после нащёптывала бабушка. Бабка и бабушка – не одно и то же. Ханна знала. Но знала после, выцарапавшись из удушья. Уже обещанная, наверняка, некой силе, собирающей детские души. За окном от вечного ветра мело рыжими листьями.

– Выпустило её. Жить будет, болезная, – вздохнула повитуха.

И Ханна жила. И, подрастая, слушала повторяющийся рассказ о своём первом выпускном из смерти.

Ханну звали Катя. У особенных два имени – настоящее

и людское. На людское полагалось откликаться на улице и в школе, называться им незнакомцам. Людское писали в метрике. Людское притягивало бесконечных тёзок. Настоящее знали только дома. Внушали и скрывали. Ханна не понимала, почему. Просто мимо неё катился пёстрый ком событий, безынтересный по малолетству. В первый год её жизни родители прятались по подвалам. От красных, белых, бандитов, ото всех, шедших югом и пытавшихся занять Ростов с Нахичеванью наудачу. После успокоилось. Оставалось только приноровиться к новой власти, съехать туда, где забудут купеческие корни. Так случилась комната в Ростове, на Новом поселении, с гулким трамваем за окном. Ханна привыкла бежать вдоль линии, подле звонких рельс, догоняя вагон, падать на мостовую, смеяться, опять догонять. У неё выходило быстрее, чем у приятелей-мальчишек, те злились, толкались так зло и метко, что, падая, она сбивала колени в мясо. Но скоро Ханна научилась драться. Дома не переводились гневные соседки:

– Катерина ваша сына мне скалечила!

Бабушка смотрела на жалобщиц с пренебрежительной усмешкой. Стояла, сухая и длинная, похожая на корявое древнее дерево, и глядела так, что чужие матери сами ретировались из комнаты боком. Ханне она говорила вечерами одно и то же.

– Надо – защищайся. А просто так в драку не лезь. Просто так лезет одна шпана и босяки. Помни свою кровь.

Кровь проступала на царапинах и легко смывалась под струёй из сипящих уличных колонок. Только бабушка твердила об ином. О тайном имени, которое доступно лишь своим. О вовремя выправленных фальшивых документах, купленных в период мытарств по подвалам. Отчего-то в Ростове лучше оказалось, по мнению бабушки, быть Катей, чем Ханной. И называть родней не мать, тихо ушедшую в родах, а отца, залётного комиссара, оставшегося под Крымом в вечном подводном плену. Ханна иногда воображала, что папа живёт с русалками из старинных книг, заплетает им косы и на илистом дне расска-

зывает долгие повести о революции. В школе комиссаров звали героями, а Катю – геройской дочерью. В мире белой комматки с видом на трамвай, где Катя преобразалась в Ханну, бабушка именовала отца исключительно подлицом. Его кровь помнить не стоило, она текла не в Чёрное море, а в некую геенну адову. Ханна точно не знала, кто такая геенна, наверное, та, вонючая и тонконогая зверушка, что живёт в зоосаде. Сказка про русалок ей нравилась определённю больше, и она научилась, послушно кивая бабушке, придумывать по-своему.

Мир её полнился людьми и языками. Привычная к обществу мальчишек, она жила на улице, забегая домой лишь наскоро перекусить и попить воды. Лучше незаметно, чтобы не оставили готовить уроки, читать книги, заниматься прочим правильным и скучным. Стремглав на общую кухню, пара судорожных глотков, прикинув губами к крану (тратить время на стакан или чашку – роскошь). Хлеб с маслом и сахаром удобно пережёвывать на ходу, прыгая по лестнице вниз через ступени.

– Ты не Божья, ты недайбожья! – шипела гневно вечерами бабушка.

Но до вечера бывали плотные жаркие дни. Ханна шаталась с мальчишками по рынку, улыбалась приветливым нахичеванским армянам и пробовала их соленья, не покупая. По-армянски она знала мало, но достаточно, чтобы разжиться скибкой бочкового арбуза или квашеной капустой. В флигельках при рыночных проулках обретались люди с именами, похожими на её тайное, и иногда она выдавала на идише что-то из бабушкиных уроков, и её угощали молоком, вынося к крыльцу эмалированные кружки. Иногда она помогала дорожным станичницам в расписных платках найти нужную подворотню, куда нырнёшь – и вот он, базар! Станичницы были странного народа казаков, и говор их походил на русский только отчасти. Ханна впитывала чужие наречия во всей их восхитительной местной мешанине. Дома забывалась, выдавала что-то на знакомом, и бабушка качала седеющей головой:

– Был град вавилонский великой блудницей и пал...

– Мы в Ростове живём! – отмахивалась Ханна.

И представляла себе «павший» город, состоящий из бумажных домиков. Такие клеили из папиросной бумаги на уроках труда. Город рушился из-за сквозняка. Раму кабинета поддувало. Однажды Ханна из глины слепила тонконогую зверушку. Посадила у хрупкой халупки с прозрачными стенами.

– Это кто, Катенька? – справилась учительница.

– Гиена.

Ханна чуть не добавила «огненная», но всё же постеснялась. Красный карандаш для росписи ей добыть не удалось.

Ко второму выпускному она пошла семимильными скалочными шагами на шестнадцатом году жизни. В тот год она давно уже как перестала носиться за трамваями, зато полюбила ходить в кино. Показывали фильм про цирк, где точёная женщина со светлыми кудрями баюкала темнокожего младенца. В зале шушукались сочувственно старые армянки, молоденькие станичницы-казачки, иные и разные, жившие в южной духоте. Ханна жадно впитывала фокусы и песни, наблюдала за смешением тёмного и светлого и совсем не помнила свою кровь. Человек, покупавший ей билеты, был чужим и недайбожьим. Когда-то он со злости толкал на мостовую, к самым рельсам, а после зажимал разбитый нос. Нынче же они бродили вместе по городу, ходили в кино и неловко целовались по углам. Он называл её Катенькой, она молчала, потому что верила ещё ровно на людское имя. Однажды они долго плутали, пересаживаясь с трамвая на трамвай, шли пешком и выбрались под стрёкот сверчков к оврагу-воронке. Стояли, смотрели с обрыва на пятна светлячков, и Ханна не сталкивала чужих рук с плеч.

– Осторожно тут. Говорят, кусить могут. Змеи ползут...

Ханна рассмеялась. И пошла в темноте по густой траве. Сбросила босоножки, ощущала шелковистые стебельки. Змей

да змеица, примите меня, пригласите на свадьбу, сделайте своей! Я сделаюсь и вашей крови! Но были лишь тишина и светлячки.

– Скаженная! – шепнул восторженно парень.

И ухнул за ней по склону. Они сошлись внизу, сплелись ладонями. Ханна не сопротивлялась и легко отвечала на движения елозящих рук. Небо над балкой, названной местными Змиёвской, укоряюще наблюдало за их грехом. «Я Катя. Я комиссарова. Пусть батя русалкам крымским споёт обо мне. Плевать!». И Ханна умирала, перерождаясь в Катерину. И её настоящая кровь капала на подол нарядного белого платья в синий горошек.

Поженились они через пару лет, и бабушка шептала горестно на идише, когда оставалась одна, а при людях улыбалась, желая многие лета. Померла она через год, словно окончательно отмерив тем второй выпуск, принадлежащий Кате. Но иногда снились сказочные города, шорохи и вскрики, и шёпот на чужих языках, и Катя ночью обращалась в Ханну. К Змиёвской балке она с мужем по молчаливой договорённости больше никогда не ходили.

Двадцати четырёх лет после пары выкидышей Катя понесла. Пила много воды, выташнивала тревогу, глотала май и мысленно просила судьбу сохранить зачатое. Людское и настоящее мешались в ней, и, кроме веры в женскую больницу, она молилась бабушкиному богу и – на всякий случай – крымским русалкам отца комиссара. Мужа взяли на фронт в июне, с самым началом войны. Ни Катя, ни Ханна не волновались. Надолго не продлится. Победят – вернётся.

В октябре, когда до разрешения от бремени было ещё далеко, в город вошли чужие. Катя возвращалась в бабушкино прошлое, скитаясь по подвалам. Чужие могли схватить за руку и утащить в погибель или в их далёкую страну. Потом они съехали, и Катя убедилась, что всё закончится хорошо. Но уже не изменяла старой привычке называть себя мысленно

Ханной. «Храни меня, что угодно, только живой». Дочь она родила незадолго до второй оккупации и ровно за три дня до мужней похоронки. Записала Лидией, а про себя определила к людскому настоящее – бабушкино – имя Ева. Подрастёт дочурка, там и узнает, как её зовут.

Сдали Катю соседи. За таких, как она, чужие расстреляют, если скрыть. Потому забрали её с остальными, теми, что с жёлтой звездой. И Катя вновь сделалась Ханной. Признала место, где змеи свадебки играют. От Змиёвской балки шёл безостановочный дикий крик. Трещали автоматы. Дочь Лидия, она же Ева, была, ей на счастье, оставлена ещё до облавы на приглядеть подруге. Ханна же ступила в знакомую траву. Были женщины, плакали дети. Начинался третий выпускной. Ханна вслушалась в мешанину звуков и зажмурилась. И шла по траве, вдоль гудящих выстрелами, к бабушке в вечное лето до тех самых пор, пока выпуск не стал окончательным.

Лидочка выросла в детском доме. О своём подлинном имени Ева никогда не узнала. Выучилась на художницу, рисовала декорации для драматического театра. Но известность принесла ей картина. На обрыве над Змиёвской балкой – шеренга. Дети, женщины, старики. Напряжённые ломаные фигуры. Стоят линейкой, ждут. А от автоматчиков – одни расплывчатые тени. Лидочка по младенчеству совсем не помнила войны. И что её толкнуло рисовать выпуск в смерть – не знала.

ГРИБАНОВА ТАТЬЯНА

г. Орёл

СПЕЛЫМ ЛЕТОМ

Под Преображение Господне наступает самая благодатная, сытная да щедрая порушка. Дождались: разродилось, вызрело, наконец-таки, лето! Теперь уже – что ж тут мудрёного? – млеют, томятся в яблочном аромате присевшие под необорным урожаем сады и палисадники. Чудится, даже от тугощёкого солнца – этого огромного переспелого яблочища – особенно на вечерней заре, когда запахи становятся гуще и ощутимей, тянет знакомым с младенчества белым наливом.

Накануне праздника, куда ни помотришь, под яровыми яблонями сгуртованы пахнущие сладкой прелью, день-деньской зундящие осами, а ночи напролёт светящиеся, пропитанные неугасимым солнечным светом, несчётные вороха.

Сколько себя помню, под Яблочный Спас скрип-поскрип ходит ходуном наша калитка – соседи от нас несут домой на угощение родичам мешки и корзины всяческой садовой всячины. Тут тебе и янтарные, с пупочкой-шишечкой, прозрачные до сердцевины, до тёмно-коричневых пошуркивающих, коли встряхнуть, семечек пепины; и красные, с вишнёвыми прожилками мармеладные медовки; и громадные, с детскую голову, наливки. Сахарные – для ребятишек первостатейное лакомство! Разломишь: половинки – точь-в-точь присыпанные сладчайшей пудрой ломтики пастилы.

Сад наш старей, яблони вымахали – ни рукой достать, ни с лесенки дотянуться. Приходится взбираться как можно выше и ласково потряхивать – кому же «бой» нужен? Чтобы яблоки не шибко ударялись, под деревьями раскидывали сено. Падают, сыплются красивущие, первосортные, налитые све-

том и соком, чудится, будто тысяча крохотных солнц слетела со своих орбит и зароилась по Всевышнему промыслу под Спасов день в нашем саду.

Не поддающиеся слабому отрясу яблоки приходилось или сбивать длиннющими палками, или трясти суки так, что белые наливки и медовки градом сыпались наземь. Летели куда попало: не успеешь увернуться – и тебе шишек достанется.

Второсортица шла на соки, повидла, сушку, на пироговую начинку.

Наше семейство всегда ждёт не дожждётся этого замечательного яблочного праздника. Самыми красивыми да душистыми плодами пренебреженно наполняем под завяз две едва подъёмные плетушки, «для себя». Притаскиваем в избу – Спас на дворе, хочется, чтобы повсюду пахло яблоками.

И сегодня, поднырнув под грузные деревья, насобирали полфартука чистых, росных опортов. Самые приглянувшиеся, самые раскрасивые яблочки уложила на белый ситцевый платок, завязала его репушкой – и на божничку, поближе к образам: пусть поспевающие на потребу дожидаются Спасова благословения в этом священном месте.

Завтра, как поплывёт вдоль нежно-бирюзового небесного подшалка с Поповки благовест, наломаю в палисаде духовитых бархатцев да огненно-рыжих георгинов, прихвачу заготовленный узелочек, пойду в недавно отстроенный храм на праздничную службу, но сначала на слаженных на скорую руку, ещё пахнущих смолой тесовых столах, расставленных вдоль церковной ограды, вместе с другими прихожанами развяжем сумы-платочки, и батюшка Александр в белых одеждах, радостный и важный, поздравляя православных с Преображением Господним, окропит святой водицей и нас, и горы вошедшей в силу всяческой садовой снеди. Освящённых фруктов-овощей вдосталь – хватит и домашним разговеться, и батюшку с причтом угостить.

Помнится, в конце апреля, в самую распутицу, так же светло и торжественно, всей силой своего широкого голоса отец Александр благословлял прихожан, размашисто кропил букетики вербицы, а в Христово воскресение – куличи да пасхи.

Яблоки помягче да поспелее отобрала на пироги. Обычно к Спасу становленное тесто, видать, сам Господь помогает, не удержат – так и пыши т, выпирает из квашни, так и лезет из-под полотенца! Вот и нынче – выходилось на славу, да и печь «душевным» вишнёвым хмызником протопили – жару-то, жару! Пора стряпаться!

Бывало, бабушка Ньюша, от которой в такие дни пахло укропом и вишнёвым листом, яблочным и сливовым повидлом, и как только не называла праздник Преображения: и Средний Спас, и Спас-на-горе, и Первые Осенины, а то и Горюхов день (к этому дню созревал ещё и горох).

На вечерней заре, сидя у крыльца на лавочке, нанизывая для сушки на суровую нитку янтарные лосточки титовки, вздохнёт она вдруг, окинув хозяйским взглядом зачин, знамение осени – прорву яблочных ворохов, отметит с грустинкой: «И в численник заглядывать не нужно: пришёл Яблочный Спас – ушло лето от нас». И озарится светлой грустью её строгое, будто переснятое со святой Анны Кашинской лицо. И залюбуется она, как расшитой яркими мулине занавеской, тронувшимся рыжиной, далёко-онько просматривающимся с нашего крыльца, на днях загоревшимся жарким опаляющим светом деревенским повольем.

Творя (всегда постное!) тесто для спасовых пирогов, она подбирала юбки, поднималась на табуретку, доставала с божнички коричневого стекла бутылочку и вливала из неё в замес ложку-две святой водицы. И сама, вкушая пищу в Успенский пост по правилам святых отцов, лишь единожды, подступалась к выпечке с молитвой, по-особому долго крестилась перед иконами, молвила:

«Господи Иисусе Христе, Боже наш, во Свете живый неприсутнем, Сияние сый Славы Отчия и Образ Ипостаси Его!.. Даруй же и нам всем пречистыя Плоти Твоя Преображение празднующим».

Устанет старушка от хлопот, присядет на деревянный, слаженный её рукастым братом Василием резной кухонный диванец, и поведёт нам, внучатам, свой неспешный сказ. Начнёт толковать-растолковывать несмышлёнышам евангельскую быль – чудесное преобразование Иисуса Христа на глазах ближайших учеников во время молитвы на горе, где открыл Он сподвижникам Свой всесветлый лик и сияние белых одежд, чтобы они осознали Его божественное происхождение, поняли смысл миссии и значимость новой веры, которую Он несёт.

...По примеру бабы Ньюши заготовку для печева помыла, почистила, ссыпала в макитру – гора горой! Накромсала ранета да медовки, наварнакала с ними прорву пирогов – прям-таки на Маланьину свадьбу. Прикинула: вдвоём с отцом ни за какие коврижки с этим вкуснющим ворохом не справиться. Вынув последний противень из ласковой, сомлевшей печи, накидала золотисто-горяченьких в матушкино решето, прикрыла их свежим вафельным полотенцем. Ничего! Глядишь, гости нагрывают. Опять же: как не угостить соседей?

Остальными спасовскими боровинками, грушовками да малиновками убрала полки и лавки в сенцах, подоконники да этажерки в избе, даже по углам раскатила, даже под сараем отцовский верстак ими засыпала.

Отборные же, «наблюдные», уложила в большую деревянную чашу посередь столешницы, застеленной праздничной тканой и расшитой ещё бабушкой сермяжной скатёркой. Оглянулась, прошлась по кухне, по горнице: засветилась душенька от восхищения – красотища-а! Хорошо-то как, Господи! Хоть и в разгаре Успенский Пост, а на сердце светло и радостно.

Правда, у нас всегда так: обряжать жильё к большим праздникам повелось со времён пращуров. Загляни в любую хату, к примеру, на Троицын день – от крыльца до самого дальнего чулана стены в берёзовых косицах, во всех кубаных-склянках букеты полевых цветов. Круглый год в Красном углу сберегаются освящённые на Пасху крашенки, на Пятидесятницу – веточки берёзы, в Вербное воскресенье – вербонька.

Когда-то наше Кирово Городище слыло большим ярмарочным селом. Жаль, что очень многие обычаи канули в Лету. А раньше-то, рассказывают, мол, не обходилось ни одного Дванадцатого праздника без широкого торжища, которое по обыкновению велось накануне вдоль луговины, раскинувшейся пятиверстовым платом по правому берегу Кромы.

И на каждый ярмарочный день, как и по всей Руси, был прописан испокон особый торг. К примеру, к Пасхе – спрос на муку, яйца, на изюмы-сласти. К Покрову, когда хлопотной хозяин забивал птицу, – всякий-разный скот, торговые ряды ломались от мяса, сала. А под Преображение на базаре, знамо дело, – вся огородная, садовая снедь. И, конечно же, особая статья – яблоки.

Торговали ими прямо с телег, сгуртованных многочисленными таборами «по деревням». Со всей округи: из Гончаровки, из Гнездилова, из Выдумки, из Гавриловки, из Жихарево даже из Столбища тянулись под праздник на Кировскую ярмарку по пыльным, прожаренным солнцем просёлкам вереницы подвод, заваленных мешками, заставленных корзинами, ящиками с огненно-заревыми, румяно-розовыми, пёстроцветными, наливными, вино-красными, с сусальными набрызгами, осенне-рябистыми, медово-янтарными, сливово-багровыми, зелено-белесыми, медвяными, с просвечивающимися до самой сердцевинки, до самых что ни на есть капелек-зёрнышек крупнющими, будто покровские кочаны, дробненькими с жёлто-алой мякотью ранетками, из которых – прямо с палочками!

– варят у нас восхитительные варенья, а ещё – в вишнёвую крапку, в золотистую мушку, в коричневую ольшанку.

Хозяева, для сохранности на тряских дорогах заботно укладывали нежный товар на сено, солому, на рогожки-ветошки. Хотя яблок были «горы Русалимские», да и в обратку не повезёшь, а только торг шёл шумливо-радостный, долгий за каждую копейку, за каждое яблочко. Так на то и базар!

Рассвет поколыхивался от залиvistого перезвона.

Уж коли собралась в церкву – решила я для себя однажды и на веки вечные – возьми за правило: не опаздывай. А в праздник – тем паче. Да и вообще веди себя уставно во храме.

По недозрелой, чуть желтоватой раннице, по насквозь пропахшим яблочными предосенними ароматами воздухам заторопилась «к часам» в сторону проклюнувшегося бледно-розового восходья. Шла и, затаив дыхание, прислушивалась, как кто-то взволнованный и радостный внутри меня, покуда спускалась вдоль хутора, краем реки, потом селом, даже когда преодолевала крутой угор Поповки, нашёптывал:

«...Господи, настави мя правдою Твоею, враг моих ради исправи пред Тобою путь мой...».

В этот ласковый час по углам храма ещё сумеречно и сине-дымчато, словно первой зарёю в закутанном густым августовским сном отцовском саду. И так же, как под нашими деревьями, светились в забрезжившем восходе тоже повсюду, играли в свечных отблесках спелые плоды: и россыпью на подоконниках, и в огромных корзинах у Царских врат, и в маленьких кошёлках под иконами на ступеньках амвона.

Отец Александр, круглый и румяный, как спелая тыква, обличем – да прости меня Господь за напрашивающееся сравнение – чем-то схожий с библейским Саваофом, спустившимся с небесной выси или сошедшим с гравюр Доре. Вдумчивое лицо обрамлено белой ухоженной бородой, отливаю-

щей в блеске множества свечей старинной медью, позвякивал кадилом сначала у престола и жертвенника и только потом принялся обходить посолонь в полумраке храм.

Сквозь облака кадильного дыма на самой середке церкви несокрушимым столпом виднелся убранный ризой аналой, вершило его большущее Евангелие. Алтарь и амвон обряжены ветвями, осыпанными крошечной лесковкой – малиново-алым диким ранетом. Как только взгляд мой устремился на обряза, губы задрожали от молитвы, на глаза навернулись слёзы. Пальцы сложились в троеперстье, и рука сама собой потянулась ко лбу.

Собрались (знаю своих наперечёт) почти все жители нашего когда-то большого, а теперь похерившегося села. До ма в такой великий день остались лишь хворые.

Отворились Царские врата. Ни шепотка... Лишь потрескивали свечи, да время от времени едва видимой тенью обьявлялась на мгновение снимавшая огарки с подсвечников старая Федотовна.

Беззвучно стояли селяне, прислушивались, как в этой самой тишайшей тиши старались, ладно выводили на клиросе хрустальными голосами старик Петрович и внук его Николка; внимали батюшкиным проповедям, их не постижимой простым мирянам глубине; взирая на мудрые, строгие лики Спаса и святых угодников, вели с ними несуетную безмолвную беседу о своих чаяниях, о распростецком крестьянском житье-бытье.

На клиросе певчие возрадовались: «Преобразился еси!». И следом на амвон бережно и торжественно водрузили громадную корзину, наполненную самыми отборными яблоками из прихрамового сада. Свершив молитву, отец Александр благоговейно окропил их святой водой.

От могучего, редкостной силы голосища священника за витиеватыми решётками совсем осветлившихся окошек, окончательно смахнув с себя прозрачную тонкую дрёму, в церков-

ном саду, роняя в ласковую солнечную пыль пропасть медовок и апортов, показалось, ещё чаще затукало преображенское утро. А с макушек пригородных берёз взмыла кипенная стая голубей.

В конце службы священник, которому невозможно было не отвечать на исповеди до малой крохи по совести – при одной мысли от этого бросало в жар – размашисто перекрестился на иконы, ещё раз осенил всех крестом и, благословляя, поздравил свой невеликий приход с Преображением Господним. Подойдя ко Кресту, с трепетом взяла я из рук батюшки освящённый дар – пурпурно-алое наливное яблочко.

Вот и отошла, отпела в Божьем доме литургия. Говорят: пост да молитва отворяют небо. На не шибко высокой, но заливистой колоколенке затрезвонили «во все тяжкие». Частый праздничный перезвон окропил солнечной сусалью переспелые августовские небеса, и они, будто бы от колокольных ударов, не стерпели, потекли, заплавились, заоплывали на сады и пожни тугим чистопробным золотом.

С каждым новым мгновением земля становилась всё явственней и просторней. Солнце, слизав последние росы, уже вовсю играло, пошуркивало первой вызолоченной, уже не нечаянно обронённой, а будто нарочно к празднику просыпанной листвой.

Зачавшийся, всё краше расцветающий день распахнулся после светлой обедни на все стороны до самых дальних горизонтов. Кругом праздник – «Преобразился еси на горе Христе Боже!».

По старинному деревенскому обычаю, не откладывая в долгий ящик, после освящения, прямо на церковном дворе прихожане, перекрестившись широким взмахом, принялись разговляться. И так же, как на Пасху крашенками, угощали друг дружку освящёнными яблочками, оделяя в первую очередь ненасытных ребятишек, одиноких стариков и тех, кто по

какой-то вдруг причине оказался в этом году «безъяблочным».

После преображенской службы, после ектеньи, такого ещё не бывало, стало бы в диковинку, чтобы кто-то из прихожан, растроганный горькой черноризной скорбью – рыдающим пением Петровича и Николки:

*«Во Царствии Твоем помяни нас, Господи,
Егда приидеши во Царствии Твоем...»* –

не отправился бы по горяче-белому просёлку, взбитому тракторами да телегами в первосортную «вальцовку», вместе со всеми селянами попроведать усопших сродников на наш старей-престарый, приютившийся в полуверсте от церкви, поросший задичалыми жасминами и шершавыми вязами погост.

От храмовых ворот до него – хрумкающая нарядная вереница. И у всех в руках, точь-в-точь, как на Пасху с куличами и крашенками, – ладные тугие белые узелочки с выпирающими округлыми боками или крохотные, плетёные дедом Кузьмой из заречной лозы корзиночки, а в них – яблоки, яблоки, яблоки...

После тризны – хоть и наставляет отец Александр: мол, ни к чему она православным, а только, видать, мужику русскому без неё уже вовек не обойтись, – ближе к полудню, когда золотое яблоко солнца перекаатилось через Акулинин ложок, селяне разошлись по домам, слегка подвыпившие, довольные, с просветлёнными душами. А как же? И в храм сходили, и своим поклонились, попроведали ро дных в честь праздничка.

Загляни на другой день на погост – нет ни одной сиротливо забытой могилочки, которую бы не убрали деревенские самыми лучшими яблоками.

ЛАЕВСКАЯ НАДЕЖДА

г. Екатеринбург

ТАТА

Татьяна Михайловна закрывала дачный сезон.

Голова увесистого кабачка размякла и потемнела. Нужно было тебя в прошлый раз забрать... Под опавшими листьями лежало несколько тёмно-коричневых яблок. Поздно я вас нашла...

Ветви разросшейся облепихи кололи руки, оранжевый сок растекался по пальцам.

В детстве внучка засовывала в рот яркие ягодки и тут же выплёвывала:

– Кислятина! Почему на вашей пальме бананы не растут?! – но облепиховое варенье Мариша любила, да и сейчас любит.

Уже полчетвёртого! Татьяна Михайловна потянула тяжёлую ветку – ветка вырвалась и ударила по плечу.

Прежде муж приносил ей янтарные букеты:

– Вот какой урожай! Тата, принимай красоту! – и выкладывал на веранде ветки облепихи.

К вечеру зарядил дождь. Сегодня на их любимой скамейке не посидишь.

Летними вечерами Мариша звала:

– Ба, деда, скорее, уже огоньки появились!

Она забиралась дедушке на колени и требовала:

– Покажи мне медведей!

Василий Сергеевич чертил над головой крышу домика и четырёхугольник:

– Смотри, там Большая Медведица.

– Где? Где она?! Ты плохо показываешь!

Дедушка снова рисовал в воздухе фигуры:

– Теперь разглядела?

- Неа! А почему звёзды серые?
- Запылились, – улыбался Василий Сергеевич.
- А мишки, мишки куда спрятались?!
- За мёдом убежали, – говорила Татьяна Михайловна.
- Ну вот! Я так и знала! – расстраивалась Мариша.

Этим летом Марина приезжала на дачу с мужем Андреем: прополет полгрядки – и в тенёк на веранду.

– Помнишь, вы с дедушкой Большую Медведицу искали? – спросила Татьяна Михайловна.

– Ба, да когда это было.

...Татьяна Михайловна набрала Андрею:

– Ты за мной завтра подъедешь? Много облепихи, морковь...

– Не переживайте, в этот раз точно буду. Ждите меня к двум.

Татьяна Михайловна достала из тумбочки пластинки.

Маленькая Мариша просила:

– Деда, покрути инопланетные тарелочки!

Василий Сергеевич открывал крышку старенькой радиолы:

– Сегодня «Приключения Чиполлино», «Кошкин дом» или «Старик Хоттабыч»?

– Давай про Хоттабыча! – решала Мариша.

К концу сказки внучка засыпала.

Теперь инопланетные тарелочки играли для Татьяны Михайловны.

Утром красная дорожка уличного термометра остановилась на нуле. Ладно, хоть нет дождя. Допью чай и пойду собирать укроп и петрушку.

В час ожил телефон:

– В машине что-то застучало, я её в сервис отогнал. Через день-два... – начал Андрей.

– У меня завтра шесть уроков. Поеду на электричке.

Татьяна Михайловна сложила в рюкзак подгнивший

кабачок, зелень, три морковки. Деревянный ящик с овощами остался ждать Андрея. Надо ещё взять шиповник – Мариша опять чихает.

До электрички всего полтора часа – следующая в шесть двадцать. Вчера она шла на дачу в расстёгнутой ветровке, сегодня в таком виде далеко не уйдешь. Татьяна Михайловна повязала на голову платок, сняла с вешалки потёртый пиджак. Ветровка на него не налезет. Придется возвращаться в болотной куртке, в которой она с Васей ходила за грибами.

По дороге на станцию пришлось останавливаться. Не рассчитала с грузом: полный рюкзак, облепиха. Может, на остановке встретит Мариша? Телефон внучки отвечал короткими гудками.

Женщина чуть моложе её помогла забраться на электричку.

Осенний дождь рисовал на окне вагона пунктирные дорожки-дополнения, а потом толстой прозрачной кистью зачеркивал их. Сиреневые поля иван-чая превратились в сухие перья.

Весной у них было столько планов на этот дачный сезон!

После Первомайских праздников Татьяна Михайловна вернулась в город. Василий Сергеевич остался на даче. Пятого мая он чинил лестницу на второй этаж, закурилась голова... Соседи вызвали скорую.

До неё долго не могли дозвониться – на уроках Татьяна Михайловна телефон отключала.

Татьяна Михайловна на такси помчалась в Среднеуральск.

– Состояние тяжёлое... – начал врач.

– Можно перевезти его в Екатеринбург?

– Ваш муж нетранспортабельный. Мы делаем всё возможное.

– Надеемся на лучшее, – сердобольная сестричка пустила её ночью в реанимацию.

– Вася, выздоравливай, слышишь. Никогда на больничном не был, а теперь что выдумал? Вась... – звала Татьяна Михайловна.

...Они познакомились в семьдесят шестом.

В середине августа мама встречала Таню на вокзале.

– Танечка, как ты загорела! Рассказывай, как море, как кормили?

– Море тёплое. Кормили три раза в день.

– Из тебя слова не вытащишь. А я сюрприз приготовила, правда, мы чуть-чуть не успели.

– Кто это – мы? – не поняла Таня.

– Сама всё увидишь, – сказала Валентина Петровна.

– Мама, как здорово! Мне балкон застеклили! – воскликнула Таня, входя в комнату. – Буду в сентябре здесь теградки проверять. Ой!.. Здравствуйте!

На балконе с рамой в руках выпрямился плотник, лицо его прикрывала выгоревшая кепка.

– Вам ещё долго?

– Час, не больше. А где была?

– На юге.

– Ясно. Много у тебя книг... А можно вон ту, серую, почитать? – плотник указал на тонкий корешок.

– «Муму»?! Не читали?

– Со школы перечитать мечтал. Не бойся, я с возвратом.

Плотник пришёл на следующий день. Синяя рубашка была закатана на локтях, чёрные волосы на макушке вихрились.

«Как пёрышки», – подумала Таня.

Плотник положил книжку на письменный стол:

– Знаешь, а я бы собаку спас. Лови! – зелёно-красное яблоко упало девушке на сарафан. – Ну вот, платье накормила.

Таня улыбнулась.

– Вчера не сказал: я Вася.

– Татьяна Михайловна.

– Ты Тата. Тата-тата-тата-тата тата-тата-тата... Узнала?
– «А ну-ка, песню нам пропой, весёлый ветер»?
– Точно! Дед часто этот мотив напевал. Я спрашивал:
«Ты что поёшь?», а он: «Мелодия такая... счастливая».
Василий стал по вечерам приходиться к Таниному дому.
– Тата! – звал он с улицы.
Таня вытаскивала балконную раму и махала ему рукой.
Василий доставал из кармана яблоко:
– Лови!
– Шутишь?! Пятый этаж!
– Тогда спускайся.
– Василий недалеко от нас живёт? – спросила Таня Валентину Петровну.
– Ну как сказать... в общежитии на Эльмаше.
...В палате гудел белый аппарат. Слипались глаза. Голова Татьяны Михайловны клонила на ладони.
– Тата... – словно издали проговорил Василий Сергеевич.
– Я здесь, Вася.
– Тата, я лестницу осенью почию.
– Лестница подождёт.
– Тата, не продавай дачу.
– Вася, если б я не уехала...
– Тата, почему у тебя глаза на мокром месте? Ты же мелодия моя счастливая.

Через неделю Татьяна Михайловна вышла на работу.
– Мы тут с учителями вам собрали... – директор протянул ей конверт.
– Иван Григорьевич, правда, это лишнее.
– Татьяна Михайловна, не обсуждается! Наша школа – большая семья. Вам бы отдохнуть, но скоро ЕГЭ. У вас три выпускных класса...
– Иван Григорьевич, мы весь год работали. Сложные темы ещё повторим. Они умные ребята, справятся.

...Обманщик-дождь то затихал, то начинался вновь. На вокзале Татьяна Михайловна села на двадцать первый автобус. Заблямкал телефон – прилетели фотографии дочери из Турции.

От остановки по прямой до дома – минут пятнадцать. Может, через дворы?

Первый этаж здания напротив остановки занимал ресторан «Аквамарин». Митя Петухов работал там управляющим. Татьяна Михайловна иногда встречала его, возвращаясь из школы.

– Как Тамара Фёдоровна? – интересовалась она.

– Мама? Нормально. В «Роспечати» работает. Татьяна Михайловна, давайте встречу выпускников в «Аквамарине» устроим. Я вам такой банкет организую!

– Митя, какой банкет...

– А что? Не пообедем.

– Поздно мне, Митя, по ресторанам ходить.

– Татьяна Михайловна, сколько вы мне в школе помогали! А когда мы с мамой одни остались, форму купили и кроссовки...

– Купила и купила. Тоже мне дело.

Да, вырос Митя, а в школе... Парту поджёг, бросил из окна тряпку в учителя физики, в седьмом классе в кабинет директора кошку подкинул, а у Ивана Григорьевича аллергия на шерсть оказалась.

– Иван Григорьевич, это я попросила Митю. Нашла эту кошку у школы, худую, промёрзшую. Говорили, что вы на совещание уехали. Вот я и подумала: «Пусть у вас в кабинете посидит, а после занятий домой её заберу», – сказала на педсовете Татьяна Михайловна.

За Митину любовь к животным она тогда получила выговор и на двенадцать лет – кошку Мусю.

...Татьяна Михайловна перешла дорогу. Лямки рюкзака давили на плечи.

– Татьяна Михайловна, что же вы так нагрузились! – сказал знакомый голос.

Митя забрал у неё ведро, распахнул дверь ресторана:

– Проходите – культурно отдохнёте, согреетесь.

Татьяна Михайловна стояла у входа:

– Митя, что ты придумал? И не одета я для ресторана.

– Татьяна Михайловна, возражения не принимаются – Вы мой гость. Давайте я за Вами поухаживаю. Сейчас столик подготовят.

Куртка, ведро и рюкзак отправились в гардероб.

В «Аквамарин» вошёл высокий мужчина в бежевом пальто, посмотрел на примятые волосы Татьяны Михайловны, её потёртый пиджак, болотную куртку, холщовый рюкзак в гардеробе:

– Дмитрий Александрович, на два слова.

– Полистайте журнал, я ненадолго, – уходя, сказал Митя.

Татьяна Михайловна надела куртку, наспех повязала косынку, набросила на плечи рюкзак, взяла ведро.

В дверях её нагнал Митя с пластиковым контейнером:

– Татьяна Михайловна, владелец приехал, нужно срочно корпоратив на восемьдесят человек подготовить. Я тут вам штрудель положил и наш фирменный шоколадный чизкейк. Режешь его, а он шипит от воздушности. Его даже из администрации города заказывают!

– У меня всё есть. Ты маму угости, Митя, – Татьяна Михайловна вышла из «Аквамарина».

Она прошла три дома, поставила ведро на тротуар,правила косынку.

Воробьи поделили электропровода на точки и тире. Зачем же вы, маленькие, под дождём сидите?

Уже была видна её серая, словно полинявшая от дождя, девятиэтажка.

Завтра шесть уроков, вечером родительское собрание. Таня, Тата, что ж ты стоишь? Ты же мелодия... такая счастливая.

ЛИХОМАНОВА ЛЮБОВЬ

г. Грязовец, Вологодская область

НЕЧАЯННЫЙ РЕНЕССАНС

Настёна торопилась. Она не опаздывала, вовсе нет. Просто время почему-то бежало с какой-то неумолимой скоростью. Начиная с самого утра.

Будильник поднял молодую женщину в шесть. Несмотря на субботу. Предстоял важный день. Сегодня Настёне выпал шанс изменить свою одинокую тридцатилетнюю жизнь. И если повезёт, наконец уже, устроить её. На шесть вечера была назначена романтическая встреча с внезапным кандидатом в женихи. С Анатолием Настю свела давнишняя приятельница и одноклассница Маринка. Он был её двоюродным братом и приехал на недолго погостить в город детства. Стараниями Маринки несколько отпускных июльских дней превратились в неделю, знакомство плавно перетекало в роман, и уже намечалась его кульминация. Настёна расстаралась вовсю: от наряда до праздничного ужина. Когда всё было готово для «сражения наповал» «жданного» гостя, она вдруг обнаружила, что забыла купить свежий хлеб. Мельком взглянув на часы, Настя с удовлетворением отметила, что за оставшиеся до «рандеву» полчаса вполне успеет сходить до ближайшей булочной. Новое серебристое платье, висевшее на вешалке на двери в комнату, призывно отражалось в зеркалах шкафа-купе в прихожей. Хозяйка этой красоты не выдержала и решила сейчас же выгулять платье, а заодно и макияж, и туфли-шпильки. Очень уж хотелось ловить на себе восхищённые взгляды. Зеркало послушно подтвердило Настину неотразимость. Достав из тумбочки новый полиэтиленовый пакет, она положила в него кошелёк, мобильник и брелок с ключами от квартиры. Внезапно её посетила мысль, что неплохо было бы по пути вынести и пакет с мусором. Настя была экономной хозяйкой,

поэтому никогда не выбрасывала старые полиэтиленовые пакеты, вторично используя их как мусорные. Подхватив оба пакета, Настя легко выскользнула за двери.

Прокручивая в мыслях сценарий предстоящего свидания, она подошла к мусорному баку, нажала носком туфельки металлическую педаль, поднимая массивную крышку, и опустила внутрь поклажу. Когда крышка контейнера с грохотом захлопнулась, Настя обнаружила, что держит в руках... пакет с очистками. Кошелек с ключами и телефоном поглотило полупустое мусорное «чрево». Беспомощно озираясь, молодая женщина лихорадочно раздумывала, как поступить. Залезать в мусорный бак в таком торжественном виде для неё было невысказано. Но как попасть в квартиру без ключей, как купить хлеб без кошелька с карточками и деньгами, и, наконец, как остаться без мобильного телефона в такой важный для неё момент?!

Но судьба была благосклонна к Настёне: около помойных баков «нарисовался» известный в округе бомж. Говорили, что когда-то он имел семью, но по каким-то неведомым никому причинам стал бездомным. Невысокий, худенький, он был незлобивым, улыбчивым и всегда в хорошем настроении. Звали его Леонидом, но окружающие величали ласково – Лёсиком.

Жители микрорайона, жалея его, подкармливали, кто чем мог.

– Помоги мне, Лёсик! – обратилась к нему Настёна. – Я тебе сто рублей дам. Достань, пожалуйста, пакет. Я его нечаянно в бак выбросила, вместо этого, с мусором, они – одинаковые.

– Сей момент, дамочка! – игриво ответил бомж и, натренированным взмахом откинув крышку, запрыгнул в бак. Помощник уже протягивал Насте найденный пакет, как крышка бака внезапно с силой захлопнулась у него над головой, едва он успел юркнуть вниз.

Лёсик неистово возился внутри, пробуя освободиться. Старалась помочь невольнику и сама Настя, отчаянно пытаясь открыть грязную покорёженную крышку снаружи. Ничего у них не получалось. Время шло. Настало шесть часов вечера. Внутри бака бесконечно заливался-ёрничал мобильник: «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!»

– Лёсик, ответь на звонок, скажи, что я не дома, – прокричала Настёна.

– Ладно, ладно, – ответил Лёсик.

И в следующую минуту Настя услышала:

– Привет, привет! Не, не... это не Настя! Это Лёсик! Настя со мной на помойке! У бака! Да не, никакая не собака. У бака снаружи. Да какие уши? У какой собаки? Никто её не кусал! Да не дать мне ей трубку! Крышка упала! Да никакая не крыша, а крышка мусорная. Тьфу на тебя! Ничего не понимаешь! Подходи к мусорке, сам увидишь!

– Девушка, девушка, зови кого-нибудь из мужиков! Пусть эту хреновину кубыльнут, может, откроется, – застучал по стенке изнутри контейнера Лёсик.

Настя бросилась к прохожим. Двое мужчин попытались опрокинуть бак, но безуспешно. Тот стоял намертво, похоронив во внутренностях бедного Лёсика. Подошёл Анатолий в кремовом элегантном костюме и начищенных до блеска брендовых ботинках, благоухающий дорогим парфюмом. Впрочем, благородный аромат в воздухе продержался недолго, капитулировав перед специфическим запахом окружения.

Картина, достойная кисти художника: четверо людей, двое из которых одеты с иголки, пытаются перевернуть грязный мусорный контейнер, сопровождаемые комментариями пятого, сокрытого в его недрах. Наконец, коллективное намерение осуществилось. Бак повержен, но крышку-то заклинило основательно. Пленник внутри что-то подвывает, матерится или молится, не разберёшь. К месту действия стекаются любопытные и зеваки.

– Надо вызывать МЧС, – произнёс Анатолий, потирая безнадежно испачканный обшлаг рукава шикарного костюма.

Спасатели приехали быстро, но исправить ситуацию без радикальных мер не смогли.

– Ломайте крышку! – требовали собравшиеся.

– Нельзя! Это муниципальное имущество, разрешение надо! – ответствовали МЧС-ники.

– А я-то, я-то чьё имущество? – утробно взывал Лёсик. – Задохнусь тут к едрёне фене!

– Пожалуйста, ломайте крышку, – взмолилась Настёна. – Я заплачу, он ведь из-за меня там оказался.

Кто-то вызвал полицию. Подъехавший наряд обошёл вокруг тёмно-зелёного «камня преткновения», постучал по застопорившейся крышке. В это время в баке чихнули. Услышав о Лёсике, страж порядка пожал плечами:

– Чего человек-то там делает? Чё вообще полез-то туда?

– Я его попросила достать пакет мой, – отозвалась Настя.

– Случайно туда выбросила... Ну да уж сделайте хоть что-нибудь!

– Ломайте! – распорядился полицейский.

– Не можем! Разрешения управляющей компании нет! – развёл руками спасатель.

– Ну так звоните туда! – раздражённо ответил полицейский.

– Выходной день, нет никого, – ответил МЧС-ник.

– Эй, вы, там! Чё мне тут кони кинуть чё-ли? Тут ведь не фиалками разит. Ломайте! – стонал «пленник».

– Да достаньте вы человека, наконец! – заволновалась толпа.

Полицейский обратился к Насте:

– Девушка! Возмещение гарантируете?

– Ой, да давайте скорее, я же вам сказала, что да! – чуть не плача, ответила Настя.

Полицейский записал Настёнины данные и махнул рукой МЧС-никам:

– Работайте!

– Эй, невольник! Ложись на дно, глаза зажмурь, голову руками закрой! – распорядился спасатель, подходя к баку.

– Где я тебе тут дно-то найду? Не вижу не лешего.... На боку лежу. Одни поганые мешки вокруг, – проворчал в ответ Лёсик.

Завизжала пила-болгарка. В образовавшийся распил сначала просунулась грязная волосатая рука, затем показалась такая же грязная голова, покрытая поверх спутанных тёмных волос картофельными и свекольными очистками. Общими усилиями Лёсик был извлечён на свет божий. Видок у него был колоритный: замызганная, непонятного цвета рубашка, щедро пропитанная грязно-зелёной жидкостью неизвестного происхождения, вдрызг разодранные на коленях штаны, покрытые какой-то непонятной краской кремового цвета. Довершал образ специфический «аромат», заставивший зевак зацепить пальцами носы и отойти подальше. А Лёсик улыбался! По-детски радуясь своему освобождению, он лёгким движением руки стряхнул с волос налипший мусор, затем улегся на зелёный газон и блаженно вытянулся:

– Свобода! Хорошо-то как!

Полиция уехала.

– А где пакет-то мой? – растерянно спросила подошедшая Настя.

– Эдрить твою за ногу! – поднялся с травы Лёсик. – В баке остался. Совсем позабыл про него...

Контейнер с разрезанной, но так и не открывшейся крышкой уже был поднят и водружён на место. МЧС-ники собирались уезжать.

– Ребята! Погодите! Мне надо снова туда! Пакет-от дамочкин я тамо оставил! Подержите меня за ноги, я слезею за им! А то опять застряну, не дай Бог!

Спасатели усмехнулись, но согласились завершить «операцию». Ещё несколько минут ушло на поиски вожделенного

пакета внутри полутёмного бака. Когда изрядно испачканный пакет попал в руки хозяйки, она заглянула в него за обещанной в расчёт сторублёвкой.

– Ой! А телефон-то где? – удивлённо вскрикнула Настёна.

– Вот ядрён-батон! Я его, видать, в темноте-то мимо пакета положил, растерянно-виновато проговорил Лёсик, пряча честно заработанную купюру в задний карман штанов.

– Чего делать-то теперь?

Анатолий, до того молча следивший за развитием событий, картинно закатил глаза и сказал:

– Снова полезай! Ничего лучше не придумаешь...

– Дак темно ведь там! Как найду-то посреди мусора? Опять кубылять бачок надо, да в дыру мусор вытаскивать...

– Это из-за тебя я телефон-то из пакета вытащил, раззвонился он тутотка, – обратился Лёсик к Анатолию. – Давай, пижон в светлых ботинках, набирай номер, пускай трезвонит, быстрее найду!

Втроем они опять накренили злополучный бак, положили его набок. Затем, сопровождаемые издевательской в такой ситуации мелодией, некоторое время дружно рылись в выгребаемом Лёсиком из бака рассыпающемся мусоре, пока, наконец, не обнаружился заляпанный чем-то липким злосчастный мобильник. Когда грязное содержимое было возвращено в бак, внешний вид обоих влюблённых мало чем отличался от внешнего вида бомжа. Да и аромат – тоже. На город опускался вечер.

– Ну ладно, дамочка, я пошёл! – попрощался было Лёсик, но вдруг развернулся.

– Рад познакомиться! Леонид, – неожиданно представился он и протянул грязную руку Анатолию. Тот было поморщился, но, взглянув на свою «извазюканную» неизвестно в чём ладонь, всё-таки ответил рукопожатием.

– А знаете что, Леонид, пойдёмте ко мне. Помоемся, в

порядок себя приведёте, – неожиданно для себя предложила Настя. – Да и проголодались, наверное, а у меня стол накрыт. Только за хлебом я так и не дошла, но у меня есть галеты, – вздохнув, продолжила она.

Анатолий хмыкнул и нервно передёрнул плечами. Вечер больше не обещал быть томным.

– Благодарствую, девушка! Не помешало бы помыть-ся-то, конечно, – широко разулыбался довольный Лёсик.

Под удивленные взгляды сидящих на скамейках у подъездов пенсионерок «благоухающая» честная компания прошествовала по двору в Настину квартиру. Тёплый душ и чистая одежда совершили обыкновенное чудо. К столу в стареньком тёмном спортивном костюме Насти вышел молодежавый мужчина приятной наружности. Чуть тронутые сединой курчавые тёмные волосы обрамляли открытое лицо с обезоруживающей улыбкой. Улыбались и большие серые глаза. Леонид оказался прекрасным собеседником, поведал много забавных историй из своей жизни и рассказывал их с такой непосредственностью, что даже Анатолий, поначалу напряжённо наблюдавший за происходящим, смягчился и повеселел.

За окном уже расплывалась ночь, когда Леонид раскланялся с гостеприимной хозяйкой, пообещав непременно вернуть её одежду, как только сможет.

Дни шли своей чередой. С Анатолием у Настёны как-то не сложилось, что-то было в нём такое, чего она не смогла принять. Лёсик куда-то запропастился, или, может быть, просто не попадался на глаза. А ближе к зиме на ручке Настиной двери обнаружился пакет с бумажным свёртком и пурпурная роза на длинном стебле, к шипу которой была прикреплена записка со словами: «Спасибо за новую жизнь». В свёртке оказался заботливо упакован совершенно новый, с биркой, тёмно-синий спортивный костюм.

ТАТУР ВИКТОРИЯ

г. Красногорск, Московская область

МУЗЫКА У СТАРОГО ДОМА

– Ненавижу этот аккордеон! – Стёпка согнулся на стуле от тяжести инструмента.

– С твоими способностями так относиться к музыке – преступление, – мама с укором посмотрела на сына. – К любой мелодии ноты можешь подобрать.

– Ну и что? Не пойду больше в музыкалку!

– А инструмент куда?

– Продадим, – огрызнулся Стёпка.

– Какой предприниматель нашёлся! А ты забыл, чей он?

Стёпка угрюмо уставился в ноты и принялся мучить инструмент. Он уже столько раз слышал эту семейную историю!

Аккордеон достался ему от прадеда Анатолия Григорьевича. Стёпка его совсем не помнил.

Анатолий Григорьевич вернулся с войны с двумя медалями и одной правой рукой. Левую – ему по локоть оторвало при разминировании моста к подступам Берлина. Мама рассказывала, что он часто доставал из-под кровати аккордеон и играл. Единственной рукой. А Стёпка неуклюже приплясывал, колотя по полу пухлыми ножками.

Маленькому Стёпке нравилось рассматривать инструмент. Самой интересной была металлическая заплатка на боку, прикрывающая дыру от пули. В войну прадедущка не расставался с инструментом. Во время атаки аккордеон заслонил его от вражеской пули. Стёпка несмело дотрагивался до заплатки пальцем и тут же отдёргивал его. Поэтому и решил пойти в музыкальную школу, а теперь жалел и с тоской смотрел в окно, где на деревьях распускались почки.

– На майские в деревню поедem, – заметив его взгляд, сказала мама.

– Ура-а-а! – Стёпка вскочил и с грохотом уронил аккордеон в старый чехол.

Утром Стёпка проснулся от громкого шуршания. Мама собирала сумки.

– Доброе утро, – сказала она, увидев сына. – Ноты не забудь.

– Что? Аккордеон с собой брать?

– Конечно. Надолго уезжаем. Тебе заниматься надо.

– Вот невезуха! – Стёпка с силой захлопнул дверь в ванную.

За завтраком он бухтел и сетовал, что такой маленький, а уже страшно несчастный. В дороге, пока мама вела машину, Стёпка почти не разговаривал. Безучастно глядел на мелькающие за окном деревья и чувствовал тяжесть аккордеона, который лежал в багажнике.

– Будь добр, не изображай перед бабушкой мировую скорбь, – попросила мама, в сумерках въезжая в деревню.

– Ладно, – отозвался Стёпка, увидев знакомые деревянные дома.

Настроение приподнялось. Уже завтра он увидится с друзьями.

– Мам, – оживился он, рассматривая одинокий дом на пригорке. – А правда, что дядь Витя сумасшедший? Ребята говорят, он с облаками разговаривает. И ругается страшно, когда к нему в сад за яблоками лезут.

– Кому ж понравится, что у него яблоки крадут?

– Так мы попробовать просто.

– Стёпка, тебе своих яблок мало? Дядь Витя войну прошёл, старенький совсем. Он, кстати, тоже на аккордеоне играл.

– А теперь?

– Теперь уже нет, – мама притормозила у деревянного забора.

На крыльце их встречала бабушка. Она помогла занести сумки в дом. А Стёпка поплёлся сзади, подтягивая тяжёлый аккордеон.

Втроём они допоздна сидели в кухне. Стёпка глядел на потрескивающие в печке поленья.

Утром, позавтракав, он схватил куртку, чтобы бежать к ребятам.

– Стёпа, – бабушка осторожно дотронулась до металлической заплатки аккордеона, – сыграешь?

Он украдкой посмотрел на маму и поплёлся в комнату:

– Только быстро, – его пальцы ловко бегали по клавишам. И дом, в котором раньше так часто звучал аккордеон, казалось, с благодарностью откликнулся и позвякивал чашками в старом серванте.

Вдруг Стёпкины пальцы споткнулись и разъехались.

– Да ну! – он со злостью сжал меха.

– Вот всегда у него так, – не выдержала мама. – Немного сыграет и бросит.

– Не ругайся, – сказала бабушка. – Придёт время, сыграет.

Несколько дней подряд Стёпка пропадал с ребятами. Домой приходил к ужину. Наспех смывал с лица весеннюю пыль и оттирал с рук ржавый сок одуванчиков.

– Целый день носишься. И на аккордеоне не играешь, – сказала мама за ужином.

– Жавтра поиграю, – с набитым ртом отозвался он.

– У тебя это жавтра никогда не наступает, – передразнила его мама. – Живёшь одним днём.

– Скоро черёмуха зацветёт, – бабушка неопределённо махнула рукой. – Похолодает. Вот и будет заниматься.

Бабушка оказалась права. На следующий день вся деревня стояла в черёмуховом цвету. Деревья будто нацепили пушистые снежные шапки, от которых исходил такой одуряющий аромат, что кружилась голова. Стёпа представил себя ве-

ликаном. Вот сейчас он подует на этот снежный пух, и тысячи перьев закружатся в воздухе.

Одно не радовало Стёпку – синебрюхие тучи будто сговорились и навалились на небо. А потом и вовсе зарядил дождь.

В этот день мама, наконец, заставила заниматься на аккордеоне.

Неожиданно раздался стук.

– Виктор Андрейч, в такой-то ливень! – бабушка открыла дверь, впуская дядю Витю.

– Авось не растаю, – сказал он, поставив на пол корзину.
– Я за картошкой. У меня в этом году вся вышла.

– Неужели сажать будете? – удивилась бабушка.

– Сидеть надоело. Так маленько в огороде чего поделаю.

– Стёпа, сходи в погреб, набери картошки.

Стёпка сжал меха на аккордеоне и выглянул в прихожую.

– Внук приехал, – пояснила бабушка. – Музыкае учится.

– Хорошо, коллеги, значит, – одобрил дядя Витя.

Когда Стёпка вылез из погреба с полной корзиной, мама сказала:

– Помоги дяде Вите картошку донести.

В дверь снова постучали.

– Погнали на сеновал, – закричали мальчишки, толкаясь в коридоре. – Там крыша есть, в футбол играть можно.

Стёпка растерянно посмотрел на маму.

– Отнеси картошку, – она сняла с вешалки его куртку, – а потом иди куда хочешь.

– Догонишь! – крикнули мальчишки и выскочили из дома.

Стёпка взял корзину и поплёлся за дядь Витей. Тот шёл бодро, казалось, совсем не замечая дождя. Тропинка на пригорок чавкала под ногами.

– Слышишь, дуб поёт? – спросил дядь Витя, подходя к дому.

– Не-а, – отозвался Стёпка.

– У него песня из глубины от самых корней идёт.

Стёпка пожал плечами и поставил корзину на скамейку у двери дома:

– Ну, я побежал?

Он рванул под проливным дождём. Несколько раз чуть не поскользнулся, перепрыгивая пузырящиеся лужи. Вдруг услышал странные, ни на что не похожие звуки. Стёпка оглянулся и удивлённо посмотрел на дуб. Затем поднял голову вверх.

В небе летел клин журавлей. Огромные птицы разрезали воздух мощными крыльями и курлыкали жалобно и печально. Стёпка замер, размазывая капли дождя по лицу. Он не пошевелился, пока за кромкой леса не скрылась последняя птица.

Вдруг опомнился и побежал на сеновал. Рухнул на кучу старой соломы и, не обращая внимания на ребят, долго переводил дух.

Дождь не прекращался несколько дней. Всё это время Стёпка пропадал с друзьями. К аккордеону он так и не приоткрылся.

Однажды, когда весь промокший он прибежал к ужину, бабушка сказала:

– Завтра Девятое мая. Пирогов напеку.

– Мы тебе поможем, – мама вытирала полотенцем волосы сыну. – А в десять часов парад по телевизору посмотрим.

– Не, в десять я не могу, – Стёпка вырвался из полотенца, – у нас завтра решающий матч.

– А я думала, ты нам сыграешь, – расстроилась бабушка.

– Да пацаны тогда без меня начнут!

– Подождут твои пацаны, – отрезала мама.

– Что мне теперь, дома сидеть из-за этого праздника? – от обиды у Стёпки в горле застрял колючий комок.

Ужинали молча. Стёпка демонстративно рано отправился спать. Ночью ему снился сон, будто приходил прадед

Анатолий Григорьевич. Вернее, Стёпка не видел его лица, но точно знал, это был он. Прадед протянул единственную руку и похлопал его по плечу. Затем взял аккордеон и скрылся за дверью.

Утром Стёпка проснулся от яркого солнца. Обрадовался, что надоевший дождь, наконец, прекратился. Вдруг резко соскочил с постели и заглянул под кровать. Аккордеон лежал на месте.

Стёпка несмело прошел в кухню.

– С праздником, – бабушка выкладывала на противень пироги.

– И тебя, – проговорил он.

Ему было как-то не по себе. То ли он всё ещё обижался, то ли чувствовал стыд за вчерашнее.

На подоконнике заметил чёрно-белую фотографию Анатолия Григорьевича с медалями на груди, а рядом вазочку с веточками черёмухи.

– А мама где?

– За молоком к тёте Наде ушла. Пойду, воды принесу, – бабушка вытащила из-под скамейки пустое железное ведро.

– Давай я, – вызвался Стёпка.

Он выскочил на крыльцо и прищурился. В небе поднялось солнце, и в воздухе разлилось долгожданное тепло. В деревне стояла небывалая торжественная тишина: не гудели косы, не звенели электропилы. Даже собаки не лаяли.

Стёпка направился к колодцу. Откинул тяжёлую деревянную крышку, зачерпнул воды и поднял ведро. Шёл к крыльцу осторожно, стараясь не расплескать ни капли.

Вдруг в воздухе что-то треснуло. Словно разом дали гудок несколько паровозов. Стёпка замер. Это был аккордеон. Затем звук выровнялся, и полилась печальная музыка.

Он посмотрел на пригорок. Вдалеке у дома на пригорке разглядел дядь Витю. Тот держал инструмент, плавно раздвигая меха. У Стёпки защипало в носу. Где-то он уже слышал эту

мелодию. Там было что-то про землянку и огонь. В животе у него сделалось горячо, а за спиной будто выросли крылья.

Стёпка, как зачарованный, стоял и слушал, не замечая тяжести ведра. Ему вдруг нестерпимо захотелось влиться в эту мелодию, подхватить её и понести над полями, над деревьями, унося высоко-высоко в небо.

Он оставил ведро у ступеней крыльца, ворвался в дом и побежал в спальню.

– Что с тобой? – испугалась бабушка.

Он боялся проронить слово. Боялся разрушить то, что чувствовал в это мгновение. Молча вытащил аккордеон и выскочил с ним на улицу.

Дядь Витя уже играл другую мелодию. Тоже очень красивую и печальную. Стёпка несмело прошёлся пальцами по клавишам, извлёк несколько нот, сбился и снова заиграл, подхватывая музыку.

Внезапно у старого дома на пригорке всё стихло. А через секунду мелодия зазвучала с новой силой. И вот уже два аккордеона выводили печальную песню о солдатах, что не вернулись домой и превратились в белых журавлей. Эта песня разносилась по всей деревне, вplывая в каждый двор, в каждый дом. А в чистом голубом небе переливалось солнце.

Стёпка не чувствовал боли в натёртых плечах от старых кожаных лямок. Не замечал маму, что замерла у калитки с банкой молока. Не видел непривычно притихших ребят, столпившихся за забором.

И вдруг он вспомнил! Ясно увидел прадеда Анатолия Григорьевича, как тот со слезами на глазах единственной рукой играл эту мелодию. А маленький Стёпка, ещё не понимая слов, стоял и заворожённо слушал.

ТОЛСТИКОВ НИКОЛАЙ

г. Вологда

МАЭСТРО

Нина Ивановна, спустя много-много лет, всё-таки вернулась однажды в Ильинку. В храме она остановилась перед кануном, сжимая в руке пучок простеньких свечечек; зажигая и расставляя их, шептала имена, на мгновение воскрешая в памяти полузабытые лица давно ушедших.

Вошла сегодня в храм Нина Ивановна без опаски, не остерегаясь осуждающего чужого глаза, не как в далёкой юности...

Тогда все её ещё звали просто Нинкой-Ниночкой. Она собиралась идти учиться в десятый класс, когда её отца, подполковника, заместителя командира танковой части, из города в Подмоскowie перевели в глухую северную глубинку. Нинка с мамой особо не отчаивались, собрались быстро: что поделывать, судьба военная такая. Да и отца с войны четыре года ждали, вернулся совсем недавно.

Нинка теперь после уроков в новой школе – бывшем купеческом особняке в центре городка домой не мчалась, как угорелая – не мелочь пузатая уже, а вышагивала, не торопясь, в окружении сверстников, форсисто задрал носик и помахи-вая портфельчиком в руке. Голову рослой Нинки украшала свернутая в тяжёлую корону русая коса.

Ближе к околице ватага сверстников таяла. Дальше девчонке по полевой дороге вдоль жидкого перелеска до барачков воинской части предстояло бежать одной. Из мальчишек-одноклассников в провожатые пока никто не набивался, видимо, робея Нинкиного городского гонора и под стать ему характера.

Миновав околицу, Нинка прибавляла шаг, потом уж чуть ли не бежала. От заносчивой девчонки не оставалось и следа, мчалась, как последняя трусишка. Ещё бы – в проду-

ваемом насквозь ветром редком перелеске начинала мелькать согбенная мужская фигура с длинными включенными космами волос на голове. Незнакомец, выглядывая из-за стволов деревьев, передвигался по перелеску ничуть не медленнее Нинки, вынужденной перескакивать и обегать дорожные ухабы, заполненные водой. Девчонка, хоть и боялась попристальнее взглянуть в его сторону, всё-таки успела рассмотреть его лицо с вытаращенными глазами и облепленное клочками седеющей щетины. Домой Нинка заскакивала – не помнила как...

Она стала брать провожатых парней: уговаривать их не пришлось – тряхнула косой, и тут же побежали наперебой. По перелеску теперь никто не метался, лишь раз мелькнула в стороне знакомая фигура и пропала.

Нинка вздрогнула и испуганно заозиралась.

– Яшки, что ли, боишься? – спросил один из провожатых кавалеров. – Так это наш дурачок, безобидный и добрый. Ничего худого не сделает.

И вправду, Яшка к Нинке по-прежнему близко не подходил, только выглядывал её, прячась, из-за углов, и Нинка скоро стала привыкать к такому странному вниманию.

Иногда и ей самой доводилось незаметно понаблюдать за своим неожиданным «поклонником».

У Яшки было, видимо, что-то неладное с ногами: развернутыми в разные стороны ступнями он вздымал клубы пыли, неуклюже переваливаясь по подсушенной ещё почти летним солнцем улице, но передвигался довольно быстро, наклонив вперёд голову с нечёсаной гривой волос. Было Яшке за тридцать, сильно старила его борода с нашлёпками седины. На лице его, казалось, застыла навсегда блаженная улыбка, хотя большие чёрные глаза смотрели с печалью.

Выскакивали из подворотен брехучие псы, норовили хватить Яшку за штанины; мальчишки-мелюзга, дразнясь, бежали следом за ним и пуляли камушками. Яшка, хоть бы что, скаля зубы, упрямо пёр вперед...

Жил он в сторожке на краю погоста возле Ильинки: старик сторож потеснился, уступив на время убогому чуланчик, а тот так в нём и остался. Старушонки прихожанки Яшку, жалея, подкармливали, да и сам он не слонялся без дел, а их в приходском хозяйстве – пруд пруди.

Вот так же, жалеючи и чуть с насмешкою, однажды провозжала взглядом Нинка бедолагу, несущегося куда-то по улице.

Нинка и сама спешила – на «осенний бал» в городковском доме культуры. В новом платьице, стесняясь накинутого на плечи старенького мамино пальто, она старательно обходила лужи, стараясь не запачкать туфли. Предстояли не какие-то школьные танцульки, а настоящий, первый в жизни, «взрослый» бал. К «дому культуры», расквартировавшемуся в стенах церковного собора, она пришла одной из последних. Постояла в нерешительности перед входом в здание со сбитыми куполами, перешагнула порог, заметив проступающую сквозь побелку фреску со святым ликом над аркой входа.

Стены внутри собора, высокий свод тоже были наглухо забелены, но лики святых всё равно проявлялись тут и там. Новые хозяева здания пытались их прикрыть кумачовыми полотнищами с наляпанными наспех в «духе времени» лозунгами.

Молодёжь толпилась у дальней стены возле штабеля составленных друг на дружку длинных лавок для зрителей – кино показывать сегодня не собирались. На деревянном помосте сцены, устроенном в алтаре, резвились, выплясывая, девки в красных косынках из агитбригады; потом что-то, жутко фальшивя, попытался исполнить местный духовой оркестр.

И наконец... Заскучавшая Нинка даже растерялась, увидев на сцене... Яшку. В чистом, явно с чужого плеча, костюме, с аккуратно причёсанными волосами и подстриженной бородкой, он неуклюже проковылял к роялю, громоздившемуся в углу сцены, сел на табуретку, всё с прежней своей блаженной

улыбкой поднял над клавиатурой руки с длинными пальцами – и когда их опустил... Звуки вальса взметнулись и разлились под соборными сводами, по упразднённым властями Божьему храму закутилились в стремительном танце пары.

Нинку пригласил молодой красавец-лейтенант из отцовского гарнизона. Увлечённая танцем, она всё время чувствовала на себе Яшкин взгляд, хотя, казалось, что за роялем он забыл обо всём на свете, без усталости играя весь долгий вечер.

Все остались довольны: и танцоры, и любители, подперев плечом стенку, просто поглазеть. Только непонятным было Нинке: почему это в своём углу, что-то шепча, украдкой крестилась бабка-билетёрша...

Яшка после того вечера куда-то пропал, Нинка забеспокоилась даже. Будто чего-то не стало хватать в этом маленьком городке. И ноги её как-то сами собой принесли к ограде Ильинки, где в сторожке обитал Яшка. В храм она не зашла, побоялась: отличница, комсомолка – мало что накажут, но и ещё за «свихнувшуюся» посчитают.

У ворот Нинке встретилась та старушка-билетёрша из «дома культуры».

– Я уж, милая, подумала на тебя, что это наша Настенька воскресла! – воскликнула она, всматриваясь пристально Нинке в лицо.

– А кто она была?

– Дочка здешнего диакона.

Старушка поозиралась, взяла Нинку за руку и отвела на укромную лавочку, спрятанную в ещё не облетевших кустах у ограды.

– Перед войной, в тридцать седьмом, их всех «забрали». Настенька-то от отца не отреклась – и её тоже. И Яшкиного родителя, отца Игнатия, со старшими сыновьями. Яшке-то младшему, «заскрёбышку», особенный талант к музыке Господь дал. Парня даже в консерваторию в Петербург учиться взяли. А потом тоже – в тюрьму... – старушка заговорила ещё

тише. – И вот Яшка вернулся, то ли отпустили, то ли сбежал. Ноги обморозил. Прибѣг домой, а родных никого в живых нет. Всех! Он на колокольню взобрался и сиганул вниз. С горя. Грех смертный задумал совершить – самоубийство. Но жив остался. Господь безумием его наказал, только талант не отнял, оставил... А Настенька-то невестой его была обручѣнной. И ты – вылитая она!

– Где сейчас он... Яшка? – спросила растерянная и потрясѣнная старухиным рассказом Нинка.

– Лежит, вон, в сторожке, едва живой... Он после каждого такого своего выступления болеет тяжело. Вот ведь судьба – памятью от прежней жизни один рояль у него остался, и в соборе, где отец настоятелем служил, играть для публики ему приходится. Страдает он, хоть и не в себе давно...

Нинка поднялась с лавочки и хотела уж пойти в сторожку проведать Яшку, но старушка удержала её:

– Лучше тебе, девонька, его сейчас не видеть! Он ещё хуже, чем есть...

Дома Нинку ожидал радостный, взволнованный отец:

– Собирайся, стрекоза, уезжаем отсюда! Меня переводят служить в Германию!..

Через пару дней немудрёный семейный скарб был уложен в кузов грузовичка. Отец попрощался на плацу с танкистами, сел на переднее сидение открытого «виллиса» рядом с солдатом-водителем. Нинка и мать расположились позади.

Миновав околицу городка, машины вывернули на «большак». И тут, у поворота, Нинка заметила знакомую косолапую фигурку, ковыляющую наперерез по полю.

Яшка застыл на дорожной обочине, как вкопанный, и, когда мимо, набирая скорость, проезжали машины, так же, как и раньше, глядя на Нинку, блаженно улыбался, и так же печальны были его глаза. Он поднял руку и прощально помахал. Робко, оглядываясь на мать, махнула ему рукой и Нинка...

...Нина Ивановна долго ещё стояла у кануна, дожидаясь

пока не погаснет огонёк поминальной свечи. Что стало с тем бедолагой Яшкой из далекой её юности, как окончил он дни свои? Теперь наверняка никто и не ведал. Сколько страдальцев в разные времена видел этот Ильинский храм – несть им числа.

ШАПОШНИКОВА МАРИНА

г. Астрахань

НА ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

Шестилетний Митька жил с родителями и старшим братом Фёдором в рыболовецком селе в низине реки Волги. Несмотря на небольшую разницу в возрасте, мальчишки частенько ссорились. Фёдор, которому шёл девятый год, был немногословен, поджарый и длинный, как жердь. Местные задиристые пацаны дразнили его:

«Федька-редька – каланча
Проглотил два калача!
Что, Федул,
Губы надул?»

А Митя – егоза, минуты на месте не усидит! Невысокого росточка, взбитенький, будто тесто на опаре. Бабушка по отцу, улыбаясь, приговаривала:

– Ты, Митя, в нашу породу пошёл – в Демьяновых. Мы с тобой два бублика из одной муки.

Дом Татьяны Евдокимовны стоял рядом с домом сына и невестки. По праздникам к ней в гости приходили товарки. В эти часы её низенькая мазанка из камыша и глины оживала, наполняясь смехом, запахом пирогов и тягучими, как патока, звуками песен.

В тёплое время на веранде ставился медный самовар с резной конфоркой и изящной гравировкой на крышке: «Самовар кипит – уходить не велит». Лёгкий дымок от древесных угольков, которыми растапливался пузатый самоварчик, поднимался вверх и растворялся в воздухе вместе с сочными звуками понизовских песен. За досужими разговорами каждый выпивал не меньше трёх чашек. Митька присаживался на угол стола и тоже подпевал, а потом тянулся за самым большим куском пирога.

Его излюбленным уголком во дворе у бабушки был деревянный сарай с камышовой крышей. В сарайчике хранились старые вещи: сломанный комод с ненужной посудой, гнущее коромысло, приставная деревянная лестница, столярный набор, удочки.

Митя часами мог перебирать здесь необычные вещицы, каждый раз находя что-нибудь интересное. Он разглядывал чугунки с закопченными боками, жарник – рыбацкую круглую печку, керосиновый фонарь, рыболовную зюзгу с прохудившейся сетью на обруче и длинной ручкой. На полках лежали коробочки с гвоздями и жестяная банка, в которой хранился ключ от потёртого клетчатого чемоданчика. В нём Митя прятал журналы, игрушечный пистолет и бинокль. Возле стены стоял верстак, пропитанный запахом стружек. Мальчик легко на него забирался и в царившем полумраке представлял себя капитаном судна, плывущего по волнам.

Как надоедало Митьке копошиться в сарае, так он напрямёно мчался в бабушкин палисадник к яблоне. Залезет на дерево повыше и рассматривает соломенные и тесовые крыши домов, белых чаек у песчаного берега реки, кургузые, выгоревшие под солнцем лодки, старый баркас, напоминающий большую морскую черепаху.

Летом мальчишки частенько звали Митю купаться на речку. Так бабуля без всяких уговоров отпускала его. Улыбнётся и скажет:

– Ты же весь, как чугунок, чёрный! Ну ладно, иди, только недолго.

Пацаны на Волге наперегонки плавали, башем ныряли. С берега можно было рассмотреть проходящее судно и прочитать по слогам его название. Буксиры, корабли шли по реке медленно, словно переваливались с боку на бок, как утки.

А однажды Митька тайком от бабушки взял из бани копыто и давай в нём кататься по реке! Что тут началось: мальчишки под него подныривают, брызгаются, визжат! Закончи-

лось всё тем, что жестяная посуда опрокинулась и пошла ко дну. А ей хоть и сто лет в обед, всё равно вещь в хозяйстве нужная, – от бабы Тани может достаться.

Митька с приятелями стали нырять. Да только как его отыщешь в воде? Хорошо, Витька рыжий нырнул поглубже, изловчился и достал пропажу со дна. Во двор к бабушке корыто всей гурьбой несли, а она исподлобья взглянула на пацанов и давай их отчитывать:

– Ах вы, шаромыжники! Зачем вам корыто моё понадобилось?!

Мальчишки – врассыпную, а Митьке ответ держать.

Баба Таня могла пожурить внука, могла горой за него встать. Случалось, он набедокурит, а отец прознает и кричит:

– Где этот неслух, по которому ремень плачет?!

Митька пролазил в дыру в заборе и стрелой мчался мимо грядок с помидорами в дом бабы Тани. Забежит на крыльцо и в самой дальней комнате под занавеской схоронится. Еле живой от страха стоит, слушает, как бабушка с отцом разговаривает:

– Ну чего ты на мальчика взелся? Аль других дел нет? Не пыли, сынок, ступай!

Тот лишь рукой махнёт, обронив:

– Заступница!

Внук любил ночевать у бабушки. Возьмёт с собой тюфяк, подушечку из куриного пера и тащит их по двору.

– Ты чего по земле тюфяк волочишь? – ворчит баба Таня, а у самой глаза смеются: будет с кем ночь коротать.

Её часто бессонница мучила. Встанет среди ночи, мается, а потом чай заварит и к внуку тихонько подойдет.

– Мить, ты не спишь?

Он сквозь сон:

– Нет.

– Айда чаёвничать.

А Митька молчит, сон досматривает.

– Да что я тебе чай предлагаю? – не унимается та. – Я же

вчера на базаре арбуз купила! Митюшка, будешь арбуз?

– Угу, – буркнет спросонок внук и шлёпает босыми ногами за бабой Таней на кухню.

Она протрёт полосатую ягоду, возьмёт нож и режет её ровнёхонько пополам. Арбуз под ножом трещит, а на тарелку сок стекает. Мякоть у него красная, сахарная и нежная, как бархат.

– Смотри, в самый раз поспел! – улыбнётся бабушка и отрежет Митьке кусочек.

А кусочек – словно полумесяц, и семечек в нём, как звёздочек на небе. Внук семечки выковыривает, а на месте семечек – дырочки. Митька сидит и через них бабушку разглядывает, кухонный шкаф, окно в ночи. Баба Таня отхлебнёт из чашки глоток чая, макнёт печенье и с Митькой болтает.

– Я в детстве, как и ты, любила арбузы. Мама на исходе лета варила патоку – арбузный мёд. Какая она была душистая и сладкая! Последушки родители квасили в дубовой кадке с яблоками и листьями смородины. Дней через двадцать можно было пробу снимать, – посматривая, как внук уплетает арбуз, скажет бабушка. – Уж кто-кто, а моя мама знала в арбузах толк! Когда она была ребёнком, к ним на бахчу приезжали купцы на подводах. Покупали арбузы поштучно и возами. Воз арбузов стоил меньше рубля. Их было так много, что отдавали за бесценок. Арбузы мерили по размеру вершками. Крупные – «аршинники», средние – «безвершковые», ещё меньше – «половинники», а самый мелкий арбуз, меньше пятидесяти сантиметров, назывался «беспалый». Остальное считалось мелочью и шло на арбузный мёд, квашенье и корм скоту.

Внук заслушивался рассказами бабушки. За ночными посиделками он пару кусочков арбуза одолеет, и пойдут они снова спать.

В селе все знали: Митю с бабой Таней водой не разольёшь. Но иногда и у них случались ссоры. Как-то к соседке бабе Наташе на лето приехал внук из города. Митька был с

ним знаком, они вместе не раз ловили рыбу. Илья жуть как боялся червей. А какая рыбалка без наживки?! Митя насадит на крючок червя, да так ловко! Илюша тоже выручал приятеля: его леску в речку подальше закидывал.

Вечером Митя хотел договориться с Ильёй об утренней рыбалке. Но баба Таня собиралась за молоком и позвала его с собой. Отказать бабуле он не мог, тем более что идти было недалеко. «На обратном пути к Илюшке загляну», – решил Митя. Бабушкина приятельница налила полный бидончик молока, приговаривая:

– Молоко парное, только коровушку подоила.

Мальчик взял бидончик и направился к калитке.

– Какой молодец, помощник растёт! – похвалила его соседка.

Митя и баба Таня возвращались домой довольные.

– Сейчас придём, я тебе кашу пшённую сварю, с маслом да сахаром. Серединка полна, и краешки играют, – улыбалась бабушка, глядя на внука.

Они завернули в переулочек и поравнялись с домом бабы Наташи. Мальчик вытянулся, надеясь увидеть во дворе приятеля.

– Митя, крепче держи бидончик! – только и успела прокричать бабушка.

Внук, запнулся за камень, не смог устоять на ногах и упал на правую коленку. Бидончик выскользнул, и молоко всё до капельки вытекло на песок.

– Ах! – баба Таня всплеснула руками. – Святые угодники! Что за наказание такое! Зачем только я тебя с собой взяла!

Митьке до слёз было больно коленку, но ещё больше ранили слова бабушки.

– Вот и ходи одна за молоком! – выкрикнул он в сердцах.

Мальчик отряхнул песок и бросился бежать, оставив на земле пустой бидончик. Дома у бабы Тани впопыхах свернул тюфяк, взял подушку и порывистым шагом направился к за-

бору. Митина мама в это время развешивала во дворе белье.

– Ты чего надулся, как мышь на крупу? Никак с бабушкой поссорился?

Тот, не оглядываясь, молча тащил тюфяк и подушку.

На следующий день рано утром Митя с Ильёй отправились на рыбалку. С реки веяло прохладой и тиной. Редкие всплески рыбёшек нарушали тишину. В осоке у берега скрывалась пёстрая соседская утка с утятами.

Митька, обычно разговорчивый, не проронил ни слова. Ближе к полудню стали складывать удочки. Илья, довольный уловом, разглядывал содержимое ведёрка: с десяток тарашек, семь или восемь вобел, окунь и даже один подлещик. Серебристая чешуя поблёскивала на солнце.

– Гляди, дельная рыба! Почти целое ведёрко наловили! – радовался он, но Митя лишь улыбнулся краешками губ.

После рыбалки мальчишки пошли к бабе Наташе. В летней кухне она почистила рыбу, обваляла её в муке и достала чугунную сковородку, собираясь жарить. Приятели сели под солтенью. Митя посматривал на соседку и вспоминал, как прошлым летом баба Таня вот так же угощала их с Ильёй жареной рыбой с золотистой и хрустящей корочкой.

Возвращаясь от друга, Митька по привычке остановился у дома бабы Тани. Хотел открыть калитку, но вспомнил о вчерашнем происшествии и угрюмо пошёл дальше.

Дни шли своим чередом. Баба Таня время от времени заходила к ним, спрашивала о Мите. А он, избегая её, прятался в своей комнате. Накануне Яблочного Спаса бабушка принесла внукам гостинцы: пирожки и наливные душистые яблоки из своего палисадника. Митина мама позвала всех к столу.

Митька старался потянуть время. Одёрнул футболку, пригладил чуб. Нехотя зашёл на кухню. Опустил глаза и сел за стол рядом с братом. Баба Таня хвалилась урожаем:

– Этим летом яблочки прямо ходом спеют, я уже повидло сварила. А какая из них вкусная пастила получилась!

Митька обожал скрученную в трубочки кисло-сладкую пастилу бабушкиного приготовления. Как же ему хотелось прямо сейчас попробовать её! Он ёрзал на стуле, вспоминая, как уронил бидончик с молоком. Баба Таня украдкой посматривала на внука, потом взяла с тарелки самый румяный пирожок и протянула ему:

– Митенька, держи самый вкусный! Кушай, пока горяченький.

Митька замер: «Отругала меня, а всё равно ведь любит!». У него в сердце словно льдинка растаяла, он посмотрел на бабулю и взял пирожок.

Все пили чай, ели сладкие яблоки и загадывали желания на Яблочный Спас. Мама смотрела то на Митьку, то на бабу Таню и знала наперёд, что сын сегодня опять тюфяк с подушкой к любимой бабуле потащит.

СОДЕРЖАНИЕ

АХМЕТДИНОВА Светлана.

«Спасов день в нашем саду» 3

**НОМИНАЦИЯ «ВОЗРАСТНАЯ КАТЕГОРИЯ
ОТ 14 ДО 20 ЛЕТ» 7**

ПОЭЗИЯ

ЕРМАКОВА Александра 7

ВЫГОВСКИЙ Илья 9

ЕВСТИГНЕЕВА Елизавета 11

КОСТРИКИН Савелий 13

ЛУКОШКО Маргарита 15

ПРОЗА

ХАРИТОНОВА ЕКАТЕРИНА 17

БОЛДЫРЕВА Виктория 24

ЛОЕВА Анна 34

КАРПОВА Анастасия 39

КОЗИН Михаил 44

**НОМИНАЦИЯ «ВОЗРАСТНАЯ КАТЕГОРИЯ
ОТ 21 ГОДА» 53**

ПОЭЗИЯ

ОСМАНОВА Кира 53

КОНДРАТЕНКО Полина 53

ЧЕТВЕРГОВА Ирина.....	60
ЯЖМИНА Яна.....	63
БОЖКО Сергей.....	66
ВЕЛИКЖАНИН Павел.....	68
КОСТЕРЕВ Александр.....	71
КУЗЬМИНА Светлана.....	74
МУРАТОВ Вадим.....	76
САВЧЕНКО Александр.....	78
СЕЛЕЗНЁВА Татьяна.....	81
ШИЛКИН Сергей.....	84

ПРОЗА

НЕТРЕБО Леонид.....	88
ВИСЛОУХ Анна.....	97
КОЛМОГорова Наталья.....	106
ЗИРИХГЕРАН Ахмедхан.....	113
МИЛОВАНОВА Ольга.....	122
ПОСЕЛЕНОВ Алексей.....	130
ВЕЖБИЦКАЯ Ксюша.....	140
ГОРНИЦКАЯ Любава.....	147
ГРИБАНОВА Татьяна.....	155
ЛАЕВСКАЯ Надежда.....	164
ЛИХОМАНОВА Любовь.....	171
ТАТУР Виктория.....	178
ТОЛСТИКОВ Николай.....	185
ШАПОШНИКОВА Марина.....	191

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

Выпуск 1

Литературно-художественный сборник
произведений лауреатов, дипломантов, финалистов
межрегионального фестиваля-конкурса имени
Евгения Гусева

Литературно-художественное издание

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Светлана Юрьевна Ахметдинова (отв. редактор),
Людмила Львовна Гусева,
Юлия Александровна Зайцева

Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система города Ярославля
(Центральная библиотека имени М. Ю. Лермонтова)
150049, Ярославль, проспект Толбухина, 11
8 (4852) 21-07-34
E-mail: foton@clib.yar.ru
www.clib.yar.ru

Подписано в печать 15.08.2022 г.
Заказ № 1256. Тираж 50 экз.
Издательство «Аверс Плюс»,
Ярославль, ул. Победы, 34
тел./факс (4852) 97-69-22